



МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ
“ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ”

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
Государственное бюджетное учреждение Республики Дагестан
«Дербентский государственный историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник»



«ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ»

Материалы Межрегиональных историко-литературных чтений,
5-6 октября 2023 г.

г. Дербент



Махачкала 2023

УДК 94 (470)
ББК 63 (2 Р37)
Д-28

Д-28 «Декабристы на Кавказе». Материалы межрегиональных историко-литературных чтений, 5-6 октября 2023г. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – 134 с.

ISBN 978-5-00212-499-2 (Печать по требованию)

ISBN 978-5-00212-499-2

© Издательство АЛЕФ, 2023

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ДИРЕКТОРА ДЕРБЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

ВЕЛИЮЛЛЫ АБДУЛЛАЕВИЧА ФАТАЛИЕВА

**УЧАСТНИКАМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ
«ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ»**



*Уважаемые участники и гости
Круглого стола!*

*Я рад приветствовать вас в
нашем древнем, историческом городе
Дербенте. Дербент – город музеев под
открытым небом, в котором сосре-
доточено большое количество уникаль-
ных памятников истории и архитек-
туры, дошедших до нас в сохранности.*

*Ежегодно в Дербентском музее-
заповеднике проходят различные мас-
штабные мероприятия, конференции,
круглые столы. Тема сегодняшнего за-*

седания круглого стола выбрана не случайно. В состав Дербентского музея-заповедника входит уникальный исторический памятник федерального значения – мемориальный Дом-музей, в котором с 1830 по 1834 гг. жил ссыльный писатель-декабрист Александр Александрович Бестужев. И сегодня, впервые на базе Музея мы решили провести межрегиональные историко-литературные чтения «Декабристы на Кавказе». Вспомнить и рассказать о людях-декабристах, которые внесли значительный вклад в историю развития русской культуры, науки и просвещения.

Желаю всем участникам заседания успешной работы, интересного общения и приобретения профессиональных и дружеских контактов! Надеюсь, что идеи и предложения, высказанные в ходе работы Круглого стола, окажутся полезными в практической музейной работе.

Уверен, что участники сохраняют наилучшие воспоминания о радушном и гостеприимном приеме в Республике Дагестан, в Дербенте, о замечательных музеях и достопримечательностях уникального российского региона.

*Директор ГБУ РД «Дербентский
государственный историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник» В. А. Фаталиев*

О ДЕРБЕНТСКОМ ПЕРИОДЕ ПИСАТЕЛЯ-ДЕКАБРИСТА А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

*Марданова Ругия Асефовна,
заведующая мемориальным Домом-музеем
«А. А. Бестужева-Марлинского»
г. Дербент*

Кавказ занимал особое место в биографии многих выдающихся русских писателей и поэтов первой половины XIX в. В кавказских мотивах черпал вдохновение А. С. Пушкин, на склонах Кавказских гор написал свои лучшие произведения М. Ю. Лермонтов, здесь впервые проявился литературный дар Л. Н. Толстого. Но важную роль Кавказ сыграл в судьбе прекрасного писателя-романтика, декабриста Александра Александровича Бестужева (литературный псевдоним Марлинский). Сюда он попал в ссылку за участие в восстании 14 декабря 1825 года, мужественно и самоотверженно служил в различных частях Отдельного Кавказского корпуса, написал ряд романтических повестей о «Востоке» и пал в одном из боев с горцами, так и не получив желанное помилование.

А. А. Бестужев родился 23 октября 1797 г. в Петербурге, в знатной, но обедневшей дворянской семье. Отец писателя – Александр Федосеевич Бестужев – видный деятель русской литературы конца XVIII – начала XIX века. Мать – Прасковья Михайловна, брат – Николай Бестужев – морской офицер, литератор, художник.

Его братья – Петр Бестужев – мичман, Павел Бестужев – прапорщик, Михаил Бестужев – морской офицер, сестры – Елена, Ольга и Мария всю жизнь посвятили братьям. Александр Бестужев получил домашнее образование, с 1806 года учился в Горном кадетском корпусе. С юности он проявлял интерес к литературному творчеству. В 1819 году, не закончив курса обучения, поступил юнкером в лейб-гвардии драгунский полк и через год был произведен в офицеры. Полк стоял под Петергофом, в местечке Марли (оттуда и появился псевдоним – Марлинский). Здесь началась его литературная деятельность, дебютировал в печати переводами стихотворных и исторических сочинений, а затем и критическими статьями.

14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, в Санкт-Петербурге, произошло восстание декабристов. Участников восстания арестовали, заключили в Петропавловскую крепость. После оглашения приговора часть осужденных декабристов была выслана в Сибирь и на Кавказ.

Одним из участников восстания был А. А. Бестужев-Марлинский. За участие в мятеже Верховный уголовный суд приговорил Бестужева-Марлинского к смертной казни, но приговор заменили ссылкой и каторжными работами, так как Бестужев не стал ждать ареста и явился на гауптвахту Зимнего дворца с повинной.

После вынесения приговора его отправляют в Финляндский Форд славы, после в далёкий суровый Якутск, где каторжные работы были заменены на ссылку, в которой ему суждено было провести 5 долгих лет... И все это время он стремился попасть на Кавказ, не потому, что здесь были хорошие условия, а потому – что шла Кавказская война. Ему нужно было отличиться в бою, получить чин – награду. В итоге Бестужева отправляют на Кавказ. У ссыльного Бестужева появилась возможность получить свободу, пролив кровь в боях на Кавказе. После поданного прошения в Генеральный штаб в Петербурге его зачислили рядовым на Кавказ. Сначала он отбывал ссылку в Тифлисе, а затем в нашем древнем Дербенте, где жизнь приготовила Александра к новым испытаниям. Здесь он должен был вынести все бедствия и трудности, с которым и была сопряжена в то время доля солдата.

Дербент Бестужеву не понравился. Это у Дюма «заря ахнула», увидев древний город, а Бестужев в письме к своему приятелю, доктору Эрману, уныло делится первыми впечатлениями: «...Теперь я живу, то есть дышу в Дербенте, городе с историческим именем и узкими, грязными улицами. Здесь Кавказ, рассыпавшись холмами, исчезает в волнах Каспия... Ни один минарет, ни одна высокая мечеть или какое величавое здание не красит города: он погребен между двух ... стен, и лишь крепость нагорная разнообразит немного вид его. Кровли плоски, дома набросаны друг на друга, обмазаны землей и вовсе без окон. Улицы так узки, что иной буйвол чертит рогами узоры по обеим стенам...

Город довольно многолюден, но, если что заслуживает здесь внимания, так это неисчислимое народонаселение кладбищ, на несколько верст, окружающих Дербент...».

Бестужеву предстоит прожить здесь больше трех лет, с 1830-го по 1834-й. Об этом периоде Бестужева-Марлинского, спустя чуть более полувека, в 1897 г. известный историк кавказских войн генерал Василий Александрович Потто напишет: «...Тяжелая однообразная служба в гарнизоне с ружьем в руках и с ранцем за спиной, он целые часы проводит в утомительных строевых занятиях, назначается в караулы или держит секреты. Среди такой обстановки Бестужев, человек с высоким образованием, страдал физически и нравственно. Бестужев попал под начальство грубого и жестокого командира, подполковника

Васильева, который очень его невзлюбил». Но и в Дербенте находились люди, которые умели ценить великий талант писателя, и для Бестужева нашелся уголок, где он отдыхал душою. Это было семейство коменданта Ф. А. Шнитникова, который знал, что есть такой писатель, читал его произведения и очень положительно относился к его творчеству. Именно по ходатайству Шнитникова Бестужеву разрешают поселиться в доме зажиточного жителя города.

А. А. Бестужев

Комнаты плохо протапливались. «Мороз у нас сильный и, вообразите, что у меня мерзнут руки на письме – так холодна моя хата, хотя дров жгу без милости», – писал он несколько месяцев спустя братьям Полевым в Москву. Зато являться в казарму вовремя ему не составляло никакого труда.

Боевых действий в Дербенте, увы, не предвиделось. Проявить себя в бою, чтобы восстановить свое имя, пока не представлялось возможным. Единственной надеждой на перемену в его мучительном положении бесправного ссыльного оставалась литература.

С 1830 года Бестужев получает возможность вернуться к литературному труду. Публикации в столичных изданиях последуют одна за другой, подписанные псевдонимом Марлинский или инициалами А. М., А. Б. – с пометкой «Дагестан», так как имя Бестужева в 30-х годах было под запретом. Этими произведениями Бестужев-Марлинский в короткое время приобрёл себе огромную известность и популярность у читающей публики. И. С. Тургенев вспоминал, что Бестужев-Марлинский «гремел как никто – и Пушкин, по понятию тогдашней молодежи, не мог идти в сравнение с ним». Его «Аммалат-Беком» зачитывалась вся Россия. О стихах из «Аммалат-Бека» Белинский говорил, что «...и Пушкин не постыдился бы их назвать своими».

Именно к дербентскому периоду относится бурное пробуждение творческой деятельности Бестужева. Он создает все новые и новые произведения. Круг его тем необыкновенно широк и разнообразен. Он пишет повесть «Мореход Никитин», «Лейтенант Белозор». В Дербенте же создаются «светские повести» Бестужева «Испытание» и «Фрегат «Надежда», дописывается историческая повесть «Наезды», крупная повесть «Мулла-Нур». Бестужев написал много очерков и рассказов из жизни Дагестана – «Шах Гусейн», «Кавказская стена», «Прощание с Каспием», «Письма из Дагестана», и др. В них и по настоящее время представлен интереснейший исторический и этнографический материал. В январе 1833 года в Петербурге выйдет долгожданный пятитомник его повестей, очерков и рассказов «Русские повести и рассказы».

Жизнь в Дербенте ничем не отличалась от сибирской каторги. Не случайно Дербент в то время называли «Кавказской Сибирью». Но все же тяжесть казарменного быта скрашивали поездки по Дагестану. Бестужев много ездил по нашему краю. Будучи в Касумкенте и Курахе, он наблюдал природу южного Дагестана, видел покрытые вечными снегами вершины Базар-Дюзи и Шах-Дага, слышал рев бушующих рек Самура и Гюльгери-чая. Во время похода в Чиркей он был поражен угрюмостью скал Салатау и Гимринского хребта. Писатель бывал в кумыкских аулах: Буйнак, Тарки, Кафыр-Кумух, Чумескент, в аулах Табасарана. Ему удалось побывать в сердце гор – ауле Кумух. Тут, в Нагорном Дагестане, перед писателем одна за другой возникали картины суровой и величественной природы неведомого края. Они будили воображение и рождали образы. Возвратившись из той или иной поездки, он писал письма родным и знакомым. В письмах то и дело мелькали фразы: «Я слышал... воинственные песни аварцев и наблюдал нравы горцев», «...Я по целым часам прислушиваюсь к ропоту горных речек и люблю игру света на свежей зелени и яркой белизне снегов», «О, люблю я горы!». Чтобы лучше познать быт горцев, он изучает азербайджанский и кумыкский языки, мечтает переодеться и уйти в аулы Табасарана или Аварии и пожить жизнью самих обитателей гор. День за днем он накапливает материалы по истории, этнографии Дагестана, записывает песни и сказания горцев.

Бестужев пользовался неограниченным доверием и уважением у горцев. «Все горцы от меня без ума», – писал он, вернувшись из поездки по южному Дагестану. В другом письме он сообщал: «Меня любят очень татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком». О любви дербентцев к писателю свидетельствовало много документов. Кавказский ссыльный Я. Костенецкий в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская старина», писал: «Когда Бестужев покидал Дербент, все городское население провожало его и верхом, и пешком верст за двадцать от города, до реки Самур, стреляя по пути из ружей, зажигая факелы; музыканты били в бубны и играли на своих инструментах, другие пели, плясали... и вообще вся толпа старалась всячески выразить свое расположение к своему любимому Искендер-Беку». Так называли его местные жители.

В Дербенте Александра судьба свела с русской девушкой, дочерью погибшего унтер-офицера Ольгой Нестерцовой, которая жила со своей матерью Матреной Лазаревной. Но трагический случай, произошедший в доме, где жил Марлинский оборвал жизнь несчастной девушки. В феврале 1833г. Ольга Нестерцова пришла к Бестужеву на квартиру,

где она помогала ему по хозяйству. Вскоре раздался выстрел,... нечаянно задев курок пистолета, который лежал под подушкой, она ранила себя смертельно. Из-за частых бандитских набегов, преступности и просто по факту пребывания на Кавказе Бестужев всегда под подушкой держал заряженный пистолет и кинжал, в любой момент, будучи готовым, отразить нападение.

Перед смертью девушка просила не винить Александра, называя причиной произошедшего несчастный случай. Что же произошло на самом деле, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Предсмертным словам девушки поверили, и обвинение против Александра Бестужева не выдвигалось.

Бестужев сделал все, чтобы достойно проводить Ольгу в последний путь. По его настоянию Ольгу похоронили на христианском кладбище. Он заказал местным каменщикам-ремесленникам надгробие по собственному эскизу. На плите изображалась роза, которую поражали молнии. Под розой стояло одно слово: «Судьба». Памятник был изготовлен из камня в форме прямоугольника высотой в рост человека, к сожалению, он не сохранился. Сохранился лишь один фрагмент камня с надписью, который сегодня находится в экспозиции мемориального Дома-музея «А. А. Бестужева-Марлинского».

В 1858 г. Александр Дюма, поклонник творчества ссыльного декабриста, во время путешествия на Кавказ посетил могилу Ольги Нестерцовой.

Дюма был так потрясен историей, которую ему рассказали местные жители, что сочинил эпитафию, которую попросил выбить на камне:

*«Она достигла двадцати лет.
Она любила и была прекрасна.
Вечером погибла она,
Как роза от дуновения бури.
О могильная земля, не тяготи ее.
Она так мало взяла у тебя в жизни!»*

В 1834 году А. А. Бестужева-Марлинского перевели во второй грузинский линейный батальон, в Ахалцах, а затем на черноморское побережье Кавказа, где он, наконец-то, был произведён в унтер-офицеры.

7 июня 1837 года у мыса Адлер высадился десант, в котором он командовал взводом Грузинского полка. Здесь его ранило. Он остался лежать в лесу, под дубом. На другой день был обмен убитыми, но тело писателя так и не нашли. Это породило множество версий, догадок,

предположений. Находились «очевидцы», рассказывающие самые невероятные «факты», вплоть до того, что будто писатель перешел на сторону к горцам и служил советником у имама Шамиля. Существуют еще и другие версии исчезновения декабриста Бестужева-Марлинского: что он «был так изрублен на части, что по окончании сражения не нашли никаких следов изрубленного трупа...»; «раненого подобрал цыганский табор, который проезжал вдоль побережья Черного моря после боя. Выходила его молодая цыганка и их обвенчали в местной церкви... бывший мятежник взял фамилию жены – Волвенкин»; говорили, что Марлинский подстроил собственную смерть и где-то скрывается, регулярно пишет сестре, а может быть, и публикуется под новым псевдонимом...

Есть и другая интересная версия, это – версия гражданина Азербайджана Роберта Самедова (1932-2011), учителя русского языка и литературы, который в юности был на могиле А. Бестужева вместе со своим дедом.

От него он узнал, что тяжело раненого А. Бестужева вынес с поля боя его сослуживец, от большой потери крови по дороге он умер, похоронен на кладбище русского села Ермоловка Кубинского уезда Дербентской губернии. Ныне – это территория Кусарского района Азербайджанской Республики. Однако села Ермоловка давно уже нет, кладбище заброшено, точное место захоронения А. Бестужева члены семьи указать не могут.

Александр Бестужев был личностью неоднозначной, талантливой и противоречивой для самого себя. Приняв участие в восстании на Сенатской площади, а позже самолично явившись на гауптвахту, в итоге он искренне раскаивался в этом поступке, понимая всю глупость и наивность того порыва. Будучи человеком, воспевавшим красоту Кавказа и любившим его, Бестужев всё же тяготился этой бессрочной ссылкой. Одним из первых он описал величие древних стен Дербента, что не мешало ему мучиться вынужденным «заточением» в этой крепости. Бестужев восхищался храбростью горцев и у многих из них считался кунаком.

Его творческое наследие должно издаваться и изучаться, чтобы наши потомки помнили и ценили культурных деятелей, оставивших глубокий след в истории древнего Дербента.

Список литературы

1. *Е. И. Козубский «История города Дербента»*
2. *Г. Я. Гусейнов «Краткая энциклопедия г. Дербента»*
3. *Л. Раковский «Жизни наперекор» 1978 г.*

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

*Сафарова Ирина Вячеславовна,
кандидат исторических наук, директор
ГБУК Ставропольского края
«Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова»
г. Пятигорск*

За восемь лет бесконечных кавказских странствий Александр Бестужев, как никто другой из служивших здесь декабристов, сумел познакомиться с горным краем, изъездив его с севера на юг и с востока на запад. Он совершил поездку по Военно-Грузинской дороге, пребывал в Тифлисе, Дербенте, Екатеринодаре и Ставрополе, путешествовал по Дагестану, был переведен в Ахалцих в Грузии, воевал за Кубанью, побывал на побережье Каспийского и Черного морей. Как признавался он сам в одном из писем кавказской поры, «я столько околесил, проскакал и плавал, столько наглотался дорожной грязи, боевого дыма, со столькими дрался и дружился, что у меня рябит в памяти» [13, с. 61].

Приведенные строки содержатся в письме Бестужева от 28 июля 1835 г., отправленном писателем из Пятигорска в Сибирь, где отбывали ссылку его братья Николай и Михаил. В многогранной кавказской биографии Бестужева была страница, связанная и с Кавказскими Минеральными Водами. Один из первых авторов, прикоснувшихся к биографии писателя, выдающийся кавказовед Адольф Петрович Берже еще в 1880 г. поместил в журнале «Русская старина» статью под названием «А. А. Бестужев в Пятигорске» [2]. Тема, открытая в свое время Михаилом Ивановичем Семевским и Адольфом Петровичем Берже, находит продолжение и в наше время.

В 1830 г. в четырех номерах журнала «Сын Отечества» была опубликована (под псевдонимом Марлинский) повесть Бестужева «Вечер на Кавказских водах в 1824 году». Указанная дата позволяет предположить, что и сам писатель побывал на водах в том же 1824 г. Однако сведений о пребывании писателя на водах именно в это время никто разыскать не сумел. Справедливо полагают, что Бестужев впервые мог побывать здесь лишь в 1829 г., когда был переведен из сибирской ссылки рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса. Вот тогда, по дороге в штаб корпуса в Тифлис, он якобы и «сумел заехать на короткий срок на Воды, то ли ради встречи с кем-то из друзей, то ли пе-

редохнуть от утомительной дороги. Год, указанный в названии повести, только маскировал истинную дату «нелегального» посещения декабристом Кислых Вод, что было самовольным отступлением от указанного маршрута» [10, с. 55].

Однако и в этом случае верится с трудом, что подневольный вояжёр с клеймом государственного преступника, сопровождаемый надежным конвоем, мог позволить себе подобную вольность. Есть сомнения и литературного характера. Сюжет повести таков, что мог происходить на водах, а равно и в любом другом месте, разницы никакой: несколько господ, собравшись вечером в зале кисловодской гостиницы, рассказывают по очереди страшные истории, вроде мертвеца, приходящего за своим черепом. В начальных строках упомянут, правда, «двуглавый Эльборус», а в тексте повести автор приводит и замечательную формулу о том, что «горы есть поэзия природы». Но описание местности лишено конкретных черт здешнего ландшафта и представляет собой набор незначащих фраз о гряде белых облаков и голубоватых льдах горного хребта. О курортном быте говорится, что кавказская вода имела для собравшихся только одно «чудесное свойство – возбуждать жажду к вину».

Можно заключить, что Бестужев описывал Кавказские воды, так сказать, заочно. А побывал он здесь единственный раз, уже после шести лет кавказских странствий, походов и сражений. Вот этот факт сомнений не вызывает и подтверждается рядом документов, писем Бестужева и мемуарных источников.

Трудности горной войны не могли не сказаться. Когда весной 1835 г. здоровье писателя ухудшилось, он обратился к командующему войсками Кавказской линии генералу Алексею Александровичу Вельяминову с просьбой о «сострадательном позволении» отправиться на воды. «С января сего года, – писал Бестужев, – явились во мне судорожные биения сердца... Строжайшее наблюдение убедило, наконец, что виною тому раздражение не кровеносной, но нервной системы... Теряя с каждым днем силы, измученный трехнедельной бессонницею и удушением сердца, я приведен на край могилы. Доктора единогласно советуют мне внутреннее употребление нарзана... На водах, по крайней мере, дыша горным воздухом и пользуясь советами искусных врачей, я мог бы если не скорее ожить, то легче умереть...» [2, с. 417-418].

Разрешение от Вельяминова, известного своим либерализмом в отношении к сосланным на Кавказ декабристам, было получено. Июль и август писатель провел в Пятигорске, где свел дружбу с доктором Ни-

колаем Васильевичем Майером (будущим прототипом Вернера в лермонтовской повести «Княжна Мери»). Здесь же, на Кавказских водах, Бестужеву впервые блеснул луч надежды: он получил известие о производстве в унтер-офицеры. Следующее повышение и офицерские эполеты могли означать царское прощение и возможность выйти в отставку, о которой он давно мечтал.

Из огромного и, к сожалению, до сих пор не собранного воедино, а рассеянного по журналам эпистолярного наследия Бестужева, четыре письма написаны в Пятигорске. Первое из них, от 10 июля, считается утерянным; три других не только передают душевный настрой писателя в это время, но и рисуют живописную картину молодого пятигорского курорта, которая всего лишь два года спустя привлечет внимание и Лермонтова.

Письмо от 28 июля адресовано братьям Николаю и Михаилу в Сибирь. Александр спешит поделиться с ними радостью: на шестом году службы его произвели в унтер-офицеры. «Как жаль, что мы не можем обняться, милые братья, и одним сердцем помолиться Богу за нашего доброго, великого монарха!» [13, с. 60] – сколько горькой иронии в этих словах: кому, как не «доброму монарху» братья обязаны каторгой, ссылкой и десятилетней разлукой.

Николай и Михаил томились в Сибири, на долю Александра выпали «горести и усилия горской службы». Он признается братьям: «Болезнь и недосуги мешали мне переносить на бумагу многое; теперь все это сидит в чернильнице и ожидает вдохновения голове и раздолья пальцам» [13, с. 61]. Далее Бестужев шлет привет друзьям по заключению, интересуется учеными занятиями братьев, пытается ободрить и поддержать их.

Сам Александр устал бороться с судьбой. Неприкрытая горечь проступает в строках его пятигорского письма от 19 августа, адресованного брату Павлу: «Брат Петр потерял разум... Не знаю, уберегу ли я его. Мое нервное сложение – эолова арфа... непогоды ржавят струны, и ветры рвут их, а милые читатели упрекают: «... что вы ничего не пишете?» [12, с. 48].

Писатель сообщает подробности своего лечения на водах: «Я еще не был на кислых, но дней на пять необходимо съездить. Теперь принимаю первый номер Александровских и сварился уже вкрутую» [12, с. 49]. Деревянное здание Александровских ванн находилось на уступе Горячей горы, где ныне высится всем известный символ Пятигорска –

бронзовая скульптура орла. Горячую воду источника тогда не разбавляли, и слова Бестужева «сварился уже вкрутую» – небольшое преувеличение.

Между тем, здоровьем писателя заинтересовались власти. Граф Бенкендорф запросил командира Кавказского корпуса барона Розена о том, «известно ли ему, что Бестужев страдает биением сердца и что ему несколько уже раз пускали кровь» [2, с. 417]. Но ограничиться получением справки о самочувствии опального литератора шеф корпуса жандармов, разумеется, не мог. Вскоре на имя Розена поступило новое предписание: «Государь император получил, частным образом, сведения о неблагонамеренном расположении Бестужева, которому, хотя не дает полной веры, но не менее того высочайше повелел, дабы внезапным образом осмотреть все вещи и бумаги Бестужева и о последующем донести его величеству» [2, с. 418].

Последствия не замедлили сказаться: в Пятигорске 28 июля, в 5 часов утра, жандармский подполковник Казасси произвел внезапный и тайный обыск на квартире проживающих совместно Бестужева и Майера, не забыв взять с них подписки о неразглашении происшедшего. Ни здесь, ни по другим адресам Бестужева в Екатеринодаре и Ставрополе, ничего крамольного обнаружено не было, и Розен мог с легкой душой отписаться в Петербург, упомянув, что «болезнь Бестужева не подвержена сомнению, но что он страдает не аневризмом, а солитером и скорбутными ранами, и что, при всем строгом надзоре за этим государственным преступником, он не получил никакого сведения, которое подало бы ему повод полагать настоящее расположение его неблагонамеренным, но что пылкость характера, а особенно чрезмерное самолюбие, свойственное каждому литератору, заставляет его слишком горячо чувствовать свое положение» [2, с. 420]. Изъятая при обыске в Пятигорске серая шляпа (якобы опознавательный знак итальянских карбонариев), частные письма и бумаги были Бестужеву возвращены.

Приведем еще несколько строк из воспоминаний Марии Васильевны Вольховской, жены Владимира Дмитриевича Вольховского – лицейского друга А. С. Пушкина, а в то время – начальника штаба Кавказского корпуса. Лето 1835 г. она проводила на водах и застала здесь Бестужева: «Я встретила его в Пятигорске, он стоял у источника в венгерке, в какой-то фантастической шапочке и с хлыстом в руке, окруженный целым кружением дам... Один из его товарищей, сказал: «Во что ты, братец, вырядился, на кого похож...». После этого Марлинский

являлся в простой солдатской шинели. Он часто у нас бывал... он очень некрасив, но франт, говорил много, красиво» [11, с. 314].

Ссылный поляк Роман Вильчинский, отправленный рядовым в кавказские войска, на родине был известен как искусный портретист. Мастерство живописца в какой-то мере смогло облегчить его участь, он стал домашним художником корпусного командира барона Розена, выполнив по заказам его супруги не менее ста прекрасных акварельных портретов. Находясь в Пятигорске летом 1835 г., Вильчинский создал портрет Бестужева. «Он исполнен акварелью и гуашью на пластинке слоновой кости», – замечает исследователь, – на нем есть подпись и дата: «R. Wilczynski 1835». Бестужев представлен в наглухо застегнутой венгерке, из-под которой виднеются уголки белой рубашки, на фоне облачного неба. В облике Бестужева есть отзвуки романтических настроений, художник запечатлел его задумчивое лицо с легким налетом грусти» [11, с. 314].

Пребывание на водах помогло писателю восстановить силы, однако настроение его не улучшилось. «Раны мои хоть медленно, но закрываются, – сообщает он брату Павлу. – Я хочу ехать поскорее в экспедицию. Ей-богу, лучше пуля, чем жизнь, какую я веду» [12, с. 48]. Не окончив курса лечения, он собирается оставить воды, о чем пишет 19 августа своему издателю Ксенофонту Полевому: «Прерываю едва начатое лечение ваннами и спешу на кислые, чтобы там хоть сколько-нибудь закалить себя для бивуака... Из Нарзана прямо за Кубань; не дай Бог и недругу такого курса» [9, с. 472].

В конце лета писатель навсегда покинул Пятигорск. 30 августа, уже из Екатеринодара, по пути в действующий отряд, он сообщает брату Павлу: «Хочу отведать, не лучше ли поможет горный воздух и дым пороха, чем воды, которых, впрочем, я не успел и брать, как следовало. Бивуаки – плохой верстак для поэзии, а дух мой чернее, нежели когда-нибудь» [12, с. 49].

Лишь через шесть лет изматывающей кавказской службы Бестужев получил первое повышение – производство в унтер-офицеры. Еще через год, в мае 1836 года, монаршее снисхождение дошло, наконец, до того, что Бестужеву вернули первый офицерский чин прапорщика. «Я произведен в офицеры, – сообщает он братьям, томившимся в Сибири, – эта весть меня поразила радостью... Перейти вдруг от безыменной вещи в лицо, имеющее право». И добавляет, что свое производство «выстрадал и выбил штыками» [5, с. 32].

Кто знает, не мечтал ли о свидании с Бестужевым на Кавказе юный Лермонтов, переведенный сюда из гвардии за стихотворение «Смерть

поэта». Когда-то чтение повести Бестужева «Аммалат-Бек» произвело на него сильное впечатление. Прекрасный художник, он сразу же набросал к повести несколько иллюстраций, передающих главные события сюжета, в том числе и роковой выстрел Аммалата в грудь полковнику Верховскому. Когда известный российский книгопродавец и издатель Александр Филиппович Смирдин выпустил первый том альманаха «Сто русских литераторов», там был помещен портрет Бестужева в бурке. Лермонтов, попав на Кавказ, создал свой автопортрет на фоне гор и, разумеется, тоже в бурке! Но это была, кажется, последняя дань кумиру юности, в дальнейшем творчество Бестужева могло вызывать у поэта лишь ироническую усмешку. Первым обратил на это внимание еще Белинский, отметив, что лермонтовский Грушницкий принадлежит к числу тех молодых людей, которые «страх как любят сочинения Марлинского, и чуть зайдет речь о предметах сколько-нибудь не житейских, стараются говорить фразами из его повестей» [1, с. 67].

Имя Марлинского Лермонтов дважды упомянул в очерке «Кавказец» и тоже, как можно заметить, с ироническим оттенком, особенно, когда говорит о пристрастии молодых офицеров кавказских полков к кинжалам и буркам.

Бестужев и Лермонтов могли встретиться на Кавказе в 1837 г., но судьба развела их: пока Лермонтов лечился на Горячих водах от простуды, Бестужев сложил голову в бою, на Черноморском побережье. В том, что касается Пятигорска, то именно здесь мы находим одно связующее звено, играющее весьма важную роль в жизни этих двух замечательных людей. Мы имеем в виду личность Николая Васильевича Майера, прототипа доктора Вернера из лермонтовского романа.

Научными сотрудниками пятигорского лермонтовского музея всегда уделялось большое внимание декабристской тематике. Не обделенным таким вниманием оказался и друг декабристов доктор Майер, являвшийся и другом Лермонтова в период его кавказской ссылки в 1837 г. Монографическое исследование под названием «Доктор Майер» принадлежит перу Нины Исааковны Бронштейн, сотруднице пятигорского лермонтовского музея. К глубокому сожалению, Нина Исааковна была казнена фашистами в 1942 г., в период временной оккупации Кавказских Минеральных Вод, но рукопись ее работы сохранилась и была опубликована в послевоенное время в одном из лермонтовских томов «Литературного наследства» [4, с. 473-496].

На столь же высоком научном уровне была выполнена статья сотрудников музея Сергея Ивановича Недумова и Девлета Азаматовича Гиреева – «К истории знакомства Лермонтова с декабристами», она

также увидела свет в одном из томов «Литературного наследства» [6, с. 507-516]. Свое развитие тема получила в содержательной книге С. И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск», написанной на основе архивных разысканий и впервые изданной в 1974 г.; с тех пор книга была переиздана еще четыре раза [8]. В ней рассказано о встречах Лермонтова с декабристами А. И. Одоевским, В. М. Голицыным, С. И. Кривцовым, В. Н. Лихаревым, М. А. Назимовым и Н. И. Лорером.

Несколько слов следует сказать и о такой известной биографам Бестужева личности, как Яков Иванович Костенецкий, встречавшийся с писателем в 1833 г. в Дербенте и оставивший о нем интересные воспоминания. Костенецкий – это еще одно звено, связующее Лермонтова с Бестужевым. Известно, что Костенецкий являлся товарищем Лермонтова по Московскому университету и поступил туда на нравственно-политическое отделение в 1828 г., то есть двумя годами ранее поэта. Знакомство их продолжилось на Кавказе – в конце 1840 г. в Ставрополе, где Костенецкий служил в штабе войск Кавказской линии, и летом 1841 г. в Пятигорске, где оба офицера находились для пользования минеральными водами. Об этих встречах с поэтом Костенецкий также оставил воспоминания [7, с. 339-341].

Многие годы лермонтовский музей в Пятигорске поддерживал дружеские связи с известным кавказоведом, профессором Леонидом Петровичем Семеновым, чья работа «К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова», вышла в свет еще в 1914 г. [14, с. 614-619.]. В 1951 году Леонид Петрович передал в дар музею свою книжную коллекцию, насчитывавшую более двух тысяч томов. В составе этой уникальной коллекции находится и Собрание сочинений Александра Марлинского, изданное в Петербурге (отчасти при жизни автора!) в 1835-1840 гг.

И последнее. В судьбе выдающегося кавказоведа Адольфа Петровича Берже случилось так, что при наличии большого числа публикаций (в основном на страницах журнала «Русская старина») он не успел завершить работу над отдельным изданием своих произведений. Приятно сообщить, что усилиями научных сотрудников лермонтовского музея в недавнем прошлом такая книга была подготовлена и издана. Под названием «Кавказская старина» эта книга Адольфа Петровича Берже вышла в свет в Пятигорске в 2011 г. [3]. Она является, по сути, литературным памятником маститому кавказоведу. В состав сборника вошла и упомянутая выше статья «А. А. Бестужев в Пятигорске», не переиздававшаяся более ста тридцати лет.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова / М. Ю. Лермонтов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1955.
2. *Берже А. П.* А. А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г. // Русская старина. – 1880. – № 10.
3. *Берже А. П.* Кавказская старина. Пятигорск: СНЕГ, 2011.
4. *Бронштейн Н. И.* Доктор Майер / Литературное наследство. Т. 45-46. М., 1948.
5. *Васильев В.* Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939.
6. *Гиреев Д. А., Недумов С. И.* К истории знакомства Лермонтова с декабристами / Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 507-514.
7. *Костенецкий Я. И.* Из воспоминаний / М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989.
8. *Недумов С. И.* Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1974.
9. *Полевой К.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А.Полевым, писанные в 1831-1837 годах // Русский вестник. – 1861. – № 4.
10. *Польская Е. Б., Розенфельд Б. М.* И звезда с звездой говорит... Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1980.
11. *Селинова Т. А.* Роман Вильчинский / Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. Л.: Наука, 1987.
12. *Семевский Михаил.* Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1797-1837 // Отечественные записки. – 1860. – № 7.
13. *Семевский Михаил.* Александр Бестужев на Кавказе. 1829–1837. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. – 1870. – № 7.
14. *Семенов Л. П.* К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. – Воронеж, 1914. № 5-6.

ИРКУТСК И БРАТЬЯ БЕСТУЖЕВЫ: СВЯЗЬ И НАСЛЕДИЕ

*Добрынина Елена Аркадьевна,
Директор ГБУК «Иркутский областной
историко-мемориальный музей декабристов»
г. Иркутск*

На протяжении более чем ста лет Иркутск известен не только как столица Восточной Сибири, но и как декабристская столица. В XX в. Иркутск стал центром российского декабристоведения, местом сохранения памяти о декабристах и их близких. Выбор Иркутска в качестве одного из основных мест увековечения памяти декабристов определяется его особой ролью крупного административного, политического, экономического и культурного центра, через который дважды – сначала на каторжные работы, а затем на поселение – прошли почти все декабристы. Сохранение памяти о декабристах в Иркутске не могло не отразиться на сосредоточении внимания на памятниках, связанных с их пребыванием в городе. Прежде всего, это Московские ворота, встречавшие в Иркутске всех вольных и невольных путешественников; иркутский тюремный замок, через который прошли все партии декабристов-каторжан, кроме первой; резиденция генерал-губернатора и дом Волконских, где бывал Н. А. Бестужев, начиная с урикского периода существования этого дома.

В конце ноября 1827 г. прибывших в Иркутск братьев Н. и М. Бестужевых поместили в острог, где их сразу посетил губернатор Цейдлер. «<...> То наслаждение, которое он, по своей доброте, доставил нам с братом Николаем, я никогда не забуду. Вечеру, в последний день нашего отправления из Иркутска, он пришел к нам и объявил по секрету, что брата привезли и что он позволяет эту последнюю ночь провести вместе с ним». Это была ночь с 1 на 2 декабря 1827 г., когда прибыла партия с А. Бестужевым, отправлявшимся в якутскую ссылку. Она стала и последней, соединившей в этом мире трех братьев Бестужевых после 14 декабря 1825 г. Михаил и Николай покинули Иркутск 2 декабря, а Александр – 7 декабря [1, с. 63-64].

Резиденция генерал-губернаторов Восточной Сибири, где решалась большая часть вопросов, связанных с пребыванием декабристов на каторге и в ссылке, располагалась с 1838 г. во дворце, на набережной Ангары. Первым из генерал-губернаторов Восточной Сибири новую

резиденцию занял генерал-лейтенант В. Я. Руперт. Именно он и его семья сыграли большую роль в судьбе одного из братьев Бестужевых – Николая.

С 1840 г. Н. А. Бестужев вновь после каторги стал серьезно заниматься живописью. 28 декабря 1840 г. он писал Д. И. Завалишину: «<...> Живу в Кяхте вот уже целый месяц. <...> Мы с братом <...> выпросили себе формальное позволение ездить по округу – в Кяхту, в Удинск и в Петров. Зав., и я, быв однажды в Удинске, приехал побывать и здесь. И как думаешь? Занялся живописью *за деньги*» [1, с. 457]. Исследователи биографии и творчества Н. А. Бестужева были единодушны во мнении, что именно Кяхта стала местом, где художник стал впервые выполнять портреты за деньги. Однако случилось это в Верхнеудинске, о чем свидетельствуют не только воспоминания М. А. Бестужева: «В Удинск брат ездил единственно по просьбе жены Руперта, чтоб кончить начатые портреты с ее детей и чтоб нарисовать еще один со старшей ее дочери Людмилы для жениха ее Александра Ильича Арсеньева» [2, с. 195], но и письма М. К. Юшневской Е. П. Оболенскому, написанные ею из Туркинских горячих вод, где она была вместе с Е. Ф. Руперт и ее детьми. Заказ на портреты Бестужев получил от генерал-губернаторши по проезду через Верхнеудинск или Селенгинск весной 1840 г.: «Я к вам не могу быть раньше как в проезд на воды, – писала М. К. Юшневская Е. П. Оболенскому после 20 апреля. – Еду в Селенгинск послезавтра, там за мною придет Елена Федоровна, мы с нею будем жить 5 дней в Кяхте да дня 3 в Петровском Заводе» [7. Л. 208 об.]. Заказ был выполнен в августе. «Бестужев прислал портреты генеральши и обеих ее дочерей, отделка чудесная, но жаль, что не очень похожи», – сообщала Мария Казимировна Оболенскому 23 августа 1840 г. [7. Л. 210 об.].

Знакомство с семьей генерал-губернатора и его желание иметь портреты всех членов семьи, очевидно, и послужили причиной для вызова художника в Иркутск. 30 декабря 1841 г. М. К. Юшневская писала И. И. Пущину: «Вчера получила от Николая Александровича Бестужева предлинное письмо. <...> Он в Кяхте <...>. На днях он будет сюда. Его вызвали рисовать портреты, за мужской – 100 руб., за женский – 150. Назначена цена, сделана уже записка на четыре тысячи с лишком. Да это на год житья будет в наших местах» [5, с. 166]. Михаил Бестужев вспоминал об этой поездке: «<...> брат <...> отправился в столицу Восточной Сибири, пробыл там почти год, принятый как свой

в доме Руперта, губернатора Пятницкого и ласкаемый всеми, а особенно высшим купечеством и чиновничеством; перерисовал почти всех <...>» [2, с. 192].

Своеобразные итоги пребывания в Иркутске Н. А. Бестужев подводил в двух письмах в 1842 г. Брату Михаилу он писал 12 сентября: «Наконец, приближается время, когда я могу сказать с некоторой уверенностью, что собираюсь в дорогу. Работа в городе кончена, еду в Аёк к Труб., где меня тоже просили делать с детей портреты, к Ал. Мур., который желает иметь портрет с жены, и к Мар. Казим. для портрета Алексея Петров. Что делать прикажешь? Впрочем, я сделаю только лица и привезу оканчивать домой. <...> я в большой моде, все хотят моей работы <...>» [1, с. 505]. Одно из последних известных писем художника-декабриста из Иркутска от 9 октября было адресовано Я. Д. Казимирскому: «Я прожил здесь 7 месяцев и сделал 72 портрета: значит, я делал каждые 3 дня по портрету» [1, с. 509].

Следующим документированным пребыванием художника в Иркутске нужно считать приезд в феврале 1855 г. по вызову Я. Д. Казимирского. 11 марта Н. А. Бестужев писал Г. С. Батенькову: «Ехать домой собираюсь в конце марта; уехал бы и ранее, но делаю хозяину моему портреты с детей и то же обещал Волконскому для внука <...>» [1, с. 666]. 16 марта Мария Николаевна Волконская сообщала дочери Елене: «Сережа вполне здоров. Бутузов¹ пишет его портрет в данную минуту. Сомневаюсь, будет ли портрет похож, но Сережа играет его бородавкой, которой ты восхищалась в детстве», и продолжала в письме от 18 марта: «Первый набросок был прелестен и поражал сходством, но, стараясь сделать его более законченным в красках, он сделал из него ребенка лет четырех; глаза – его, рот тоже, но овал лица слишком удлинен, и пропорции черт утеряны» [6, с. 415].

В марте 1855 г., возвращаясь из Иркутска, Николай Бестужев сильно простудился и 14 мая умер. Был похоронен на старом городском кладбище на берегу Селенги.

И еще одна страница из жизни Н. А. Бестужева нашла продолжение в истории Иркутска.

Внебрачные дети декабриста, сын Алексей и дочь Екатерина, были усыновлены его близким другом купцом Д. Д. Старцевым. Алексей родился в 1838 г. В 1860-1895 гг. он был активным деятелем русско-китайских экономических и дипломатических отношений. Все, знавшие Старцева, отмечали, что он благородный человек, необыкновенной

¹ Так называла маленькая Нелли Н. А. Бестужева.

доброты, талантливый самородок, человек большой культуры, энергии и ума. Став богатым человеком, А. Д. Старцев оказывал материальное содействие ученым и научным учреждениям, особенно в изучении истории, быта, религии, фольклора бурят. Только с 1888 по 1890 г. он пожертвовал ВСОИРГО в Иркутске средства на изучение быта бурят, на издание бурятских сказок, собранных М. Н. Хангаловым, на издание записок ВСОИРГО, содействовал созданию буддистской выставки, подарил ценную коллекцию из 15 бурханов. В конце 1880-х гг. внимание А. Д. Старцева привлек российский Дальний Восток. Он приобрел земли на острове Путятин, в северной части залива Петра Великого и основал здесь имение Родное. На Путятине появляются кирпичный завод и фарфоровая фабрика. А. Д. Старцев умер 30 июня 1900 г. в своем имении на Путятине².

О Екатерине Дмитриевне известно очень мало. Есть сведения, что два года она работала в русской школе при посольстве в Монголии учителем литературы. Она вышла замуж за крещеного селенгинского бурята Николая (Найдана) Гомбоева, долгие годы возглавлявшего почтово-телеграфную контору русского посольства в Китае. Во время многочисленных поездок и экспедиций Н.И. Гомбоев собирал коллекцию предметов и памятников буддийской религиозной культуры. В 1888 г. в музее ВСОИРГО, в Иркутске состоялась первая выставка предметов буддийского культа, основой которой стали дары А. Д. Старцева, Н. И. Гомбоева и его брата Дампила Гомбоева, бывшего в то время Хамбо-ламой Гусиноозерского дацана.

Несколько слов хотелось бы сказать о наследии Н. А. Бестужева, которое осталось в городе, и о том, как память о художнике-декабристе хранит Иркутск.

В Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева хранится небольшое, но ценное собрание портретов членов семьи известных иркутских купцов и меценатов Трапезниковых и Сукачевых, выполненных Н. А. Бестужевым в 1842 и 1855 гг. в Иркутске.

В Иркутском музее декабристов хранятся две акварели Н. А. Бестужева: портрет И. С. Сельского, выполненный в 1842 г. в Иркутске, и портрет Н. М. Муравьева 1836 г., приобретенный для музея благотворителем И. С. Гринбергом в 2002 г.

Средоточием памяти обо всех декабристах является Иркутский музей декабристов, насчитывающий уже 50-летнюю историю.

² Гончаренко Р. Слово о семье декабриста Н. А. Бестужева <http://obozrenie-chita.ru/article/dekabrist-bestuzhev>. Дата обращения 27 августа 2023 г.

В декабре 1985 г. в Доме-музее Волконских открылась выставка «Дары детей декабриста», на которой была представлена впервые после 1888 г. значительная коллекция буддийских книг, скульптуры, икон и других культовых предметов. Ее основу составили дары детей декабриста Н. А. Бестужева – А. Д. Старцева и Е. Д. Гомбоевой.

В 2016 г. исполнилось 225 лет со дня рождения выдающегося деятеля русского освободительного движения Н. А. Бестужева. В Бурятии его называли Улан Наран, что в переводе значит Красное Солнце. Выставка «Улан Наран сибирского изгнания», открывшаяся в апреле 2016 г. в Иркутском музее декабристов, ярко продемонстрировала жизненный путь и сохранившееся наследие декабриста. В выставке приняли участие четыре музея: художественный, краеведческий, музей декабристов г. Иркутска и Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Были представлены акварельные портреты; масляная живопись, мемориальный комплекс братьев Бестужевых, материалы, посвященные потомкам Н. А. Бестужева: археологическая коллекция с о. Путятин и часть коллекции предметов буддийской религиозной культуры, переданная потомками Н. А. Бестужева в музей ВСОИРГО.

Данью благодарной памяти декабристам является и новая издательская серия Иркутского музея декабристов – «Иллюстрированная библиотека серии “Полярная звезда”». В альбоме семьи генерал-губернатора В.Я. Руперта опубликован портрет Н. А. Бестужева, долгое время считавшийся портретом неизвестного, выполненный, судя по подписям, в Иркутске в 1847 г. художником Х. Я. Рейхелем. Портрет атрибутирован В. В. Гапоненко: «Кажется невероятным, но на нас смотрит декабрист Николай Александрович Бестужев», – писала исследовательница в своей работе о художнике Рейхеле [4, с. 142]. Невероятной, однако, здесь является только дата, указанная под портретом, поскольку Н. А. Бестужев в этом году в Иркутске не был. Декабристы, как известно, были людьми поднадзорными, их передвижение по губернии строго регламентировалось и оформлялось личным распоряжением генерал-губернатора. Помимо разрешения, выданного Н. А. Бестужеву 10 января 1842 г., позволявшего ему пребывание в Иркутске, в октябре того же года в ответ на просьбу Бестужевых отлучаться по хозяйственным делам «<...> в Кяхту, Верхнеудинск, Петровский Завод и к морю для заготовления рыбы» [3. Л. 3] генерал-губернатор писал: «Я позволяю государственным преступникам Николаю и Михайле Бестужевым отлучаться по хозяйственным делам с дозволения местного начальства, но не далее того округа, в котором они находятся на поселении» [3. Л. 4].

Юлиан Сабиньский, польский политический ссыльный, близкий к декабристской среде, ведший каждодневные записи в дневнике до 1849 г., не упоминает о пребывании Бестужева в Иркутске в 1847 г., а приезд сестер Бестужевых он фиксирует в своем дневнике 22 августа 1847 г.: «Из России приехали три девицы Бестужевы к своим братьям, ссыльным с 1826 года, живущим за Байкалом. <...> Но поскольку они ненадолго задержались в Иркутске, торопясь к цели своего путешествия, то у меня не было здесь времени познакомиться с ними лично» [8, с. 449].

Действительно, время создания Рейхелем портрета декабриста Николая Бестужева – 1847 г. Но в начале 1847 г. Рейхель был в Кяхте, мог быть в Селенгинске у Бестужевых, а мог и сам Бестужев приехать в Кяхту. Художник, сделав набросок портрета, мог завершить его в Иркутске. Вероятнее всего, Рейхель выполнил портрет в альбоме Е. Ф. Руперт по имевшемуся у него наброску или по памяти, отсюда дата и место создания портрета – 1847, Иркутск. Однако нельзя не согласиться с автором книги о художнике Рейхеле: «перед нами неизвестный до сих пор в декабристской иконографии портрет Н. А. Бестужева» [4, с. 144].

Иркутский музей декабристов продолжает издавать серию «Полярная звезда». В 2003 г. в серии вышел том сочинений и писем декабриста Н. А. Бестужева. Составителем тома стал один из ведущих декабристологов страны, один из основателей и зачинателей музея декабристов С. Ф. Коваль, которому в этом году исполнилось бы 100 лет. На сегодняшний день это, пожалуй, один из самых бесценных памятников декабристу, его братьям, его товарищам.

Список литературы

1. *Бестужев Н. А.* Сочинения и письма / изд. подгот. С. Ф. Коваль / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2003.
2. Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951.
3. ГАИО. Ф. 24. ОЦ. Д. 311.
4. *Гапоненко В. В.* Художник Карл Христиан Филипп Рейхель в общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. Улан-Удэ, 2009.
5. *Добрынина Е. А.* Письма декабристок: подвиг повседневности // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. 2014. Вып. 2.
6. *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988.
7. ИРЛИ. Ф. 606. № 7.
8. *Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2.

ПЕВЦЫ КАВКАЗА (БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)

*Федорова Мария Александровна,
научный сотрудник Музея-заповедника «Тарханы»*

Судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова распорядилась так, что родившийся в Москве в октябре 1814 года, скоро, в возрасте полугоду, он был привезен родителями в Пензенскую губернию, в поместье бабушки по материнской линии Е. А. Арсеньевой (урожденной Столыпной), где и прожил 13 лет, ровно половину своей недолгой жизни. По причине болезненности, в ранние детские годы будущий поэт побывал дважды на Кавказе, еще две поездки случились во время несения им офицерской службы в 1837 и 1840 годах. Тогда, будучи бесконечно влюбленным в «дикий край», М. Ю. Лермонтов признавался: «...для меня горный воздух – бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь» [10].

Несколькими годами ранее, на эти же земли, по словам императора Александра I, в «теплую Сибирь» попали многие участники декабристского восстания 1825 года. Знакомство М. Ю. Лермонтова с идеями декабристов и литературными трудами поэтов-вольнодумцев произошло еще в пору учебы его в Университетском благородном пансионе, когда летние «вакации» проходили в подмосковной усадьбе Середниково, которой владел Д. А. Столыпин – брат бабушки поэта, близкий друг декабриста Пестеля. Другой брат Е. А. Арсеньевой, А. А. Столыпин был другом Рылеева.

Наконец, знакомство с поэзией декабристов дополнилось личными встречами Лермонтова на Кавказе с причастными к событиям на Сенатской площади: поэтом А. И. Одоевским, Н. И. Лорером, М. М. Нарышкиным, М. И. Назимовым, В. Н. Лихаревым, А. И. Черкасовым. Об этом позднее писал бывший секундантом на дуэли Лермонтова и Мартынова А. И. Васильчиков: «Когда в невольных странствиях и ссылках удавалось ему встречать людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно мгновенно сходился, их глубоко уважал, и один из них, еще ныне живущий М. А. Назимов, мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к которому принадлежал» [9].

Среди разжалованных в рядовые в 1829 году на Кавказе в Отдельном Кавказском корпусе окажется поэт и декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Ни тяжелейшие годы в Сибири (поэт был приговорен к 20 годам каторги), ни военное положение необжитых кавказских земель (шел 13 год Кавказской войны), не сломили духа А. А. Бестужева. Он преданно несет солдатскую службу, а Кавказ будет называть «краем поэзии и любви». В одном из своих писем поэт свидетельствует: «Быстрый мой перелет за хребет Уральский не имел в себе ничего особенного <...> ровно через месяц, от холмов Саянских я уже был под тенью Эльбруса и Бештау. Оттуда обновилась боевая жизнь моя. С Владикавказа въехал я в ущелие, пробитое Тереком сквозь железные ворота, которыми, встарь, Азия изрыгала на Русь волны дикарей. Там, над головою путника, вьется разбойник воздуха – орел, там рыщет разбойник лесов – волк, и разбойник гор – Черкес: припав за камнем, готовит им и себе добычу. По Ермоловскому Семплону взбирался я в область громов, и скажу прямо, что, кто видел Кавказ в грозу и ведро, тот может умереть, не завидуя Швейцарии <...> Страх, как Ангел с пламенным мечем, стрегущий границы рая, сторожит этот край поэзии и любви» [2]. Сравнивая эти строки, читатель невольно замечает, что манера А. А. Бестужева-Марлинского отразилась в романе «Герой нашего времени», в драме «Маскарад», (кроме того, М. Ю. Лермонтов заимствует фамилии героев Звездич и Штраль из повести А. А. Бестужева «Испытание») и еще более в стихотворении «Валерик».

У А. А. Марлинского:

«Я упивался зрением... я любовался Касбеком, на ледяных раменах которого отдыхали облака, и ненаглядною цепью опаловидных гор, и голыми утесами ущелия – и все было так мирно кругом, все, кроме кровадного человека» [2].

У М. Ю. Лермонтова:

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем? [10].

На Кавказе Бестужев пишет свои произведения в прозе: «Испытание» (1830 г.), «Лейтенант Белозор» (1831 г.), «Мулла-Нур» (1836 г.). Самое известное произведение А. А. Бестужева – «кавказская быль» «Аммалат-Бек», опубликованная в 1832 году в журнале «Московский телеграф», которую, как и другие произведения, не мог не читать М. Ю. Лермонтов, кроме того, известно, что он иллюстрировал ее 4 рисунками.

С 1830 года в петербургских и московских журналах под псевдонимом «А. Марлинский» появляются его военные рассказы и кавказские очерки (сравни: «Записки путешествующего офицера по Кавказу» М. Ю. Лермонтова – отдельные кавказские повести, которые потом войдут в состав самого известного романа «Герой нашего времени»).

В своих повестях из кавказской жизни А. А. Бестужев показывает интересные картины природы и нравов, но дагестанцев (горцев) наделяет чрезвычайно «неистовыми» байроновскими чувствами. Байронизм – это еще одна точка соприкосновения в творчестве писателей. В романе «Вадим», где восемнадцатилетний Лермонтов делает главным героем дворянина Вадима, доведенного до состояния последнего нищего, желающего отомстить помещику Палицину, бывшему другу и соседу его семьи, отсудившему все состояние у отца, что привело к его смерти. События разворачиваются во время разгара пугачевского восстания, и главный герой примыкает к восставшим крестьянам. У Лермонтова в центре романа о пугачевщине оказывается не Е. Пугачев, а гордый мститель Вадим, характер которого не наделен ни историческими, ни национальными, ни ясными классовыми чертами. Вадим – одиночка, абстрактный романтический образ. Примечательно, то, что, наделив героя именем, заимствованным из арсенала декабристской поэзии, автор не дает ему фамилии, так как это лишь безликое воплощение демонического начала на фоне изображения мира реальных людей.

В раннем творчестве М. Ю. Лермонтова прослеживаются следы, а иногда заимствования целых глав и строк из повести А. А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», которые интерполированы Лермонтовым в поэмы «Кавказский пленник» и «Корсар».

В первой главе «Андрей, князь Переяславский»:
Хребта Карпатского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес

Его зубчатые стремнины.
Обложен ступенями гор,
Расцвел узорчатый ковер...[2]

В поэме «Кавказский пленник»:
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые вершины
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер...[10]

Ярким примером еще одного очевидного заимствования или подражания начинающего поэта Лермонтова уже известному «певцу Кавказа» стала первая строка стихотворения «Парус».

В той же первой главе поэмы «Андрей, князь Переяславский»:
Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокий;
У ног колчан, в руке весло.
Но, с беззаботною улыбкой,
Летучей пеной орошен,
Бестрепетно во влаге зыбкой
Порывом бури мчится он,
И внемлет приберег окольный
Напевам песни произвольной...[2]

В «Парусе» Лермонтова читаем:
Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой! [10].

В 1834 году двадцатилетний М. Ю. Лермонтов в письме к М. А. Лопухиной пишет: «... когда я ловлю себя на том, что люблюсь собственными мыслями, я стараюсь припомнить, где я вычитал их...» [10]. Гений от природы, но еще не «с твердой рукой» начинающий поэт подражал Д. Байрону, В. Скотту, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину и другим писателям и поэтам, что было совершенно естественным процессом становления литературного стиля Лермонтова, тем более он свидетельствовал о том, что писать начал поздно: «Когда я начал мараť стихи в 1828 году в пансионе, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их...» [10].

Данное исследование было проведено с целью проведения литературных и биографических параллелей в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского и М. Ю. Лермонтова – двух известных поэтов роднило многое. В первую очередь, это было огромное чувство восхищения и любви к «дикому» краю и его народам, традициям, языкам, нравам, фольклору. Здесь родились лучшие произведения «певцов Кавказа», здесь им уготовано было погибнуть. Во-вторых, отправившись в ссылку за «непозволительные стихи», изъездив Кавказскую «линию всю вдоль» М. Ю. Лермонтов будто бы искал встречи с кумиром – ссыльным декабристом. Небольшой городок Ставрополь, Тифлис, Пятигорск, Тамань, укрепление Ольгинское, исчезнувшее с современных карт, с небольшой временной разницей встречали двух писателей. В-третьих, общие знакомые – Мирза Фатали Ахундов, для которого Бестужев переводил с фарси его поэму на смерть Пушкина, а Лермонтов позднее записал с его слов турецкую сказку «Ашик-Кериб»; или близкий, верный друг Бестужева по Пятигорску доктор Н. В. Майер (Вернер в лермонтовском романе «Герой нашего времени»). Поэтов роднило и одинаковое подражание Байрону (для М. Ю. Лермонтова оно дополнилось еще подражанием «марлиническому» самостоятельному сложившемуся стилю, от которого он все же позднее отойдет).

Многие литераторы и литературные критики минувшего века свидетельствовали о том, что А. А. Бестужев мог бы стать законодателем мод русской литературы 30-40-х годов XIX столетия, если бы не находился в опале за причастность к восстанию на Сенатской площади. Но истинно таковым стал М. Ю. Лермонтов. О его творчестве писали Н. В. Гоголь: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасною, и благоуханною прозою... Готовился будущий великий живописец русского быта» [8]; В. Г. Белинский: «В словах его было столько истины, глубины и простоты <...> Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в

нем!..» [12].; А. П. Чехов: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать... Не могу понять, как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь («Тамань»)... и умереть можно!» [15].; А. А. Ахматова: «Всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно... Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему <...> Я уже не говорю о его прозе. Здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф о том, что проза – достояние лишь зрелого возраста» [12].

Список литературы

1. «Их вечен вольностью союз» литературная критика и публицистика декабристов. – М., 1983.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Собр. Соч.: В 2 т. М., 1958.
3. Вацуро В. О Лермонтове. – М.: Новое издательство, 2008.
4. Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1891.
5. Гарин В. Бестужев-Марлинский и Лермонтов <https://proza.ru/2015/12/15/1585> (дата обращения 17.08.23).
6. Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1975.
7. Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. – Л., 1940.
8. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. – М.-Л., 1952.
9. Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – М., 1989.
10. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 6 т. – М.-Л., 1962.
11. Михайлова Е. Проза Лермонтова. – М., 1957.
12. Русские писатели о Лермонтове. Воспоминания и мнения <https://rosuchebnik.ru/material/russkie-pisateli-o-lermontove-vozpominaniya-i-mneniya/> (дата обращения 15.09.23).
13. Хвалин А. Советские мифы русской литературы https://ruskline.ru/analitika/2014/10/15/sovetskie_mify_russkoj_literatury/ (дата обращения 12.08.23).
14. Чамокова Э. А. А. Бестужев-Марлинский и М. Ю. Лермонтов // Адыгейская филология. Краснодар, 1967.
15. Чехов А. П. Собр. Соч.: В 14 т. – М., 1949.

**ТЕМА КАВКАЗА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ
Ф. Ф. ТЮТЧЕВА (ПО РОМАНУ
«НА СКАЛАХ И ДОЛИНАХ ДАГЕСТАНА»)**

*Шейкина Оксана Михайловна,
директор ГАУК «Государственный мемориальный
историко-литературный музей-заповедник Ф. Ф. Тютчева «Овстуг»
Брянская область*

Из довольно большого творческого наследия Ф. Ф. Тютчева (сына поэта и Е. А. Денисьевой) в памяти современников и потомков осталось, к сожалению, не так много и стало достоянием узкого круга любителей русской словесности.

Боевой офицер, прошедший русско-японскую войну, никогда не прятавшийся за спинами своих подчинённых, многие годы служил на Кавказе. Обладая хорошим литературным слогом, будучи от природы зорким и внимательным человеком, он оставил романы, повести и рассказы, которые читаются «на одном дыхании», содержат богатый этнографический, основанный на личных наблюдениях и впечатлениях материал, открывающий для современного читателя мир, который даёт пищу для размышлений, различных чувств по поводу роли и судьбы России в многочисленных «кавказских» войнах.

Один из героев романа, офицер Иван Макарович Колосов, перед гибелью, во время штурма аула Ахульго, размышляет так:

– Пройдут десятки, может быть, сотни лет, и на всём пространстве могучей России не останется ни одного из ныне живущих, их детей и внуков, уйдут они в недра родной земли, обратятся в прах, исчезнут из памяти, а там, где они жили, явятся новые люди, новые поколения, в которых будут биться те же чувства к Родине – вот для них и умираем мы теперь.

Ф. Ф. Тютчев, как и его знаменитый отец, писал стихи, но всё же полностью его талант раскрылся именно в прозе.

Такая цель! Мой друг, ужели,
Себе и чести изменив,
Мы отбежим от славной цели
И сдержим пламенный порыв?
Нет! Нет! Пока в нас сердце дышит,
Пока струится жар в крови –
Ничто, ничто да не подвигет
Святой и доблестной любви!

Нет никакого сомнения, что речь идёт о любви к Отечеству, верным служителем которого был его отец, дипломат, публицист, отстаивавший и защищавший интересы России как на дипломатическом поприще, так и находясь на государственной службе после возвращения на Родину.

Ф. Ф. Тютчев, награждённый многими боевыми орденами и медалями, был вправе сказать: «Ищите меня в том, что я пишу». Он самостоятельно и осознанно выбрал профессию военного, не желая подчиняться закостенелым традициям среды (незаконнорождённый сын, лишённый права наследования титула родителей), проявил подлинное мужество и готовность переносить любые трудности. Став военным профессионалом, посвятил свои книги трудной судьбе воинов. Офицер Тютчев блистательно показывал себя на поле брани. Свидетельство тому — высшие награды, полученные им за храбрость и мужество при выполнении боевых задач. За боевое отличие Ф. Ф. Тютчев был произведён в полковники и имел: аннинское Георгиевское оружие (шашку) с надписью «За храбрость» (10 ноября 1915 г.), ордена — Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (3 марта 1905 г.), Св. Анны 2-й степени с мечами (30 ноября 1904 г.), Св. Станислава 2-й степени с мечами (15 октября 1904 г.), Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (6 августа 1904 г.), Св. Анны 3-й степени (14 апреля 1902 г.), Св. Станислава 3-й степени (5 апреля 1898 г.), серебряные медали — «В память царствования императора Александра III», «В память священного коронования их императорских величеств», светло-бронзовую медаль «В память Русско-японской войны в 1904-1905 гг.» на ленте, составленной из Александровской — Георгиевской, юбилейную медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых».

Ф. Ф. Тютчев углубил в своих книгах исследование национального характера. Перед читателем проходят судьбы как офицеров, так и бесчисленного количества, в том числе безымянных русских солдат, попавших в «кавказскую» армию, когда на Кавказе всё «бурлило, кипело, горело и плавилось» в жестоких схватках, штурмах и осадах. Вот как пишет автор:

— Глубокое понимание всего происходившего на театре военных действий отличало безграмотных, неучёных солдат Кавказской армии. Простые солдаты и офицеры в низших чинах твёрдо знали, что надо и не надо делать. Седоусые ветераны знали секрет окончания войны с горцами в самое короткое время. Но высшие чины, которым мечты об орденах и чинах затмевали разум, не хотели знать этого секрета. Надо

было пройти десятки лет, пролиться потокам крови, пока секрет этот не был усвоен и проведён в жизнь.

Отмечая эти высшие чины, Тютчев отдавал честь и дань уважения тем, кто, как князь Барятинский, обладая светлым и энергичным умом, не хотел ничего личного для себя, а думал только о пользе своей Родины.

В то же время автор с не меньшим уважением пишет и рассуждает о горцах, в чьих глазах единственно достойным качеством может быть только храбрость.

— Как воевать с таким народом, и чем иным, как не полным истреблением этих геройски смелых племён, может кончиться подобная война? Ф. Ф. Тютчев пишет о подлом подстрекательстве Турции и особенно Англии горцев к газавату (священной войне против гяуров-неверных). В 1834 году на черноморское побережье Кавказа приезжал секретарь английского посольства в Константинополе мистер Уркуфт, а в 1837-английский купец Бэлл (Шпион и тайный агент английского правительства) [факт]. Оба беседовали со старшинами горских племён, подстрекали их к войне с Россией и обещали помощь Англии, Турции и египетского паши. При их содействии Турция на английские деньги доставила на черноморское побережье большие запасы оружия, пороха и свинца, которые раздавались горцам даром. В это самое время английский посол в Петербурге распинался, уверяя императора Николая в искренней дружбе Англии. [Нечто подобное происходит в наши дни].

Шамиль, предводитель горцев, понимая, что преимущество русских было в артиллерии, писал в Константинополь султану с просьбой о горных орудиях, и султан под давлением англичан отправил целый корабль, который потерпел крушение и был захвачен русскими, в плен был захвачен и английский купец-шпион Белл, посланный настраивать горцев против России. Кстати, Николай I приказал немедленно отпустить его. Англичане доставляли на персидских судах целые транспорты ружей и пороха. Шамиль имел даже преимущество перед русскими, т. к. оружие англичан было лучшего качества.

В своём романе Тютчев пользовался военными и историческими источниками, военными сводками, в т. ч. «Обзором войн России от Петра Великого до наших дней».

Что отличает прозу Тютчева? — Прелесть живого рассказа, мастерски переданный колорит ушедшей эпохи; полнота, живость и живописность описаний. Автор искренне любит красоту Кавказа: картины его природы — целый пласт его повествования.

– Небо чистое, как душа младенца. Вереница гор, не знающих преград и населённых гордыми, свободолюбивыми племенами, готовыми ценой жизни отстаивать свою независимость. «Кабардинцы, – пишет автор, – превосходный народ – честные, приветливые, смыслённые, храбрые». «Гордые жены и дочери гор предпочитали мучительную смерть позорному плену в руках неверных».

Тем ужаснее картины павших русских воинов и горцев: предсмертные гимны абреков. Грозно-торжественная картина: летняя ночь, тёмно-синий купол неба, усеянный миллионами звезд, опрокинувшийся над землёю; контуры гор, а среди этого величия горсть людей, израненная, истомлённая, спокойно и стойко готовилась к смерти. Трупы людей и лошадей, а с вышины бесконечно далёкого неба, ярко сверкая в бездонной синеве, мигали звёзды, словно очи беспристрастных свидетелей людской злобы и безумия».

Ярко выраженная антивоенная тема присутствует в этом романе, она передана через восприятие офицера Колосова, начинающего ощущать ужас перед пролитием крови.

– «Зелёная трава, залитая кровью; горный студёный ручей, а в нём разбухший гнилой труп; поля пшеницы, вытопанные конскими копытами. Чем величественнее и поэтичнее были картины природы, тем резче выступали на её фоне святотатства, творимые человеком».

Всё это ужасно, дико и трагично, – рассуждает автор устами офицера Колосова. – Кто ведет людей на эту бойню? – Не генерал.

– Император, доброте которого изумляется весь мир, ненавидящий убийство? Кому же нужна эта война? – России. Отцам, чьи сыновья идут под пули и шашки. С чувством восхищения пишет автор о подлинных героях Кавказской эпопеи – об одном из них – графе Петре Христофоровиче Граббе, о полковнике Лабынцеве, о сотнях безымянных героев.

3-я последняя часть романа названа «Герои и фанатики». У читателя порой смещается акцент: кто же герои и кто-фанатики. Ответ неоднозначен. С неменьшим уважением пишет автор о Шамиле, его наibaх – Сурхае, Ташав-Ходжи и многих других.

– Если бы Шамиль получил соответствующее образование и широкое поле действия, из него вышел бы один из величайших полководцев XIX столетия». «Шамиль вырос в могущественную легендарную личность, к которому, как песчинки к магниту, потянулись испокон враждовавшие между собой разрозненные дотоле племена кавказских горцев. У него голова политика. Он превосходил многих своих единоверцев умом, настойчивостью и знанием человеческой души. Вот что

говорит о своём предводителе один из героев романа, старый Абдул Валиев:

– Давно ли между нашими мусульманами шла ожесточённая война всех против одного и одного против всех? Разрозненные племена начинают понимать свою ошибку. У них является сознание соединиться воедино, чтобы всем вместе подняться против вас, и в такую минуту является среди них Шамиль, умнейший среди умных, храбрейший среди храбрых, великий имам Дагестана.

Всех их Шамиль сплотил воедино, в один народ, одно племя.

«Горячая любовь к своей стране и своему народу слышалась в его словах».

Для автора романа, сына поэта-гражданина, сознание литературы и воинского долга были двумя поприщами «единого гражданского подвига».

Тема традиций, преемственности в литературе особая. Истинный писатель, живущий мечтами и мыслями своего народа, вряд ли может состояться вне традиции. В мире искусства ничто не рождается на пустом месте. Настоящие писатели, являясь новаторами, опираются на духовный опыт своих предшественников. Ту же острую тему противостественности природы и мёртвых тел позднее по-своему выразит Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», высокую оценку которым при личной встрече выскажет Ф. И. Тютчев.

В XX веке в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон» автор совсем случайно обратит внимание читателя на жалость Григория Мелехова к убитому им австрийцу, на горькие муки раскаяния. Человеком остаться на войне очень трудно, но в произведениях лучших писателей найдёт отражение стремление народа утвердить нормы нравственности, которые складывались веками.

Ф. Ф. Тютчев унаследовал от русской литературы главное-высокую совестливость, как высший нравственный принцип; как непосредственное условие художественности; народную нравственность, которой он проверяет человеческую ценность своих героев; вечную обеспокоенность главными вопросами: что такое жизнь? Зачем человек живёт? Как жить? – высокую гражданственность, понимание того, что судьба народа и Родины неразъединима.

Ф. Ф. Тютчев продолжит в прозе тему безразличия высших чинов в Петербурге к судьбе России, начатую его отцом – Ф. И. Тютчевым. – Петербургский взгляд на кавказские войска вызывает в нём резкое неприятие. «Роковое недоразумение Петербурга требовать от кавказ-

цев муштры, выправки, строя, «так блестяще приведших Россию прямым путём к Севастопольскому погрому». Теория и практика, рутина и живое дело порождали глухое недовольство петербургских военных сфер Кавказом, закончились обвинением генерала Ермолова в тайных замыслах против законной власти и потребовали, к величайшей радости врагов России, его удаления с Кавказа, стоившего, по мнению автора, нескольких десятков лет войны.

Один из центральных героев романа, офицер Спиридов, провёл в плену у горцев год и десять месяцев, перенеся и физические, и душевные страдания. За это время он «выучился глубже глядеть в человеческую душу и под грубой оболочкой дезертира и изменника Ивана, который не встретил бы прежде в нём никакого снисхождения, видел теперь душу живую, существо не столько преступное, сколько глубоко несчастное. Хитрость Шамиля разбивалась о непреодолимую стойкость кавказского солдата. Потеряв самый неприступный оплот-аул Гуниб, Шамиль через 20 лет говорил: «Если бы я построил аул на небе, русские и там бы настигли меня».

В конце романа появляется легендарный Хаджи-Мурат [Л. Н. Толстой «Смерть Хаджи-Мурата»]. После бегства из русского плена Хаджи-Мурат был окружён сотней донских казаков; одним своим видом долго удерживал их на почтительном расстоянии, и только выпустив сотню пуль и убедившись в его смерти, казаки решились броситься на его труп и отрубили голову, опасаясь, чтобы он не очнулся. 10 летний сын Шамиля Джамал-Един в Петербурге был помещён в кадетский корпус. Умный, бодрый и благородный, он полюбил Россию. В 1849 году, по окончании курса наук, выпущен в уланский, Его Высочества. В. К. Михаила Павловича, полк. Потом попал в мусульманский конвой имени Паскевича. В 1845 году Шамиль, разорив Алазань и пленив княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, потребовал выкуп за них – возвращения сына. Государь предоставил Джамал-Едину право выбора, и в порыве рыцарского великодушия, тот согласился. Он умер в 1858 году от чахотки, и после его смерти Шамиль сложил оружие, навсегда отказавшись от борьбы с русскими.

Своеобразие Тютчева-писателя – в спокойном, неторопливом повествовании, стремящемся к максимально возможной объективности, к полноте непосредственного изображения жизни. Его наследие способствует тому, что мы чаще и чаще оглядываемся назад, на те ценности, которые когда-то определяли нашу жизнестойкость в прошлые эпохи; на то, что мы с радикальной непочтительностью предаём забвению.

Всё, написанное Ф. Ф. Тютчевым, читается на одном дыхании. Нравственные вопросы для него превыше всего, нравственная чистота каждого из героев становится основным мерилем его ценности.

Проза Тютчева предметна, лишена отвлечённых абстракций, всегда замкнута на человеке, неотрывна от его земного бытия. Творчество Тютчева всегда обостренно, тревожно, выявляет глубинную человеческую сущность, стремясь отыскать границу между человеком и зверем. То, что способно послужить опорой для людского братства и единства, составляет главную суть его произведений.

Именно от этого зависит будущее, сама жизнь.

К сожалению, полковник Тютчев рано ушёл из жизни, ему не хватило времени, чтобы создать эпохальное литературное произведение о Первой мировой войне. Фронтовые зарисовки из дневника Фёдора Фёдоровича вошли в сюжеты рассказов писателя: «Командир полка», «Гордиев узел», «Героиня», «Рождество на позициях», «Под пулемётами» и других.

Полковник Тютчев отдал военной службе – 35 лет. Ф. Ф. Тютчев оставил потомкам большое творческое наследие. Итог его активной литературной деятельности: шесть романов, более десяти повестей, несколько сотен рассказов, очерков, эссе, военных корреспонденций, стихотворения, дневники. При его жизни дважды выходили в свет собрания сочинений военного бытописателя. Отдельные произведения были рекомендованы для народного чтения.

В музее-заповеднике хранятся личные вещи писателя, переданные его дочерьми, его первые издания и книги Ф. Ф. Тютчева, выпущенные уже в XXI веке. Продолжается работа по сбору информации и сохранению литературного наследия известного отечественного литератора, полковника Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) Фёдора Фёдоровича Тютчева.

ТУРИНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТОВ

*Давыдова Любовь Викторовна,
заведующая Туринским филиалом
ГАУК СО «Свердловский областной
краеведческий музей имени О. Е. Клера»
г. Туринск*

Аннотация. В данной работе проанализированы письма ссыльных декабристов – участников тайных обществ начала XIX века и восстания на Сенатской площади 1825 года, в период проживания их в сибирском уездном городе Туринске, чтобы осветить Туринский период жизни декабристов. Тема является новой, востребованной и актуальной, так как этот аспект в истории декабризма ранее исследователями никогда не изучался.

На основе посланий, в том числе цитат и выдержек, удалось выявить социальные и бытовые аспекты пребывания спутниц государственных преступников в Туринске – «темнице без решеток», а также установить историческое культурное наследие добровольных изгнанниц за короткий период их проживания в данном городе.

Ключевые слова: декабристы на поселении, женщины-декабристки, ссылка, Туринск, город ссыльных, быт декабристов, исторический и культурный вклад ссыльных декабристов, письма и переписка, наследие декабристов в Сибири.

TURINSK PERIOD OF LIFE OF THE DECEMBRISTS

*Davidova Lubov Viktorovna,
The Head of the Turinsk Branch of the State
Autonomous Institution of Culture of the
Sverdlovsk Region "Sverdlovsk Regional
Museum of Local Lore named
After O. E. Clara", Town of Turinsk*

Annotation. The present article analyses the letters of the exiled decembrists - members of secret societies in the early 19th century, who also participated in the uprising on Senate Square in 1825, during their time of living in the town of Turinsk, Siberian district, in order to highlight the Turinsk period in the life of the decembrists. The topic is new, well liked, and

relevant, as researchers have never before studied this aspect in the history of decembrism.

It was possible to reveal social and domestic aspects from the companions of the state criminals in Turinsk – “prisons without bars” based on the messages, including quotations and excerpts, as well as to establish a historical cultural heritage of voluntary exiles for the short period of living in this town.

Key words: *Decembrists in the settlement, Decembrists’ wives, exile, Turinsk, city of exiles, life of the Decembrists, historical and cultural contribution of the exiled Decembrists, letters and correspondence, legacy of the Decembrists in Siberia.*

После 10-летнего отбывания каторжных работ участники декабристского восстания переводились на поселения в сибирские города. Не миновал участи «темницы без решеток» и Туринск.

Дружная колония декабристов жила на виду у местных жителей, и их благородство, честность во взаимоотношениях, бескорыстность оказывали благотворное влияние на горожан. Служба в суде, куда стекались обиженные и обидчики, тяга к прогрессивной литературе, которая стала проникать в Туринск, участие в благоустройстве города – создание парка: все это вызвало добрую молву, которая расходилась по окрестным деревням и селениям. Но особое уважение, почтение и любовь у местных жителей вызывали женщины, которые последовали за государственными преступниками. Первая дама – Камилла Ивашева прибыла в наш город на вечное поселение вместе со своим супругом Василием Петровичем в 1836 году. Здесь семью уже ожидал, прибывший ранее не семейный декабрист Николай Васильевич Басаргин.

Камилла Петровна Ивашева, урожденная Ле-Дантю, француженка по происхождению, была весьма образованна, обладала, помимо того, художественными талантами (виртуозным владением клавишного инструмента и редким голосом). Декабрист Басаргин при знакомстве с ней в петровском остроге первым делом отмечает, что «невеста Ивашева, молодая милая образованная девушка... Я радовался, видя его вполне счастливым, и нашел в его супруге другого себе друга» [1]. «Это было прелестное создание во всех отношениях, и жениться на ней было большим счастьем для Ивашева», – писала княгиня Мария Николаевна Волконская в своих записках.

Еще в петровском заводе, после того, как Камилла стала супругой Василия Петровича, она активно занялась домашним хозяйством: раз-

била огород для овощей, непременно хочет заняться культивированием яблони и ищет по округе дичков, обустроила цветники, завела скотный двор, в часы досуга занималась рукоделием – шитьем и вышивкой. Рисует акварелью, много музицирует и прекрасным дуэтом с княжной Марией Волконской исполняет музыкальные произведения. В подтверждение этому читаем наполненные любовью письма Марии Юшневской из Петровской тюрьмы Ивашевым в Туринск: «У Сашеньки лилий желтых и саран множество, много и разного сорта цветов, все так же, как было при Вас, и будьте уверены, что, покуда я здесь, буду все исполнять, как исполняли Вы сами» [2]. «Катерина Ивановна каждый вечер играет на фортепианах Ваших, хочет вспомнить бывший свой талант. Теперь покуда играет аккомпанементы русских песен, которые Вам все знакомы... Коровки Ваши здоровы, я каждый день их ласкаю, а телочку за Вас и за себя» [3].

В Туринск Ивашевы привозят годовалую дочь Марию – Манечку, в будущем Марию Васильевну Трубникову, общественного деятеля, активистку, революционерку, а вскоре, один за другим появляются еще сын и дочь. Как и случается, маленькие дети часто болеют. Чтобы облегчить страдание малюток от детских недугов, Камилла увлекается гомеопатией, и мы уже видим упоминание об этом выше в письмах Василия Петровича. О своем увлечении подробно рассказывает в посланиях и Камилла: «Я могу дать совет по поводу этой нестерпимой [зубной] боли, ведь я страдаю от нее постоянно. С тех пор, как прибегла к гомеопатии, боли стали значительно реже, а вчера, после получасовых мучений, зернышко белладонны поставило меня на ноги. А если бы я прибегла бы к крайней мере, которую ты предпочитаешь, дорогая Амалия, без всяких сомнений, в течение года, я не досчиталась бы половины зубов.» Камилла ... в этом же письме есть несколько строк и от Василия: «дорогая сестра я приветствую, что вы так смело избавились от больного зуба. Камилла, которая стала гомеопаткой с головы до ног, советует вам, правда с небольшим опозданием, прибегнуть к небольшим дозам окамана (белладонны), но так как я сам не превратился, как она в белладонну, а из Камиллы стала камомиллой (ромашкой) [игра слов], я надеюсь, что после операции вам не нужно будет прибегать к гомеопатии и магии: из этого я делаю заключение, что вы использовали средство лучше. Василий» [4].

В это время влиятельные старики Ивашевы не прекращали ходатайств о любимом опальном сыне. 1837 г. Петр Никифорович выхлопотал у государя разрешение об отправке государственного ссыльного преступника Василия Ивашева в действующую армию на Кавказ [5].

Сам же сорокалетний Василий Петрович, когда было получено разрешение о его возвращении из ссылки в действующую армию на Кавказ, чтобы искупить свою вину, уже основательно поселился в Туринске и, вероятно, не смог, да и не желал оставить горячо любимую жену и двух малолетних детей, чтобы стать рядовым солдатом. В окружении любящей жены и детей, рядом с близким товарищами по несчастью, Василий Петрович впервые за долгие годы заключения чувствовал себя счастливым, и перспектива новой перемены в жизни его больше не привлекала. К тому же, В. П. Ивашев давно свыкся с положением поселенца, началось строительство собственного дома, и надо полагать, что все теперь в далеком сибирском городе ему стало по нраву. От службы на Кавказе было решено отказаться [5].

В Туринске Ивашевы вели спокойную, размеренную жизнь, «оказывали помощь страждущим и бедным жителям Туринского округа и пользовались любовью и расположением к ним населения». Но особой дружбы ни с кем не водили. Отец Василия, прославленный генерал Ивашев Петр Никифорович, не имея другой возможности воссоединиться с любимым сыном, понимая обособленность и ограниченность в общении опальной семьи, даже подумывал купить Туринскую бумажную фабрику и лично вести ее дела на месте, чтобы был официальный повод перебраться к любимому сыну. И даже начались переговоры с владельцами Панаевыми о покупке предприятия, но Василий Петрович лично отговорил отца, мотивируя тем, что фабрика принесет больше затрат и хлопот, чем выгоды. Отцу декабриста с сожалением пришлось отказаться от этой затеи. Поэтому решение более свободной Марии Петровны Ле-Дантю, матери Камиллы, воссоединиться со своей дочерью в дальней чужой стороне стало для изгнанников весьма радостным известием.

Ивашевы ожидали матушку Камиллы почти два долгих года, пока тянулись бюрократические волокиты, прежде чем Мария Петровна Ле-Дантю получила высочайшего позволения навечно перебраться в далекую Сибирь к дочери и опальному зятю. Занимательный факт – Мария Петровна была единственной тещей декабриста, последовавший в ссылку за государственным преступником. В письмах к ней не только дочь, но и Василий Петрович неизменно называют ее «моя замечательная, нежная Матушка, целуем ваши руки, ваш любящий сын и дочь и т. д.»

Но приезд матушки почти на месяц опередило другое, не менее значимое событие. В самом начале 1839 года в Туринск на поселение прибывает декабрист Анников с семьей. Их приезд был радостным для Ивашевых и должен был внести немало оживления и их однообразную

жизнь в Туринске, где до этого у них был один друг – Басаргин. Василий Петрович пишет сестре Лизе, что «Марии Петровне, приезд ее вскоре ожидается, теперь Туринск уже не покажется таким пустым и скучным, как они того опасались».

Таким образом, в конце января и начале февраля 1839 года в Туринске поселились еще 2 дамы и обе француженки по происхождению: Мари-Сесиль Ле-Дантю и Прасковья Егоровна Анненкова, урожденная Жанетта-Полина Гебль. О каждой из них расскажу отдельно.

Итак, Мария Петровна Ле-Дантю приехала в Туринск 19 февраля 1839 года. Мари-Сесиль Вабль, мать Камиллы, прожила почти целый век (1773-1865). Дочь органиста (в России её звали Марией Петровной), родилась в северо-восточной Франции, в Пикардии, в городе Руа. Во Франции она вступила в первый брак и родила дочь Сидонию, будущую мать писателя Дмитрия Григоровича.

Марья Петровна переселилась в Россию в 1803 г., и здесь вышла замуж за Пьера Ле-Дантю, родив ему пятерых детей. Бесспорно, Мари-Сесиль Ле-Дантю была начитанной интеллектуалкой, а не только наделенной житейской мудростью и властным характером «семейной руководительницей» – интеллектуальная и духовная независимая жизнь составляла значительную долю её существования [6, с. 78].

Как уже мною упомянуто, Мари-Сесиль, единственная из тещ осужденных декабристов, решила отправиться в добровольную ссылку вслед за дочерью.

Присутствие всегда деятельной, доброй и энергичной старушки внесло большое оживление в монотонную жизнь туринских изгнанников. Василий Петрович в одном из писем докладывает родным о прибытии матушки: «С ее приездом наш Туринск с его отвратительным климатом утратил свое безобразие, добрая часть тревог Камиллы рассеялись, а я очутился, как бы в маленьком раю».

Василий Петрович, живя с Марией Петровной бок о бок в изгнании, в полной мере оценил силу духа, постоянную и неутомимую потребность к труду, проявляемую старшей Ле-Дантю во всех обстоятельствах жизни: «Зубная боль – неопасная болезнь, но вы обе её знаете: она мучительно-скучна. Только терпение матушки примерно и в этом случае: сила воли всегда с ней и при ней; и обыкновенная её деятельность, право, необыкновенная, отнюдь, не терпит от недугов, которые пробиваются кое-когда. Удивляюсь, сколько в день успеет дела переделать. Все внучата её, присутствующие и отсутствующие, наделены произведением её рук; и ещё успеет всегда помочь Камилле в её

занятиях... Но не знаю, чему более удивляться: деятельности или равенству духа, которого начала, однако ж, не почерпнуть в равнодушии» [7].

В одном из писем из ссылки В. П. Ивашев сообщал, изумляясь и восхищаясь неумной энергией матушки Камиллы, возраст которой склонялся уже к 70-ти, повествует следующее: *«Только что прочли мы с матушкой твоё письмо [Е. П. Языковой], я за руку взял Манечку, дошёл молча до залы и предложил, вам в честь, проскакать по зале на одной ножке, мы с ней пустились в запуски. Слышу: что-то ещё скажет... то была Матушка!»* [8].

Не менее почтительно к Марии Петровне Ле-Дантю относятся и другие представители Туринской колонии декабристов, к примеру, Иван Иванович Пущин считает ее очень надежным доверительным лицом и даже сообщает это в письме Е. А. Энгельгардту.

Почтенный друг, будьте крестным отцом возрожденного русского Паскаля. Кумой вашей будет Annette. Младенец несколько ряб лицом, но и эти рябины можно сгладить, если найдете нужным; вы там отыщите хорошего писца. Я бы сам это сделал, но не хочется отдалять доставления к вам рукописи. Она к вам идет прямо через Марью Петровну Ле-Дантю, которая имеет право пользоваться почтовыми сообщениями» [9].

В другом своем послании из Туринска от 14 июня 1840 г. Иван Иванович уважительно пишет о старшей Ле-Дантю: «Марья Петровна занимается огородом и цветами – большая до них охотница и знает хорошо это дело» [10].

Достойное место в обществе декабристов и у жены Ивана Анненкова. Веселый живой характер Прасковьи Егоровны немало этому способствовал.

Полина Гебль родилась 9 июня 1800 года в Лотарингии, в замке Шампиньель. Отец – наполеоновский офицер был казначеем во флоте, награжден орденом Почётного легиона.

В 1823 году приехала в Москву, на работу, в качестве модистки в торговой фирме «Дюманси». Летом 1825 года на ярмарке, в Пензе, познакомилась с Иваном Анненковым. После восстания декабристов 14 декабря 1825 года И. А. Анненков был арестован и осужден. После ссылки И. А. Анненкова в Сибирь Полина обратилась к императору с просьбой разрешить ей следовать за ним.

Царь спросил через московского губернатора, сколько ей нужно денег на дорогу, и прислал 3000 рублей. Полина оставила дочь Александру [4], рожденную вне брака, своей будущей свекрови. Не зная

русского языка, с двумя слугами Полина Гебль отправилась 23 декабря 1827 года в Читу. Добралась до Читы 5 марта 1828 года. 4 апреля 1828 года в деревянной Михайло-Архангельской церкви Читы [источник не указан 1102 дня] Полина повенчалась с Иваном Александровичем. Только на время венчания с жениха были сняты кандалы [11].

Семья Анненковых не только поселилась по соседству с Ивашевыми, но и они были желанными гостями в их доме.

Ивашевы, муж и жена, очень обрадовались прибытию Анненкова с семьёй, о чём свидетельствуют их письма к родным.

Так, В. П. Ивашев писал своей сестре: «Переведены сюда Анненковы, они уже приехали, жена нашего союзника – женщина приятная, мать пренежная».

Камилла Петровна Ивашева тоже писала сёстрам: «Вот уже два дня, что я точно очутилась в обществе Петровского завода, так как мы наслаждаемся прибытием Анненковых, которых я не видела больше года и даже не смела надеяться на радость соединиться с ними... Четверо восхитительных детей, один лучше другого, составляют их свиту...» [12], а в другом письме к сестре Амалии Камила сообщает, что ей очень бы хотелось дать сестре представление об Анненковой, этой превосходной персоне: «Она так очаровательна у себя в доме, где сумела создать весьма приятную обстановку и где она, можно сказать, разрывается, расточая ласки и заботы всем окружающим. ... ее весёлость и живость передаются всем окружающим, и вообще оба они составляют весьма приятное общество. Дочь их – прелестное девятилетнее дитя – почти ежедневно приходит к нам брать у меня уроки музыки, а у матушки – французского языка. Она такая кроткая и приветливая, такая рассудительная, что видеть ее и заниматься с нею – одно удовольствие; хотя она сильно отстала по занятиям, но быстрые успехи позволяют надеяться, что она наверстает время, потерянное благодаря бесконечным болезням ее матери, длившимся с тех пор, как мы расстались» [13].

Приведу ещё одну выдержку из письма В. П. Ивашева к родным, в котором он даёт такую интересную характеристику семье Анненковых: «Красивая женщина, в сопровождении прелестных детей, с твёрдым и весёлым характером, всегда ровным настроением, Анненкова – примерная жена и мать. Муж её очень красив, с благородными и медлительными манерами. Голова его так и просится на рисунок... Многочисленность семьи при ограниченных средствах требует большой экономии во всём, но они оба с женой умеют это устроить...» [14].

Эти отзывы Ивашевых дополняет их внучка О. К. Буланова, которая пишет в своих воспоминаниях: «С ним (Анненковым) приехала его жена Прасковья Егоровна и четверо детей: Ольга, впоследствии по мужу Иванова, Владимир, Иван и Николай. Приезд Анненковых был радостным событием для Ивашевых и должен был внести немало оживления в их однообразную жизнь в Туринске» [15].

Несмотря на то, что Василий Петрович Ивашев имел статус государственного преступника, ссыльного, по происхождению и воспитанию он был высокообразованным аристократом, волею судьбы заброшенный в маленький сибирский купеческий городок с отсутствием культурной жизни.

О местном населении Ивашев отзывался, что оно относится к нему доброжелательно: «Меня все здесь любят и уважают (Ивашев был известен своей широкой благотворительностью). Но любопытство и сплетни составляют неодолимую страсть Туринских жителей» [16].

В борьбе с чуждой стихией Василий Ивашев лично ведет строительство собственного дома и устраивает его по-дворянски «как у батюшки», прилагая к этому немало усилий: «знаешь ли, почему нравится оно (место) мне особенно, кроме того, что там суше и здоровее будет для детей? Дом будет на горе над рекою; – так как Батюшкин дом в Симбирске: вот и все». И его дамы строят вокруг дома европеизированный мир в цветниках и оранжереях, быть может, вовсе бесполезный, с точки зрения практической целесообразности, совсем лишним для материального состояния: все массы сортов парижских далий, посаженных М. П. Ле-Дантю – «настоящие карлики», сообщает Ивашев со смехом в одном из своих писем родным, не необходимым для культурной устойчивости. На самом деле Ивашев изнемогает под грузом прозаических физических работ, призванных прокормить семью: «Мой удел теперь воздвигать заборы, делать навесы для коров да строить курятники» [17]. Однако глава семейства полностью поддерживает, одобряет воссоздание красоты излишеств. Изящества без пользы: «Моя Камиллушка поправилась здоровье. У нее тоже часть в огороде: парники с арбузами и дынями. И мы будем вкушать шесть дынь и пять арбузов. Моя же часть на этот год строение» [18]. «Ты спрашиваешь? Есть ли уголок для матушкиных цветов? – цветник и огород у нас возле самого дома; Матушка, проснувшись, может окунуть глазами своих воспитанников. И в нынешнем году, или, вероятнее, от худого свойства земли, все воспитанники ее настоящие карлики. Непременно удобрю землю к осени. Жаль смотреть на ее потерянные труды. деятельность

ее неумолима. Ни жар, ни дождь не удерживают ее: целые часы проводит она в цветнике своем и каждому растеньицу дан взгляд; вижу иногда, как не жалея колен, ощипывает около них сорную траву или вглядывается в завязку [19]» «мы ходим ежедневно любоваться своим огородом: тут же и плуза (*лужайка*) с матушкиными цветами. Над этим не шутите: тут есть далии: желтофиолям, левкоям, резеде щету нет. Наши окна украшены 10 горшками камелий. Только нет роз: но я надеюсь, что и их достанем [20]» «Матушкин цветник роскошно красуется незнакомыми в нашем краю далиями всех красок. — хорошая погода даже слишком постоянна для хлебов. — также, как и ты, мой друг, мы прогуливаемся в окрестностях города. любимая наша прогулка в верстах трех от города, в лесу, где матушка ботанизирует или помогает Камилле собирать травы душистые для Петрушиных ванн. Иногда присоединяются к нам Анненковы и тогда Камиллино общество шумит и кричит не менее, как путешественники, рассказывающиеся в паровые повозки» [21].

Действительно, лето 1939 года выдалось в Туринске необыкновенно теплое и Туринские изгнанники в своих посланиях родным и близким не нахвалятся хорошей погодой и замечательной теперь компанией, позволяющей им предпринимать большие прогулки в окрестности с самоваром, при этом все так же избегая общения с местными жителями: «... встретились ... с одной из знаменитостей нашего города, с управляющим питейной части, которого зовут здесь откупщиком и который в сопровождении супруги, разодетой по последней моде и многих дам купеческого сословия, в немецких платьях, с платками на голове и наколотыми украшениями на крыльях летучих мышей, находился также ... с самоваром. Увидев с нами Анненкову, которой никогда еще не видали, любопытство взяло заживо женские сердца, и мы видели, как, углубившись в лес, повернули на нас рекогносцировку, и в след за сим выступила вся компания из опушки леса. Жена откупщика, разукрашенная, расфранченная и разбеременная, явилась первая, окруженная как Калипсо, нимфами. Вслед за нею показался и супруг в соломенной шляпе, архалуке, в халате. На халате — в чем-то, принадлежащем тому и другому — в красном бархатном сюртуке последнего фасона с огромными синими по бархату цветами. Тогда как жена тащилась, затягивая одну ногу. Он приблизился с ужимками, семеня, на цепочках, почти бегом; — Василий Петрович! Камилла Петровна! Как приятно-с, пользуетесь растворением природы-с! И мы тоже-с! С самоваром сюда приехали-с? Как приятно-с! И мы тоже-с! Не присоединитесь ли на чашку чая-с? Сделайте ваше одолжение. —

Отклонив предложение, обыкновенное здесь учтивство, расшаркавшись и раскланявшись, и, наконец, возвратившись домой, после этой прогулки, этих самоваров, этих людей, правда, предобрых, прегостеприимных, и в правду имеющих хорошую сторону, но...после всей этой дичи, мы попали в тот очарованный круг, который вы обвели вашим пером: Как по неволе не сравнить два наших образа жизни, и как не подарить тебя предметами сравнения!» [22].

Хорошая летняя погода позволяла не только много времени проводить на свежем воздухе в часы досуга, но особенно благоприятствовала цветоводству Марии Петровны и огородству Камиллы и Николая Басаргина, выращивавших дыни, арбузы и разные редкие овощи. Считается, что многие европейские садовые и огородные культуры распространились по Сибири из туринской усадьбы Ивашевых, именно благодаря аграрным стараниям ссыльных: «Мы не будем иметь удовольствие в этом году попробовать виноград т. к. не смогли достать его. Пусть вас не огорчает то, что мы лишены этого, мы уже ко всему привыкли. Впрочем, в списке лакомств этого года, которые Мари съела, можно, кроме свежих яблок, сливы и ананасы» [23].

В письмах Ивашевых много простых бытовых зарисовок, комических сюжетов, которыми само себя веселит не многочисленное и замкнутое общество: «Наш Басаргин всегда нас навещает... он все тот же верный друг, строгой и беспристрастный, делает что-нибудь да добро. Иногда и проказничает: вот пример. Анненков очень близорук; и в очках плохо видит. Недавно, выходя от нас, Басаргин с Анненковым отправились проходиться по городу. Мы с женою и матушкою отправились также на гуляние и зашли к Анненковой, которая присоединилась к нам. Басаргин, увидев нас издалека, уверил Анненкова, что идет к ним на встречу отставной поручик такой-то, с семьею, у которых в доме они нанимают квартиру и которые страх надоедают Анненкову. Когда мы почти сошлись, представь удивление всех нас, особенно Анненковой, видя, что муж ее пресуха ей и нам поклонился, и повернул вбок- и вообрази смех, который по разгадке поднялся между нами» [24].

Конец лета 1839 года был ознаменован большим событием: 27 августа Н. В. Басаргин с разрешения генерал-губернатора Горчакова женился на жительнице Туринска, дочери подпоручика Марии Елисеевне Мавриной. Женитьба его не отразилась нимало на его отношении к Ивашевым, и дружба между ними продолжалась неизменно. Так, в обществе жен декабристов появилась еще одна компаньонка.

О жене Басаргина Камилла вскоре после его свадьбы пишет: «Молодая женщина, которую мы нашли здесь ребенком осталась все такою

же юной и свежей, как ей 17 лет. Басаргин сияет, его нельзя узнать, он блещет счастьем». Со своей стороны Василий Петрович так отзывается об этом браке: «Но лучше поговорю о семейной жизни моего старого друга Басаргина. Чем больше наблюдаю все его поступки, тем смелее говорю, что он необыкновенный практический философ. Если припомнишь, что он был прежде женат на девушке, исполненной дарований, развернутых образованием тщательным, что женат был по любви, если прибавить, что он жил в кругу, где образование почти необходимое условие к счастью, то мудрено ли подумать, что сравнение с былым, минувшим вредит его выбору, допуская даже в этом множества качеств, но плохо развернутых в состоянии только зародыша» [25].

По мнению исследователей, В. П. Ивашев достаточно болезненно воспринял «интеллектуально неравный брак» друга Басаргина, не из-за сословных предрассудков, а из-за вторжения в их мир свободного обмена мыслями – чуждого существа, чуждого своей неспособностью к такого рода общению: «Видались с Анненковыми и Басаргинами. Последний все тот же, – на взгляд суровый и в разговорах – любезный философ: молодая жена не разгладила чела и не отняла любезности. Глядя иногда на его женочку, между нами, в нашем кругу, слишком для нее сурьезном, мне жаль, что нет никого по летам. Она кажется чуждой, и признаюсь, ей должно быть скушно, хотя Камилла и матушка и Анненкова, прерывая часто разговор между собою, обращаются по очереди к ней. Но наш добрый друг, как заметно, старается у себя под тишком дать несколько образованности головушке, не слышавшей в прежнем кругу ничего, кроме толков соседок, везде одинаковых. По счастью она не переняла у них любви к сплетням; она скромна, не болтлива, но мало еще привычек общежития» [26].

В октябре этого же года приехал в Туринск Иван Иванович Пущин. Камилла пишет Лизе и Амели от 26 октября: «Длинные вечера наши протекают очень приятно, наше общество недавно увеличилось и украсилось прибытием одного из лучших наших петровских друзей; вот уже 2 недели, как к нам приехал Пущин; мы непрерывно беседуем о всех наших, и вы можете представить, как рады мы, что он среди нас и надолго» [27].

Если раньше жизнь Ивашевых в Туринске протекала сносно, то теперь с приездом Марии Петровны, Анненковых и Пущина, они не могут не нахвалиться. Василий Петрович шутя говорит, что сам Туринск изменился – и лето теплое, и осенние вечера не так длинны. Даже здоровье семьи стало лучше, а сам он, по мнению Камиллы, проявляет такую деятельность, которая не входила раньше в его обычаи. «Вот уже

и матушка живет у нас в Туринске 9 месяцев. Чем более живу с нею под одной кровлей, тем более вижу, сколько присутствие ее доставляет нам радости, утешения, пользы. Всякий день благословляю ее прибытие к нам. С ней Туринск изменился: как будто нарочно и лето было теплым, а что весьма естественно и чему вы на слово поверите, это то, что осенние вечера для нас стали короче. Как будто нарочно с ее приездом согласовался и приезд Анненковых. Теперь – спустя несколько месяцев после них – прибыл в наш оживший круг еще старый знакомец (Пуцин), человек добрый, прямодушный, приятный во всех отношениях: присутствием их и нашего Басаргина, еще разнообразятся наши вечера и беседы» [28].

Иван Иванович Пуцин в своих первых письмах из Туринска также радуется обществу, в котором ему теперь предстоит жить. Судя по всему, окружение его радует на много больше чем место проживания. Туринск, 27 октября 1839 г. «Сюда я приехал десять дней тому назад; все это время прошло в скучных заботах о квартире и т. п. От хлопот этих отдыхаю в кругу здешних моих товарищей: их трое – Ивашев, Анненков и Басаргин; двое первых давно женаты, а третий незадолго до моего приезда здесь женился. Я очень рад, что, расставшись недавно с большой моей сибирской семьей, нашел в уединении своем кого-нибудь из наших. В них для меня заключается все общество: можно размениваться мыслью и чувством. Верите ли, что расставания с друзьями, более или менее близкими, до сих пор наполняют мое сердце и как-то делают не способным настоящим образом заняться.

Новый городок мой не представляет ничего особенно занимательного: я думал найти более удобств жизни, нежели на самом деле оказалось. До сих пор еще не основался на зиму – хожу, смотрю, и везде не то, чего бы хотелось без больших прихотей: от них я давно отвык, и, верно, не теперь начинать к ним привыкать. Природа здесь чрезвычайно однообразна, все плоские места, которые наводят тоску после разнообразных картин Восточной Сибири, где реки и горы величественны в полном смысле слова. Эта разница поражает, когда постепенно от востока к западу приближаешься. Мое путешествие было осеннее, но я испытал и тут всю силу впечатления. Земля у нас уже покрыта снегом...» [29].

С наступлением холодного времени года прогулки с самоваром за город у декабристов сменяются другими забавами, которым больше всего радуются дети Василия и Камиллы Ивашевых: «...у нас уже установилась зима, и наладился санный путь теперь уже до марта. Часто бывает резкий холод, но мы редко пропускаем прогулки на санях.

Мари ежедневно катается на санках и никогда не соглашается, что холодно. Правда, я сшила ей хорошую шубку с капюшоном в которой ей тепло. Ее маленькие щечки так свежи и румяны от холода, и всякий раз, когда она возвращается домой, радость от этих прогулок заставляет ее говорить, что зима сегодня очень теплая» [30].

Счастье длилось не долго. В конце декабря 1839 года Камилла Петровна простудилась после короткой прогулки пешком и серьезно заболела. Будучи на восьмом месяце беременности из-за болезни разрешилась преждевременно дочерью, прожившей лишь сутки, а 30 декабря 1839 года жена изгнанника Ивашева скончалась от последовавшей родовой горячки.

Прислуга Ивашевых Марфа Ямщикова в письме к своим родным повествует, что все оплакивают покойную праведницу и далее: «Все здоровы, деточки веселы, но кроме них все в доме уныло ... мы не видим, что бы отец их с бабушкой проливали много слез, они скрывают друг от друга все, что есть тяжелого на сердце» [31].

После тяжелой утраты любимой супруги, в последний год своей жизни, Василий Петрович, так рассказывает сестрам о своем житие-бытие: «К утреннему завтраку все собираются. Матушка уже успела побывать в огороде и в саду. Маня громко читает свою молитву, начинающуюся, как и раньше, словами «помилуй, господи, папеньку, маменьку» и т. д. затем она с отцом поднимается вверх брать свои уроки чтения; по-французски она читает с бабушкой. Кроме того, Василий Петрович занимается с завещанной ему Камиллой ученицей – Олей Анненковой. Остальное время до полудня Ивашев читает, считает или пишет. Он выходит редко, матушка еще реже, но она в постоянном движении в доме и в саду, много трудится в цветнике и огороде. Ивашев иногда помогает «так, сегодня он засадил целый парник дынями» [32].

По вечерам они садятся играть в преферанс с Басаргиным или Пуциным. Когда же они одни, то Ивашев читает. Маленькая Маня подрастает и доставляет окружающим много радости. Ивашев грустит, что Манечке уже не от кого перенимать грациозные манеры, но некоторыми движениями она напоминает мать.

Про Басаргиных он пишет Лизе, что с женой они составляют «счастливую чету»; домашний быт их протекает в полном порядке, видно, что хозяйство с небольшими средствами ведет мудрая голова, в доме царит порядок и безмятежный покой [33].

В 1840 году Прасковью Егоровну в Туринске постигло известие, которое ее и ближний круг общения оскорбит до глубины души. Вы-

ходит, в свет первое художественное произведение, посвящённое Анненковым, – роман А.Дюма «Учитель фехтования» (точнее, «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» - фр. *Mémoires d'un maître d'armes, ou dix huit mois à Saint-Petersbourg*). Роман был сразу же запрещён цензурой в России. Тем не менее, читали его многие.

Иван Пущин в переписке с Натальей Дмитриевной Фонвизиной повествует: «Кар[олина] Кар[ловна] повезла Вадковскому *Записки Гризье*, бывшего maître d'armes, [Учитель фехтования (франц.)] о России. Мы, помните, в «Пчеле» читали отрывок об Урале. Не воображали, что Лаура – наша знакомая m-me Annenkoff. Матвей Муравьев читал эту книгу и говорит, что негодяй Гризье, которого я немного знал, представил эту уважительную женщину не совсем в настоящем виде; я ей не говорил ничего об этом, но с прошедшей почтой пишет Амалия Петровна Ледантю из Дрездена и спрашивает мать, читала ли Анненкова книгу, о которой вы теперь от меня слышали, — она говорит, что ей хотелось бы, чтоб доказали, что г-н Гризье (которого вздор издал Alexandre Dumas) пишет пустяки. Увидевши, что книга с бреднями имеет ход в Европе, я должен был сказать Анненковой, что ожидаю это знаменитое сочинение. Недели через две я должен получить ее, если Вадковской исполнит мою просьбу. Тогда и вы прочтете, а Анненкова напишет к Александру Дюма и потребует, чтоб он ее письмо сделал так же гласным, как и тот вздор, к которому он решился приложить свое перо» [34].

Герой-рассказчик романа – Огюстен-Франсуа Гризье – действительно давал уроки фехтования в Петербурге в 1820-х годах и передал свои записки об этом времени писателю (который изрядно разбавил их сведениями из других источников). Полина Гебель была знакома с Гризье и с благодарностью вспоминает в своих воспоминаниях.

Дело в том, что при выходе роман возмутил Прасковью Егоровну, и она начала переписку с Дюма из Туринска об опровержении искаженных биографических данных его литературного произведения. Её внучка Е. К. Гагарина говорила, что она до конца своей жизни не могла простить Дюма его романа и всякий раз волновалась, когда речь заходила о нём. Её отношение к роману разделяли и другие декабристы [35]. Вот что писал И. И. Пущин: «Матвей Муравьев [М. И. Муравьев-Апостол] читал эту книгу и говорит, что негодяй Гризье, которого я немного знал, представил эту уважительную женщину не совсем в настоящем виде», я жду от Вадковского книгу об Анненковой. Марья

Петровна получила письмо из-за границы от своей дочери Амалии, которая уже спрашивает некоторые объяснения по этому случаю. Прасковья Егоровна непременно хочет, увидевши, в чем дело, написать к своей матери в Париж с тем, чтобы ее ответ на клевету, лично до нее относящуюся, напечатали в журнале. Я понимаю, что это непременно должно сделать. За что ее, бедную, лишают единственного ее богатства и чернят тогда, когда она совершенно чиста. Если от Вадковского не будет книги, мы ее достанем из Франции. Нельзя ничего сказать, не прочитавши. Я все секретничаю – не хочется прежде времени ее тревожить. Скоро должен быть ответ Вадковского.

Вы знаете, что я не большой поклонник г-жи Анненковой, но не могу не отдать ей справедливости: она с неимоверною любовью смотрит на своего мужа, которого женой я никак бы не хотел быть. Часто имею случай видеть, как она даже недостатки его старается выставить добродетелью. Редко ей удастся убедить других в этом случае, но такого намерения нельзя не уважать. Ко всем нашим она питает такое чувство, которое не все заслуживают. Спасибо ей и за то. Не знаю, к чему пришлось все это вам говорить» [36].

Роман действительно напичкан неточностями. Анненкова зовётся в нём Луизой Дююи, её любимый – графом Алексеем Анненковым (кстати, графский титул Дюма присваивает ему и в «Путевых впечатлениях»), выведены его нежная мать и ангелоподобные сёстры (их вообще никогда не было). Гризье в романе провожает героиню до Сибири, встречается там с Анненковым, живущим в весьма комфортных условиях.

В своих воспоминаниях, написанных уже после путешествия Дюма по России, Полина несколько раз язвительно вспоминает роман. Начиная повествование, она скажет, что хочет «прекратить толки людей, не знавших правды, которую по отношению ко мне и моей жизни часто искажали, как, например, это сделал Александр Дюма в своей книге: «*Mémoires d'un maître d'armes*», в которой он говорит обо мне и в которой не меньше вымысла, чем истины». Затем язвительно напишет: «Вопреки уверениям Александра Дюма, который в своём романе говорит, что целая стая волков сопровождала меня всю дорогу, я видала во всё время моего пути в Сибирь только одного волка, и тот удалился, поджавши хвост, когда ямщики начали кричать и хлопать кнутами» (в романе действительно присутствует полный «джентльменский набор» штампов о России: и волки, и медвежья охота, и русская баня...) [37].

Но вернемся в скорбный Туринск, навечно утративший «чистого ангела Камиллу». Нет здесь больше того беззаботного счастья, и всё всей колонии ссыльных изгнанников напоминает о «белокурое ирисе», как некогда называли родные тогда еще невесту Ивашева.

Совсем недавно мы обнаружили в последних письмах В. П. Ивашева к сестре Елизавете Языковой прелюбопытный факт. Судя по всему, ее гувернантка и родная старшая сестра покойной Камиллы, Амалия с которой были особенно близкие отношения покойной, приняла решение отправиться в добровольное изгнание в Сибирь, на вечное поселение рядом с матерью, почтенной м-м Ле-Дантью и овдовевшим Василием Петровичем. Далее цитата: «Не знаю, как соглашать, но от души благодарю тебя и Амалию за добро, которое письма ваши делают мне и Матушке.

Последнее письмо нашей доброй Амалии наполнило души обоих умилением. Читая его, мне казалось, что уже вижу вторую мать детям незабвенной сестры; наша нежная матушка плакала от воспоминаний и надежд. Если сбудется желаемое нами и возможно будет нашей Амалии, другу, исполненному самоотвержения, исполнить благия предположения, то вместе, рука об руку, будем подпорой преклонным годам матушки и развитию ее внучат. Им обречем наши день и заботы. Я буду силиться подражать сестре в искусстве радовать и щастливать оба возраста. Наперед уступаю ей первенство. В той науке, где сердце должно предугадывать и руководствовать, не успеть за вами нам, мущинам. Даже – менее, чем кто другой, и менее, чем прежде, надеюсь на себя. Не то, чтоб я ослаб, не то, чтоб очень постарел, но рассеянное стал прежнего, и так вя, безпамятен, так легко задумываюсь, так тяжело мне навести мысли к делу, что стыжу и понукаю себя по десяти раз на день. Худо рекомендую себя милой Амалии; но награду своим действиям она найдет в признательных очах матери и в ласках моих сироток, которые, наверно, привяжутся к ней всем сердцем» 29-е Августа 1840 [38].

Это событие вселяло надежду и радость в опустошенное сердце декабриста Ивашева.

«Когда, Амалия, твое и их сокровище, станет нашим сокровищем, когда она отдаст себя дочерям Камиллы и посвятит себя спокойствию и радостям матери, тогда, продолжая ее попечения и направляя сердца и действия дочерей твоих в самые важные для них годы, ты будешь принадлежать нам только урывками: ты будешь вся их.» 1-е Ноября 1840 [39].

Амалия Ле-Дантью не успела прибыть к родным в Туринск. Не справившись со скорбью воспоминаний о кончине горячо любимой супруги, накануне, за два дня до первой годовщины смерти Камиллы, от сердечного приступа уходит из жизни и Василий Петрович, бедные сироты остаются на попечении престарелой и одинокой бабушки, Марии Петровны Ле-Дантью.

Чтобы разделить горе и хлопоты матушки, вся колония изгнанников селится под крышей осиротевшего дома Василия Ивашева. Иван Пущин так описывает быт того периода: «Я в той же комнате; вместо Марьи Петровны и детей – семья Басаргина. Мы живем ладно, но и эта женитьба убеждает меня, что в Сибири лучше не венчаться. Прасковья Егоровна познакомит вас со всеми дамами, составляющими семью Басаргина. Я скажу только, что это люди добрые, которых можно видеть иногда; часто же с ними быть тоска. Все-таки я благодарен, что они занимаются нашей артелью, хотя разговор наш за столом иногда оригинальный» [40]. *Вероятно, вместе с Пуциным поселится его турунская подруга, но это только предположение, посменные источники и свидетельства об этом отсутствуют.*

Через полгода, летом 1940 года, Матушка Камиллы увезет малолетних внуков к родственникам в Россию. Сожалели о них все в городке, ибо они оба были сострадательны и делали много добра. После этого печального происшествия остальным изгнанникам и их семьям невыносимо было оставаться в опустевшем Туринске.

Пущин, Басаргин и Анненков недолго еще жили в маленьком сибирском городке и были переведены по их просьбам: Анненков – в Тобольск, Пущин – в Ялуторовск, а Басаргин – в Курган. Но, прежде чем Иван Иванович Пущин навсегда покинет Туринск, здесь случится еще одно знаковое событие. Ссылный друг поэта Пушкина станет отцом девочки от местной жительницы. Аннушка родилась в Туринске (Свердловской области, в ту пору Тобольской губернии) 8 сентября 1842 года в доме ссыльного декабриста В. П. Ивашева, куда Пущин с домочадцами поселился во исполнение давней просьбы хозяина. Новорожденная с матерью расположились на первом этаже. Удобно, просторно, чудный вид из окон на хвойный парк, главную улицу, берег Туры. Туринский поселенец декабрист Е. П. Оболенский вызвался быть крестным отцом малютки [41]. Покидая Туринск, Иван Иванович заберет свою единственную малютку-дочь с собой в Ялуторовск и до конца дней будет участвовать в ее судьбе.

Список литературы

1. РГБ, ф. 112, кн. 5779, ед. 4а, л. 6, Письмо 7 января 1839.
2. Письмо Марии Юшневской *Петровский завод, 4 июля 1836 г.*
<http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/pisma-m-k-yushnevskoj-k-k-p-ivashevoj-1836-g/>
3. Письмо Марии Юшневской *Петровский завод, 31 июля 1836 г.*
<http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/pisma-m-k-yushnevskoj-k-k-p-ivashevoj-1836-g/>
4. Письмо В. П. Ивашева к М. П. Ле-Дантю 06. марта 1838 год. Туринск. Копия. Фонды Туринского дома –музея декабристов
5. ГАРФ, ф.1740, оп.1, д.Ю, Л.211.
6. «Как в капле дождя» Е. С. Федорова. Москва. Лабиринт. 2011 г. с. 78
7. РГБ, ф. 112, кн. 5779, ед. 7, л. 7, 7 декабря 1839
8. Из письма Марии Петровны Ле-Дантю 1831 г. (Буланова О. К. Роман декабриста. М., 1933. С. 116)
9. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина Е. А. Энгельгардту *Туринск, от 29 мая 1841 г.* <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st073.shtml>
10. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина М. А. Фонвизину. 14 июня 1840 г., Туринск
11. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гебль,_Полина
12. «Роман декабриста» О. К. Буланова. Стр. 334. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
13. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 336. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
14. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 336 Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
15. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 334 Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
16. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 330 Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
17. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 8, 20 июня 1840 г.
18. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 31, 05 июня 1840 г.
19. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 11, 04 июня 1840 г.
20. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 8-9, 20 июня 1840 г.
21. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 11, 04 июня 1840 г.
22. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 36, 01 июня 1839 г.
23. Письмо В. П. Ивашева к М. П. Ле-Дантю 25 ноября 1838 год. Туринск. Копия. Фонды Туринского дома-музея декабристов.

24. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4а, л. 59, 05 июня 1839 г.
25. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 344. Издательство все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
26. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 50, 29 сентября 1839 г.
27. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 346. Издательство все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
28. РГБ, ф.112, кн.5779, ед. 4б, л. 58, 8 ноября 1839 г.
29. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина Е. П. Оболенскому. № 2. Туринск, 18-27 октября 1839 г. <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st032.shtml>
30. Письмо К. П. Ивашевой к Л. П. Языковой и сестре Амали. 18 ноября 1839 год. Туринск. Копия. Фонды Туринского дома –музея декабристов
31. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 356. Издательство все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
32. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 357. Издательство все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
33. «Роман декабриста» О. К. Буланова. С. 358. Издательство все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1933 г.
34. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина Н. Д. Фон-визиной. 23 апреля <1841 г., Туринск> <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st069.shtml>
35. Воспоминания Полины Анненковой. <https://litlife.club/books/243758/read?page=7>
36. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина Д. Якушкину. 2 мая 1841 г., Туринск. <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st070.shtml>
37. П.Е. АННЕНКОВА. ЗАПИСКИ ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТА. <https://proza.ru/2015/11/30/985>
38. ОР РГБ, Ф. 112 Оп. 5779 Д. 4б, Л. 14-15.
39. ОР РГБ, Ф. 112 Оп. 5779 Д. 4б, Л.19-20)
40. Записки о Пушкине. Письма. Письмо И. И. Пущина Н. Д. Фон-визиной. [Туринск], 5 июля 1841 г.
41. «Удивительно милое и резвое создание» ПРИКОСНОВЕНИЕ К СУДЬБЕ. Юрий КЛЮШНИКОВ. Туринск, Свердловская область. 2001 г. <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200106417>

РЕЛИКВИИ ДВОРЯНСКОГО РОДА ДЕКАБРИСТОВ ПУЩИНЫХ В СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

*Макодзеба Алла Петровна,
Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве,
заведующий отделом экспозиционно-выставочной работы,
заслуженный работник культуры Российской Федерации
г. Ставрополь*

В 1968 году в газете «Кавказская здравница», в заметке: «Потомки декабриста» сообщалось, что в городе Ставрополе живут представители древнего русского рода Пушиных – сестры Александра Александровна и Мария Александровна Пушины [3]. Их знаменитые предки оставили яркий след в отечественной истории: Иван Иванович Пушин и его младший брат Михаил Иванович Пушин принимали активное участие в декабрьском восстании 1825 года.

Иван Иванович Пушин (1798-1859) получил прекрасное образование в Царскосельском лицее, где его товарищем по учебе стал великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, посвятивший Ивану Пушину свои знаменитые стихи «Мой первый друг, мой друг бесценный!» [5, с. 329]. После событий, произошедших в конце 1825 года на Сенатской площади, в Санкт-Петербурге, коллежский асессор И. И. Пушин был арестован, обвинен Верховным судом в «участии на царевубийство», лишен чинов и дворянства, осужден на каторжные работы и сослан на поселение в Сибирь [2]. Лишь после восхождения на престол Александра II и принятия манифеста 1856 года Пушину было разрешено выехать из Сибири и вновь называть себя дворянином [10].

Командир полка Михаил Иванович Пушин (1800-1869), обвиненный по делу восстания декабристов, также был лишен дворянства, разжалован в солдаты и сослан в Сибирь. В 1827 году его перевели на Кавказ, где он героически участвовал в составе русской армии в военных действиях против Турции и Персии, был ранен и награжден орденами. Ему вернули офицерское звание и дворянский титул. В 1865 году, в конце своей жизни, генерал-майор М. И. Пушин был назначен комендантом Бобруйской крепости [5, с. 335].

В целом, старинный дворянский род Пушиных известен в истории Отечества благодаря активной деятельности многих его предста-

вителей в общественной, военной и политической сферах российского государства. Первые Пустины жили в Рязани, около 1500 года часть из них получила свои поместья на новгородской земле. В разных поколениях многочисленной семьи Пустиных были воеводы, сенаторы, адмиралы и генералы. К 1917 году сведения о роде Пустиных были внесены в родословные книги двенадцати губерний Российской империи, среди которых Московская, Санкт-Петербургская, Псковская, Курская и другие [4].

По невыясненным причинам, (возможно, в связи с репрессивной политикой советского государства), в 1930-е годы из центральной России в город Ставрополь вынуждена была перебраться Ирина Александровна Пустина (1875-1963) – вдова бывшего помещика Холмского уезда Псковской губернии Александра Николаевича Пустина (1841-1923). В административный центр Орджоникидзевского края она приехала с двумя взрослыми детьми – Прасковьей Александровной (в замужестве Афанасенко, 1897 года рождения) и Марией Александровной (1907 года рождения). Их пребывание с 1937 года в городе Ворошиловске (так назывался тогда Ставрополь) подтверждается в частной переписке И. А. Пустиной с сыном Александром Александровичем (1902 года рождения), работавшим в Ленинграде инженером и умершим там во время блокады, в 1942 году [9]. Ирина Александровна с дочерьми в годы войны находилась в Ставрополе, здесь они пережили период гитлеровской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.) и остались в краевом центре до конца своих дней.

В город Ставрополь Пустины привезли с собой несколько ценных предметов, сохраненных ими, несмотря на все тяготы и сложные жизненные обстоятельства. В числе семейных реликвий была икона «Спас Нерукотворный», созданная в конце XVII века (на деревянной доске, в серебряном окладе). Она передавалась в семье Пустиных из поколения в поколение, от отца к старшему сыну. Уникальной являлась и серебряная табакерка с изображением на ней батальной сцены из Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и болгарской крепости Варна. Табакерка была изготовлена в 1829 году в Москве по заказу поручика Николая Алексеевича Пустина, участника той войны на Балканах. Среди привезенных предметов были художественные вышивки, выполненные представительницами дворянского рода Пустиных в XIX веке, предметы посуды. В советское время в Ставрополе женщины продолжали хранить у себя подтверждение их дворянского происхождения – рисунок с изображением ветвистого «генеалогического древа», с указанием имен всех мужчин древнего рода Пустиных и дат их жизни с XVII в. до XIX в., а также фотографии, наградные и похвальные грамоты некоторых представителей их знаменитой фамилии.

Судьба этих предметов по воле их владельцев сложилась по-разному. Прасковья Александровна и Мария Александровна понимали, что все, что относится к Пуцциным, принадлежит истории, выходит за семейные рамки. «Родословное древо» и фотоальбом в 1967 году были безвозмездно переданы сестрами Пуцциными на хранение в Ставропольский краевой государственный архив [1]. После газетной заметки 1968 года и публикации в журнале «Вопросы истории» к ставропольским Пуцциным проявили повышенный интерес пушкиноведы, коллекционеры, а также исследователи, занимавшиеся изучением жизни и деятельности декабристов, среди них была и знаменитый академик М. В. Нечкина, сообщившая о заметке: «Потомки декабриста» в Государственный музей А. С. Пушкина. Сотрудники этого музея прислали письмо П. А. и М. А. Пуцциным с просьбой предоставить что-либо из семейных ценностей на экспонирование. Из Ставрополя в московский музей сестрами была отправлена чайная чашка XIX века, принадлежавшая семье Пуцциных, о чем свидетельствует благодарственное письмо, присланное в их адрес в октябре 1968 года из Государственного музея А. С. Пушкина, подписанное первым легендарным директором этого музея А. З. Крейном [9, л.7].

В 1972 году, спустя некоторое время после смерти своей матери, Мария и Прасковья Пуццины приняли решение передать сохраненные ими реликвии в дар Ставропольскому краеведческому музею. Тогда в одном из залов истории был создан экспозиционный комплекс, рассказывающий о декабристе И. И. Пуццине, который украсили две полихромные вышивки ручной работы (размером 58х50 см и 68х60 см), помещенные в застекленные рамки (о.ф. 16829/1,2). Сюжеты вышивок носят светский характер и отражают модные предпочтения русского дворянства середины XIX века. На одной из вышивок запечатлена сцена из жизни европейских аристократов: в богатом интерьере изображен кавалер, держащий в руке книгу и, очевидно, читающий стихи двум молодым дамам, одна из которых сидит с ним на диване, а другая стоит в задумчивости рядом. На другой работе мы видим изображенных на фоне морского пейзажа с пальмами двух влюбленных, сидящих на мягких подушках дивана – мужчину со струнным музыкальным инструментом в руках и рядом с ним женщину, одетых в яркую восточную одежду. Эти изящные работы выполнены в технике «полукрест» хлопчатобумажными и шерстяными нитями и бисером на хлопчатобумажной ткани, по канве. Вышивки были созданы, по словам М. А. и П. А. Пуцциных, в 1840-х годах сестрой их отца – Варварой Николаевной Пуцциной (родилась в 1825 году), под руководством ее матери – Прасковьи Ивановны Пуцциной (в девичестве – Ганская, умерла в

1867 году). Руками Варвары Николаевны была оформлена и рамка для портрета, украшенная по всему периметру тисненой золоченой бумагой и растительным орнаментом, вышитым мелким прозрачным и синим бисером. В советское время в ставропольской квартире Пушиных в эту настольную рамку была вставлена черно-белая фотокопия акварельного портрета декабриста Ивана Пущина, нарисованного в 1837 году Н. А. Бестужевым.

Летом 1977 года в Ставропольском краеведческом музее на учет основного фонда были поставлены самые ценные реликвии семьи Пушиных: икона XVII века «Спас Нерукотворный» и серебряная табакерка времен Русско-турецкой войны 1828-1929 годов. О том, как дорога для Пушиных была икона, Мария Александровна рассказывала корреспонденту газеты «Ставропольская правда», вспоминая военный период своей жизни в Ставрополе: «Мы с матерью, чтобы не умереть с голоду, начали менять вещи на продукты. У нас была семейная икона – Спас Нерукотворный. В дорогом окладе кованого серебра. Ни мы с матерью, ни отец религиозными не были. «Что вы ее бережете? Отдайте ее за продукты. Жизнь дороже», – говорили нам знакомые. Но мы не могли ее отдать. Мать, сама больная и голодная, говорила мне: «Маша, икону эту никому не отдавай из корысти. Сохрани ее в целости в ризе серебряной, это память семейная. И если отдавать, когда будешь, то передай родственникам или в музей». И мы ее сохранили, хотя и доходило тогда до того, что хоть ложись и умирай» [6]. Но поступившие из семьи Пушиных в фонды Ставропольского краеведческого музея эти два предмета особой значимости – икону и табакерку – все же было решено передать на постоянное хранение в Государственный исторический музей (г. Москва), что и было сделано на основании разрешения Министерства культуры РСФСР (№ 25571-01-24 от 24.11.1977).

В фотодокументальном фонде Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся коллекции фотографий (1896-1964) и документов (1935-1977) из архива семьи Пушиных. В числе подлинных фотографий – портрет главы данной семьи А. Н. Пущина 1896 года, общая семейная фотография, сделанная в 1917 году в городе Холм, фотоснимки советского периода из жизни инженера А. А. Пущина [7]. Документы представлены в основном письмами Александра Александровича Пущина матери и сестрам в г. Ворошиловск и его служебными документами [8]. В переписке сестер Пушиных сохранилось подлинное письмо, присланное им в Ставрополь в 1968 г. от дагестанской писательницы Мариам Ибрагимовой с биографическими сведениями о ее принадлежности к роду Пушиных [9, л. 5].

В Ставрополе Пузины долгое время жили в доме № 14, на улице Калинина, в небольшой сырой, темной, полуподвальной комнате. Сложные жизненные условия привели женщин к тяжелым заболеваниям легких и сердца: Мария и Прасковья были больны туберкулезом. Мария Александровна Пузина работала экономистом в краевом центре и вела активную общественную работу. Большую роль в судьбе пожилых женщин сыграл ставропольский краевед В. Г. Остапенко, работавший сначала в крайгосархиве, а затем – в музее. После его многократных настойчивых письменных обращений к властям города сестрам М. А. и П. А. Пузиным в 1969 году была выделена однокомнатная благоустроенная квартира в новом доме, по улице Ленина (д. 114, кв. 14). В течение последующих лет Владимир Григорьевич поддерживал дружеские связи с Марией Александровной и Прасковьей Александровной Пузиными, продолжая оказывать им помощь, добивался установки им квартирного телефона [9, л. 12]. Неудивительно, что именно через В. Г. Остапенко передавался в дар Ставропольскому государственному краеведческому музею комплекс вещевых и фотодокументальных материалов семьи Пузиных, потомки которых, не имевшие наследников, доживали свой век в Ставрополе в XX столетие.

В настоящее время в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся три предмета в коллекции «Декоративно-прикладное искусство» (две сюжетные вышивки, рамка для портрета), а также оригиналы и копии фотографий и документов, отражающие историю одной из ветвей большого дворянского рода Пузиных.

Список литературы

1. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 205.
2. «Декабристы». Биографический справочник. М., 1988. С. 306.
3. *Парфененко В.* Потомки декабриста // Кавказская здравница. 1968. № 57. 22 марта.
4. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. 1887. Т. II. С. 305.
5. Русский биографический словарь. СПб. 1910. Т. 2.
6. *Свеженец И.* Предрешено судьбою – помнить...// Ставропольская правда. 1977. № 101. 30 апреля.
7. СГМЗ. Ф.10. Д. 66.
8. СГМЗ. Ф.10. Д. 67.
9. СГМЗ. Ф.10. Д. 68.
10. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб. 1898. Т. XXV. С. 853.

К БИОГРАФИИ ДЕКАБРИСТА П. Н. СВИСТУНОВА

*Крапошин Петр Валентинович,
старший научный сотрудник
экспозиционно-выставочного отдела
Государственного Историко-Литературного музея-заповедника
А. С. Пушкина «Большие Вязёмы»
г. Москва*

В экспозиции Государственного Историко-Литературного музея-заповедника А. С. Пушкина «Минувшее проходит предо мною», находящейся в главном господском доме, хранится письменный стол, принадлежавший поручику Лейб-гвардии Конного полка Алексею Николаевичу Свистунову, являющемуся братом декабриста Петра Николаевича Свистунова. Столик находится в разделе экспозиции, посвящённой истории масонства и созданной в бывшей туалетной комнате. На столике сделана надпись: «Лейб гвардия конного полка поручикъ Алексѣй Николаевичъ Свистуновъ жил у Яра и писал на этомъ столѣ находясь в Москвѣ».

Алексей Николаевич Свистунов – брат декабриста Петра Николаевича Свистунова, с марта 1828 корнет Лейб-гвардии Конного полка, с янв. 1835 штаб-ротмистр в отставке, впоследствии камергер, член совета Министерства иностранных дел. 1 марта 1831 Свистунов участвовал с Пушкиным в санном катании, устроенном С. И. и Н. С. Пашковыми. В письме к Елизавете Михайловне Хитрово от середины июня 1831 Пушкин упоминает о встрече со Свистуновым. Он был знаком также с женой Свистуновой Надеждой Львовной.

Пётр Николаевич Свистунов со своим братом происходят из старинной богатой дворянской семьи. За семьей числилось до 5 тысяч душ в разных губерниях и каменный дом в Санкт-Петербурге. Пётр Свистунов воспитывался в иезуитском пансионе и пансионе барона Шабо, затем в Пажеском корпусе, выпущен из камер-пажей корнетом в лейб-гвардейский Кавалергардский полк 20 апреля 1823 года. Он являлся членом петербургской ячейки Южного общества (1823), участвовал в деятельности Северного общества. Приказ об его аресте отдан 19 декабря 1825 года, арестован в Москве в ночь на 21 декабря 1825 года, после чего 23 декабря 1825 года доставлен в Петропавловскую крепость («посадить в Алексеевский рavelин, дав бумагу и содержа

строго, но снабжая всем, что пожелает, то есть чаем») в № 1 офицерского дома. В июне 1826 года пытался покончить жизнь самоубийством. Об этой попытке знал Лев Толстой, который дружил с Петром Свистуновым и общался с ним, когда намеревался написать роман о декабристах. «Я был в Петропавловской крепости и там мне рассказывали, что один из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были Вы. Подобное же чувство я испытал там же, когда мне принесли кандалы ручные и ножные 25-ого года».

Пётр Свистунов был осужден по II разряду и по конфирмации 10 июля 1826 года приговорен в каторжную работу на 20 лет, но 22 августа 1826 года срок сокращен до 15 лет. Следственная комиссия квалифицировала его действия «как участие в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием и в умысле бунта принятием в общество товарищей».

18 января 1827 года Пётр Свистунов был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь и 3 марта 1827 года был доставлен в Читинский острог. В сентябре 1830 года он прибыл в Петровский завод. 8 ноября 1832 года срок наказания был сокращен до 10 лет. По указу 14 декабря 1835 года Пётр Свистунов был обращен на поселение в с. Идинское (Каменку) Иркутской губернии. По ходатайству мужа сестры, генерал-майора графа Бальмена, 17 августа 1837 года было решено перевести его в Курган (Курганский округ Тобольской губернии, 4 декабря 1837 года он был отправлен туда. В Курган он прибыл 21 января 1838 года, купил дом за 3320 рублей, принадлежавший декабристу М. А. Назимову.

В Кургане Свистунов много внимания уделял ботаническим экскурсиям, составлял гербарий. Читал книги, которые получал от родных, занимался музыкой, прекрасно играл на виолончели, пел, сам сочинял. Кроме того, он там изучал иностранные языки. Он проявлял внимание и любовь к школьному делу, дарил Курганскому уездному училищу книги, журналы, атласы. 30 сентября 1841 года, по просьбе брата А. Н. Свистунова, ему было разрешено вступить на службу в одно из присутственных мест Тобольска, и 23 ноября 1841 года он был определен канцелярским служителем в тобольское общее губернское управление, а помимо этого, был письмоводителем тобольского губернского административно-статистического комитета с 27 октября

1844 года по 21 января 1847 года. В 1842 году Пётр Николаевич приезжал на несколько дней в Курган, чтобы обвенчаться с 16-летней девицей Татьяной Александровной Неугодниковой, приёмной дочерью бывшего курганского земского исправника, надворного советника А. И. Дуранова. 11 октября 1847 года Пётр Свистунов был прикомандирован для письмоводства в Комитет для рассмотрения проекта законов для бродячих и кочевых инородцев Тобольской губернии. 17 марта 1849 года за отличие, по высочайшему повелению, он был произведен в коллежские регистраторы, а затем по выслуге лет – в губернские секретари (чин 13-го класса по Табели о рангах).

У П. Н. Свистунова, как любителя и хорошего музыканта, были назначены по понедельникам музыкальные вечера, на которых устраивались квартеты; некоторые молодые люди играли на скрипках, молодые же барышни – на фортепиано, и все заезжие артисты находили у него всегда радушный прием и сочувствие к их таланту. Он принимал в них самое деятельное участие, хлопотал и помогал им в устройстве концертов, раздаче билетов и, будучи весьма уважаем и любим в Тобольске, был очень полезен для бедных артистов, которые в далекой стране не знали, как и благодарить его за помощь.

П. Н. Свистунов был отлично образованный и замечательно умный человек; у него в характере было много веселого и, что называется по-французски *caustique* (едкости, остроты), что делало его необыкновенно приятным в обществе. Несмотря на то, что живостью и игривостью ума он много походил на француза, ум у него был очень серьезный; непоколебимая честность, постоянство в дружбе привлекали к нему много друзей, а всегдашнее расположение к людям при утонченном воспитании и учтивости большого света располагало к нему всех, кто только имел с ним какое-либо общение.

По назначении губернатором Тихона Федотовича Прокофьева, последний с большим рвением заботился об учреждении женской школы, и после многих трудов ему удалось, наконец, открыть Мариинскую школу в Тобольске. Он пригласил П. Н. Свистунова содействовать ему в устройстве ее и наблюдать за ходом учения и за расходами по заведению. После Прокофьева поступил губернатором Виктор Антонович Арцимович, принявший самое живое участие в этом заведении, которое, благодаря его заботам и при содействии того же П. Н., сделалось образцовым.

В Тобольске Свистуновы прожили тоже лет 15 и со всеми были постоянно в хороших отношениях. Губернаторша Энгельке очень любила Петра Николаевича. Он часто участвовал на ее музыкальных вечерах. Вообще губернаторы и другие чиновники относились ко всем декабристам с большим уважением, всегда первые делали визиты и гордились их расположением к себе. Со Свистуновыми жил один из товарищей, декабрист Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, у него был брат Николай Сергеевич, умственно расстроенный, с которым сначала они жили вместе, но раздражительность последнего, наконец, дошла до такой степени, что не было никакой возможности с ним жить, иногда случалось, что он в припадке бешенства, несмотря на всю любовь свою к брату, при малейшем его противоречии, бросался на него и замахивался тем, что попадалось ему под руку; однажды он пришел в такое раздражение, что бросился на брата, изломал об него чубук от трубки, которую курил в то время. Свистунов, будучи дружен с Павлом Сергеевичем, предложил ему комнату у себя в доме. Николай же Сергеевич остался в отдельной квартире.

По манифесту об амнистии 26 августа 1856 года, объявленному императором Александром II, ему и детям, рожденным после приговора, были дарованы права потомственного дворянства. 10 марта 1857 года Пётр Свистунов прибыл с семьей в Москву, а 16 марта 1857 года выехал в Калугу. 1 апреля 1857 года ему высочайше разрешено выехать за границу на 6 недель для свидания с матерью, с высочайшего разрешения (15 ноября 1857), получил от своего брата, А. Н. Свистунова, часть отцовского наследства – имение в Лихвинском и Козельском уездах Калужской губернии при с. Салтановском с деревнями и в с. Мишневе и д. Алешне (733 души). В 1859 году Пётр Свистунов был избран в члены Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. 27 мая 1860 года ему было разрешено пребывание в столицах, но под надзором. Он состоял членом от правительства в Калужском по крестьянским делам присутствии, являлся вице-президентом губернского статистического комитета, преподавал французскую литературу в калужской женской гимназии (1862). В 1863-1889 жил в Москве, где и умер и был похоронен в Ново-Алексеевском монастыре (в 1929 прах перенесен в Донской монастырь, на Донское кладбище.).

Сам Пётр Николаевич Свистунов вспоминал, что донесение Следственного комитета было просто обвинительным актом, составленным

в пять месяцев, и составлен был с невероятной поспешностью, если учесть, что подозреваемых было не менее 600 человек и их нужно было доставить в Петербург со всей России. Заседание проводилось при закрытых дверях и без возможности возражения. Кроме того, подозреваемые в заговоре не имели возможность обратиться к адвокатам (впрочем, в то время адвокатуры не было, как не было открытости и гласности суда, что появилось только в царствование Александра II.

В Государственном Архиве Российской Федерации сохранилось донесение коменданта Петропавловской крепости генерал-лейтенанта Сукина:

«При Высочайшем Вашего Императорского Величества повелении присылаемый Свистунов для содержания под строгим арестом мною принят и по неимению места в доме Алексеевского равелина посажен в крепость в доме офицерском в отделанный вновь арестантский покой под № 1 в строжайшем соблюдении всех тех правил, как и по Алексеевскому равелину предписаны. О чём Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу.

Комендант генерал-лейтенант Сукин.

23 декабря 1825 года».

А более ранним числом, 19 декабря, было датировано письмо Московскому Генерал-Губернатору князю Дмитрию Владимировичу Голицыну:

«Милостивый государь князь Дмитрий Владимирович.

По донесениям своим, кавалергардский офицер Свистунов, выехавший из Санкт-Петербурга 13 числа сего декабря, отправлен в Москву. Вследствие Высочайшего Повеления Государя Императора, прошу указаний Вашего Сиятельства отыскать Свистунова в Москве, взять под арест со всеми при нём бумагами и немедленно препроводить письмо к Его Императорскому Величеству».

Пётр Свистунов не был 14 декабря на Сенатской площади, но участие в мятеже не было единственным основанием для ареста. Не меньшим основанием являлась принадлежность к какому-либо из тайных обществ. Императору Николаю I генерал Дибич подал арестные списки ещё 12 декабря, т. е. за два дня до мятежа.

В истории заговора декабристов имя Петра Николаевича Свистунова связано с одним из интереснейших моментов движения – с организацией в Петербурге филиала Южного общества. В 1824 году, отчаявшись подчинить своему влиянию умеренную петербургскую управу,

Пестель в недрах Северного общества и в противовес ему создал в Петербурге крепкую республиканскую ячейку, рассчитывая, что организованные им молодые кавалергарды усвоят и его социально-политические взгляды. Наряду с Ф. Ф. Банковским руководящая роль в этой организации принадлежала Свистунову, тогда корнету Кавалергардского полка. Перед отъездом своим из Петербурга Пестель обоим их возвел в высшее звание «бояр», возложив на них руководство петербургской организацией. Выбор его не был случаен. Свистунов, сам засвидетельствовавший, что находился «под обаянием ума и красноречия» Пестеля, «усвоив себе его образ мыслей», проявил на первых порах кипучую энергию. Он распропагандировал Анненкова, привлек в общество кавалергардских корнетов Арцыбашева, Васильчикова и Горожанского, впоследствии ставшего фактическим руководителем петербургской ячейки.

На заре своего существования петербургская ячейка вообще проявила большую деятельность, быстро обрастая молодыми членами и распространяясь по другим городам. И столь же внезапно и быстро деятельность ее в 1825 году пошла на убыль. Новые члены впадают в абсолютную пассивность, а старейшие – совершенно явно манкируют своими обязанностями. Решающая роль и тут как будто остается за Свистуновым, особенно деморализующе действовавшим на товарищей своим ироническим скептицизмом.

14 декабря ни одного из членов ячейки не оказалось в мятежном каре. Часть из них вообще не была в Петербурге, другие явились на Сенатскую площадь в рядах своих полков, высланных на усмирение мятежников. Свистунов был против вооруженного выступления и 13 декабря выехал в служебную командировку в Москву с поручениями (к московским заговорщикам. И организационный план Пестеля, таким образом, провалился. Действенный республиканизм и политический радикализм южных якобинцев оказались в непримиримом противоречии с социальными инстинктами членов этого аристократического кружка), остававшихся совершенно чуждыми и по существу враждебными социальным воззрениям Пестеля. Это и предопределило крушение петербургского филиала.

Незадолго перед восстанием Свистунов не считал заговорщиков практически к нему подготовившимися: «Хотя по летам и по чину я был весьма незначительное лицо, находясь у него (Трубецкого Н. Р.) дня за три до 14 декабря, я в качестве представителя петербургских

членов Южного общества откровенно высказался при нем и при Оболенском против готовившегося восстания в надежде отклонить их от предприятия, предвещающего лишь гибель. Из 11 членов Южного общества нас было тогда шесть налицо, не соглашающихся принять участие в восстании».

Когда Л. Н. Толстой работал над романом о декабристах, он беседовал с П. Н. Свистуновым. Их общение не прекратилось даже после того, как Толстой к теме декабристов охладел.

За год до смерти Свистунов оставил в альбоме Михаила Ивановича Семевского лаконичный автограф: «П. Н. Свистунов – последний из декабристов».

Список литературы

- Восстание декабристов. Т. 8. Л. 1925. С. 173.
ГАРФ ф.48 оп.1 д..25(1)
ГАРФ ф.48 оп.1 д..25(2)
ГАРФ ф.48 оп.1 д..30(2)
Декабрист Пётр Свистунов
ВД XIV 332-354; ГАРФ ф.109, 1 эксп. 1826 г., д.61 ч.6.
Декабристы. 86 портретов. М. 1906. С. 225-226.
Исторический вестник, 1888, май. С. 408.
Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 54. М. 1935. С. 446-447.
Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 62. М. 1953. С. 395.

МУЗЕЙ «ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ» В ЯЛУТОРОВСКЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

*Петелина Ирина Владимировна,
заведующая музейным комплексом
«Тюменское музейно-просветительское объединение»
структурное подразделение
«Ялуторовский музейный комплекс»
г. Ялуторовск*

Ялуторовск многие называют городом декабристов: здесь находились на поселении девять видных деятелей Северного и Южного тайных обществ. Василий Тизенгаузен, Вацлав Враницкий, Андрей Ентальцев, Алексей Черкасов... Сами того не подозревая, своим появлением они изменили жизнь сибирского городка. Декабристы были разбросаны по всей Сибири, но именно Ялуторовский музей «Памяти декабристов» – стал первым в истории нашей страны музеем, посвященным декабристам.

Основатель музея Иван Юрьевич Озолин сам себя охарактеризовал как «агроном-инженер-строитель-машиновед». Всю жизнь он занимался агрономической наукой, а выйдя на пенсию в конце 1920-х гг., близко сошелся с ялуторовскими краеведами и стал членом их кружка, организованного при городской библиотеке. 9 ноября 1927 г. Иван Юрьевич был приглашен на открытие краеведческого музея, который первоначально размещался в здании городской библиотеки. Вскоре Совет краеведческого кружка ходатайствует перед Ялуторовским райисполкомом о передаче дома, принадлежащего ранее М. И. Муравьеву-Апостолу, под музей, но получает отказ, так как не было документальных доказательств, что в доме действительно проживал декабрист. И тогда Иван Юрьевич Озолин, (к тому времени он стал руководителем краеведческого кружка) приобрел часть этого дома (три комнаты) и перевез немногочисленные экспонаты в одну из комнат своего нового жилища: в помещении библиотеки протекала крыша, оставлять музейные предметы там было опасно. Во время ремонта дома, 27 декабря 1935 года, он обнаружил бутылку с письмом, написанным декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом.

В фондах Ялуторовского музейного комплекса сохранились воспоминания А. С. Говорова об И. Ю. Озолине. Вот что он пишет о находке: «...сам Озолин мне рассказывал так: «Я купил дом для себя и своей семьи и стал его ремонтировать, приводить в порядок. Разобрал

печь и под ней увидел бревно. Когда я сдвинул бревно, то под ним обнаружил бутылку, а в бутылке письмо, оказавшееся собственноручным названного декабриста». Озолин поехал в Москву, опубликовал его в столичной газете (...). Из Москвы была дана директива – в доме Озолина основать музей». И. Ю. Озолина назначили директором.

Для посетителей в доме декабриста М. И. Муравьева-Апостола краеведческий музей Памяти декабристов открылись двери в 1939 году. В фондах музея хранится «Выписка из протокола №4 заседания Президиума городского совета РК и КД г. Ялutorовска» от 7 февраля 1939 г. с постановлением об окончании реставрационных работ в доме декабриста М. И. Муравьева-Апостола и сроках открытия музея: «Приурочить открытие музея ко дню открытия XVIII съезда ВКП(б). (Очередной высший партийный форум проходил в Москве 10-21 марта 1939 года – *Википедия*).

«...Я в этот дом вхожу с благоговеньем.

Как выразить признательность свою?

Здесь помнят всё: высоких дум стремленье,

Надежность, верность, дружбу и терпенье,

Закованные в ледяном краю...»

Эти проникновенные стихи о музее Памяти декабристов написала известная советская писательница Лидия Либединская. Писательница Антонина Коптяева назвала этот дом «сокровищем России». «Драгоценный музей, но музей – нечто неизмеримо большее, глубоко волнующее и прекрасное», – говорит посетившая его Маргарита Алигер. «Боже мой, какое это сокровище – дом декабристов!», – писала в книге отзывов поэтесса Раиса Ахматова. Кроме этих высказываний в книге отзывов почетных посетителей музея можно увидеть автографы летчиков-космонавтов, видных ученых, поэтов, писателей, гостей из других стран.

За свою долгую жизнь дом несколько раз менял хозяев. Менялся и его облик. Благодаря многолетним архивным поискам сотрудников музея, сегодня известна вся история дома со времени его постройки до сегодняшнего дня.

История дома начинается в 1795 году, когда Ялutorовский мещанин Егор Прокопьевич Белоусов выстроил «на отведенном Городовым полицейским Управлением месте» деревянный дом. Подтверждением этому является запись в журнале Ялutorовского окружного суда от 6 февраля 1831 года, которая сообщает, что: «в присутствии сего суда Ялutorовский мещанин Егор Прокопьев сын Белоусов объявил, что в 1795 г. ...построен им деревянный дом, состоящий в первом квартале на третьей от реки Тобол улице в приходе Вознесения Господня под

№-68-м; земли же под тем домом и службами длиннику по улице двадцать семь, поперешнику двадцать пять сажен, который состоит возле домов: по правую руку титулярного советника Александра Андреева, по левую вдовы солдатской жены Марковой, и что он по сие время не имеет на оной законного укрепления...». Из ответа городского старосты следует, что «дом мещанина Егора Белоусова числится выстроенный им самим», на основании чего выдали Белоусову «узаконенную выпись».

После кончины в 1838 году Е. П. Белоусова, его дочь Пелагея Егоровна Аласина «по разрешению господина генерал-губернатора Западной Сибири и согласию Ялutorовского городничего продала М. И. Муравьеву-Апостолу государственному преступнику свой дом деревянного строения, стоящий в приходе Вознесения Господня».

Матвей Иванович Муравьев-Апостол, как свидетельствует его письмо к потомкам, «поднял и переделал совершенно этот дом». О том, как выглядел дом в то время, свидетельствуют воспоминания и рисунки Михаила Знаменского – ученика и воспитанника декабристов, ставшего впоследствии художником и писателем. «Вот домик М. И. Муравьева. Серенькой с решеткой вместо забора, за которым блестят золотистые дорожки маленького садика. Окна с большими стеклами, как-то странно смотрят на противоположный ряд старых грязных заборов. Во всем доме было только 4 комнаты и пятая прихожая: при входе дверь налево в кабинет и прямо – в залу, зала с камином и выходом на террасу.

Гостиная, в которой стояло фортепьяно, единственное тогда во всем городе.

Кабинет с полками книг, на стенах: портреты близких, большой портрет Наполеона, ружья с охотничьими принадлежностями. Вольтеровское кресло с приделанным к нему пюпитром и умывальный столик.

Наконец, маленькая комната Марии Константиновны, где помещались Гутенька и Аннушка. – Наполните эти комнаты свежим воздухом, сотрите и уничтожьте всякую пылинку и мы будем иметь полное понятие о доме М. И. Муравьева-Апостола».

В 1849 году к дому была пристроена еще одна комната для подросших к тому времени воспитанниц. В письме к своему племяннику Михаилу Бибикову от 9 января 1850 года Матвей Иванович писал: «У меня все в порядке, хотя пришлось довольно потратиться последним летом, чтобы пристроить новую комнату нашему дому. Несмотря на сильные морозы (30 градусов и ниже с 24 декабря и до сегодняшнего момента, когда я тебе пишу), Августа и Аннушка имеют теперь отдель-

ную комнату, которая очень теплая». именно в этой комнате под плахой чернового пола во время ремонта печи И. Ю. Озолин обнаружил знаменитое письмо М. И. Муравьева-Апостола.

Благодаря рисунку М. Знаменского «Вечер в саду у Муравьевых» и его воспоминаниям, сотрудники музея также узнали о существовании террасы. «Заброшенные вдаль эти люди, чуждые по крови, но родные по душе и по взглядам, виделись часто между собой, у всех у них были назначены дни – воскресенье было днем Матвея Ивановича – у него обедали и после обеда, в хорошую погоду выходили на террасу пить кофе, которое Матвей Иванович не доверял никому – сам варил, сам разливал».

В 1856 году, перед отъездом из Ялуторовска, М. И. Муравьев-Апостол оформил доверенность на продажу своего дома на своего товарища декабриста Н. В. Басаргина, который в июле 1858 года продал дом мещанину В. А. Васильеву. Об этом свидетельствует документ Ялуторовского окружного суда за 1858 г. «Дело о совершении купчей на дом декабриста Муравьева-Апостола Матвея Ивановича», копия которого хранится в фондах Ялуторовского музейного комплекса.

Во время ремонта дома, 1953 году, на чердаке сотрудниками музея были обнаружены документы, датируемые 1880 годом, свидетельствующие о том, что владельцем усадьбы является Александр Андриянович Тараканов. Это подтверждают и «Тобольские губернские ведомости» за 10 мая 1880 года. В разделе «Вызовы к торгам» Ялуторовский окружной суд объявлял, что «по постановлению, состоявшемуся 26 марта 1880, 12 мая имеют быть назначены в присутствии суда торги на продажу недвижимого имения, заключавшегося в деревянном одноэтажном доме с пристройкой и землею при нем, состоящем в г. Ялуторовске, принадлежащем жене штабс-капитана Меньщиковой, на удовлетворение иска разных кредиторов, описанного и оцененного в 275 руб.». Дом был продан «за последние выданную Таракановым цену 451 рубль серебром...»

Сразу же после приобретения Тараканов сдал дом в аренду под винную торговлю ялуторовскому купцу И. М. Родионову. В бумагах, найденных на чердаке, имеется прошение: «В Ялуторовскую городскую управу. От ялуторовского 2-ой гильдии купца Ивана Михайловича Родионова. Заявление. Желая в будущем (1881) году производить виноторговлю, прошу выдать мне дозвожительные свидетельства на открытие I ренского погреба в доме крестьянина Александра Тараканова по Телеграфной улице... 30 декабря 1880 г.».

Доверенный А. А. Тараканова И. Н. Кочков летом 1887 г. продал дом крестьянке Суерской волости Ялуторовского округа Тобольской

губернии Августе Васильевне Васильевой, о чем сообщалось в «Тобольских губернских Ведомостях» от 17 октября 1887 г.

Судя по выпискам налоговых сборов, в 1915 году владельцами этого дома с постройками и усадьбой числились наследники Августы Васильевой.

Далее документальная история дома прерывается на 22 года. Следующий документ, в котором упоминается данное строение - протокол № 3 Ялуторовского краеведческого музея от 15 сентября 1927 года, в котором говорится, что в этом доме жил декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Именно в этом доме и приобрел квартиру И. Ю. Озолин.

К 70-м годам XX века старый дом изрядно обветшал и нуждался в капитальном ремонте. Министерством культуры РСФСР, совместно с объединением «Росреставрация» и институтом «Спецпроектреставрация» в 1978 году было проведено «Обследование памятника архитектуры – дома декабриста Муравьева-Апостола Матвея Ивановича в г. Ялуторовске», исполнителями которого являлись: Шинаев С. Я. – начальник отдела биологической защиты и консервации древесины, Лазаренко А. А. – старший инженер-энтомолог, Колоскова С. П. – старший инженер-химик. К отчету обследования были приложены 11 фотографий исследовательских зондажей памятника. Кроме этого, был разработан проект реставрации дома. Но окончательное решение приняли только в 1990 году. Дом закрыли на реставрацию. Экспозиция временно разместилась в выставочном зале Краеведческого музея.

Реставрационные работы по восстановлению дома курировал архитектор института «Спецпроектреставрация» Волков Александр Николаевич, месяцами живший в Ялуторовске. Строительные работы выполняла бригада Тюленева Виталия Михайловича из кооператива «Витязь», председателем которого в то время был Кравцов Владимир Федорович.

Торжественное открытие дома после реставрации, облик которого стал максимально приближен к тому, каким он был при жизни в нем М. И. Муравьева-Апостола, состоялось 14 декабря 1994 года.

Три комнаты в доме являются мемориальными – зала, кабинет хозяина и гостиная. Историко-мемориальный музей, размещенный здесь, посвящен пребыванию в городе Ялуторовске, на поселении декабристов. По своей теме он является единственным в Тюменской области и пользуется большой популярностью не только у жителей своего края. География экскурсантов очень широка и разнообразна. Только за последний год здесь побывали туристы из Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Екатеринбурга, Омска, Томска, Новосибирска, Ижевска, Костромы, Нижнего Новгорода, Вятки и других городов нашей страны.

Для привлечения посетителей мы используем разные формы работы. С 1987-го года в музее стали проводить салонные вечера, которые вскоре переросли в городской фестиваль «Декабристские вечера». В 1996-м году историко-культурный фестиваль получил статус областного. Салонные вечера в музее и сегодня занимают достойное место среди мероприятий фестиваля.

В рамках фестиваля «Декабристские вечера» в музее ежегодно проходят «Якушкинские чтения», к участию в которых привлекаются потомки декабристов, ученые, сотрудники музеев декабристов, краеведы.

Большой популярностью среди посетителей музея пользуются театрализованные экскурсии для детей и взрослых.

Со времени последней реставрации прошло 30 лет. Сегодня старый дом вновь нуждается в поддержке. Но, несмотря на то, что дом М. И. Муравьева-Апостола вновь закрыт на реставрацию, мы продолжаем принимать посетителей. Как и 30 лет назад, экспозицию мы разместили в выставочном зале Краеведческого музея.

А пока идет реставрация, мы готовимся к открытию обновленного музея.

Наша цель - создать уникальную экспозицию, позволяющую посетителю погрузиться в атмосферу дома ссыльного декабриста, почувствовать дух времени, на миг стать участником событий, происходящих с декабристами в первой половине XIX века в небольшом сибирском городе. Музей, как историко-мемориальный, примет на себя просветительские, образовательные функции, чему способствует пример декабристов, как энциклопедически образованных людей, проявивших себя в различных сферах деятельности и связанных со многими деятелями отечественной культуры, политики, литературы, науки и техники. Новая экспозиция отразит образ эпохи через преломление конкретных судеб исторических личностей и создаст целостное представление о связи истории Сибири с историей всей страны.

Мы постараемся восстановить события прошлого и установить контакт между посетителем и историей дома декабриста М. И. Муравьева-Апостола. В доме появятся новые темы. Например, тема гастрономических пристрастий хозяина дома, а именно его любовь к кофе. Кроме того, будет воссоздана комната Марии Константиновны – супруги Матвея Ивановича, которую она разделяла с воспитанницами Августой и Аннушкой.

Таким образом, музей должен воскресить в памяти события прошлого и установить контакт между посетителем и историей, живущей в этом доме, вызвать воспоминания и определить ценность интуитивного подхода к знанию.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ: НАРАБОТАННЫЙ ОПЫТ И ГЯДУЩИЕ ПРОЕКТЫ

*Ананьин Павел Александрович,
руководитель экскурсионно-туристического проекта
«Декабристский лабиринт»,
коллекционер исторического костюма,
практикующий экскурсовод
г. Екатеринбург*

Деятельность декабристов является одним из противоречивых и, вместе с тем, загадочных явлений российской истории. О декабристах спорят историки, снимают кино, им посвящают стихи, о них рассказывают на экскурсиях.

Основные экскурсионные маршруты, связанные с тематикой декабристов, проходят в местах наибольшего сохранения исторического наследия главных героев: городах Санкт-Петербург, Москва, а также городах Западной и Восточной Сибири. Екатеринбург в этой истории чаще всего фигурирует не более как почтовая станция на пути следования декабристов в Сибирь и обратно. Из ближайших к Екатеринбургу центров декабристоведения следует выделить города Туринск, Курган и Ялуторовск, где находились в ссылке декабристы с семьями.

Вместе с тем, исторический след главных героев нашей темы не исчерпывается фактами их транзитного пребывания в Екатеринбурге. В ходе работы с рядом информационных источников подготовлен экскурсионный материал, позволяющий связать историю тайных обществ в разных регионах Российской империи начала XIX века и сюжеты уральской истории.

В докладе кратко освещается пребывание декабристов в Екатеринбурге, а также раскрываются форматы работы, способствующие популяризации наследия декабристов на Урале, показывается наработанный опыт в рамках нашего проекта, высказываются мысли о формах взаимодействия с музеями и другими учреждениями на ближайшую перспективу.

Краткое описание пребывания декабристов в Екатеринбурге

Хронологическое описание пребывания декабристов в Екатеринбурге по пути в Сибирь и обратно отражено в работе О. С. Тальской «Декабристы в Екатеринбурге» Согласно данным ее исследования, через Екатеринбург проходило по этапу не менее 107 участников тайных

обществ, осужденных на каторгу и ссылку в Сибирь [Тальская О. С. Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск, 1957. С. 17].

Периоды пребывания декабристов в Екатеринбурге по пути в Сибирь можно условно классифицировать. Первый период следует характеризовать как массовый, когда были отправлены большинство осужденных после вынесения приговора в течение 1826-1828 гг. Второй период стоит отнести к пребыванию одиночных декабристов, ссылка которых была отсрочена в связи с особым подходом к наказанию некоторых из них: И. В. Поджио, В. К. Кюхельбекер, Г. С. Батеньков. Период их проезда через Екатеринбург в Сибирь относится к 1834-1846 гг. [Там же].

Отдельным сюжетом стоит отметить пребывание жен декабристов, которые также направлялись в Сибирь через Екатеринбург.

Обратный путь из Сибири начался для ряда декабристов практически в тот же год, в котором их осудили. Осужденных к службе рядовыми в сибирских гарнизонах Николай I распорядился отправить на Кавказ к началу очередной войны. Так, в конце 1826 года, через Екатеринбург проследовали Н. Р. Цебриков, П. П. Коновницын, А. А. Фок, Н. П. Окулов и М. И. Пущин [Там же, С. 18]. Благодаря мемуарам последнего, мы имеем возможность узнать детали оказанного ему местными жителями приема. Кроме того, в мемуарах фигурирует ряд знаковых исторических личностей, как для Урала, так и для всей России того периода. Речь идет о встрече в Екатеринбурге с владелицей Сысертских заводов Н. А. Колтовской, будущим обер-прокурором Священного Синода С. Д. Нечаевым [Пущин М. И. Записки // Русский архив. 1909. № 11. С. 452-460. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/Puschin1.pdf>].

В последующие годы ряд декабристов, отправленных на Кавказ, тоже держали свой путь через Екатеринбург. Подробнее эти детали освещены в указанной выше книге О. С. Тальской. То же касается обратного пути из Сибири после манифеста Александра II о помиловании декабристов.

Интересным сюжетом является история пребывания в Екатеринбурге декабриста Ф. Г. Вишневого, лейтенанта Гвардейского морского экипажа, участника восстания на Сенатской площади [Следственное дело Ф. Г. Вишневого. Восстание декабристов. Т. XV. С. 59-66, 303-304, URL: <http://decabristy-online.ru/media/pdf/VishnevskXV.pdf>].

Ф. Г. Вишневский был осужден по XI разряду к службе рядовым солдатом, но с сохранением дворянства, отправлен служить на Кавказ,

где отличился, потом служил на флоте и после отставки по болезни перешел на гражданскую службу. С марта 1838 года служил чиновником по особым поручениям при Главном начальнике горных заводов хребта Уральского генерале В. А. Глинке. Назначение было не случайным, горный начальник был женат на его сестре Ульяне Гавриловне [Тальская О. С. Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск, 1957. С. 28]. Его служебная деятельность на Урале состояла из многочисленных командировок, ревизий и проверок, в ходе которых вскрывалась тяжелая картина жизни уральских горных рабочих. Следует отметить, что вместо ожидаемых «крутых мер», Ф. Г. Вишневский делал акцент на вину в этом смотрителей приисков и необъективное рассмотрение дел местными чиновниками [Там же, С. 30].

Отдельной фигурой в истории Урала и Екатеринбурга XIX века следует выделить генерала В. А. Глинку. В. А. Глинка принадлежал к тому же поколению, что и большинство декабристов, был «сыном 1812 года», артиллерийским офицером, прошедшим наполеоновские кампании 1807-1815 гг., а также русско-шведскую войну 1808-1809 гг. и русско-турецкую войну 1807-1812 гг. [Шкерин В. А. Боевой путь генерала В. А. Глинки // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы региональной научной конференции, Екатеринбург, 14 ноября 1996 г. / Уральский гос. университет. – Екатеринбург, 1997. С. 55-56, <http://hdl.handle.net/10995/91022>]. Участие самого В. А. Глинки в тайном обществе высочайше велено было оставить без внимания, что означало возможность иметь своего рода «путевку в жизнь» при новом императоре. Глинка продолжил военную карьеру, отличившись в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и при подавлении Польского восстания 1830-1831 гг. [Там же]. В 1837 году он был назначен на должность Главного начальника горных заводов хребта Уральского и руководил «горным царством» до 1856 года.

Долгое время в советский период В. А. Глинка рассматривался как один из многих типичных руководителей николаевской эпохи, железной рукой устанавливающий строгий порядок на уральских заводах. Тем не менее, в статье советского писателя Ю. Е. Ярового «Странный генерал Глинка» отмечается, что «это лишь одна сторона сложной фигуры генерала Глинки». Другая сторона – «генерал Глинка, остающийся «лучшим испытанным в счастии и несчастьи другом» декабриста В. К. Кюхельбекера, Глинка, беспощадно карающий казнокрадов и взяточников, Глинка, посылающий на волнующиеся заводы вместо воинской команды 60 тыс. руб. казенных денег для выплаты рабочим не

выданной заводчиком заработной платы, Глинка, строящий в Екатеринбурге механическую фабрику и первый городской театр» [Ляпин В. А. В. А. Глинка. Штрихи к портрету «странного генерала» // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 140-144, URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54559/1/kibdu_1989_13.pdf].

На современном этапе исследование роли и личности этого руководителя «горным царством» связано с трудами уральского историка В. А. Шкерина, подготовившего цикл статей, посвященных В. А. Глинке, а также монографию «Генерал Глинка. Личность и эпоха». В этих трудах отражаются детали его биографии, личной жизни, боевой путь, связи с членами тайных обществ, и, конечно же, рассмотрены вопросы функционирования управленческого аппарата уральских горных заводов, а также роль Главного горного начальника в условиях межведомственных взаимоотношений.

Интересной сюжетной линией отличаются родственные отношения В. А. Глинки и декабристов Вильгельма Карловича и Михаила Карловича Кюхельбекеров. Их сестра Юстина была замужем за братом В. А. Глинки Григорием. Сам В. А. Глинка помогал финансово Вильгельму Кюхельбекеру, а также поспособствовал его переводу поближе к себе, в Курган [Шкерин В. А. Глинка и горнозаводской Урал // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20-21 апреля 2006 г. В 2-х т. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. – Т. 2. – С. 192-197. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/88620>].

Также следует отметить встречу в Екатеринбурге В. А. Глинки с М. И. Муравьевым-Апостолом при возвращении последнего из ссылки [Тальская О. С. Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск, 1957. С. 38].

Еще одним ярким сюжетом является пребывание на Урале надворного советника С. Д. Нечаева, также фигурировавшего в деле декабристов и весьма интересным образом оказавшегося в горном крае. С деталями уральских приключений будущего обер-прокурора Священного Синода можно ознакомиться в работе В. А. Шкерина «От тайного общества до Святейшего Синода. Декабрист С. Д. Нечаев».

Форматы работы в рамках популяризации наследия декабристов в Екатеринбурге и на Урале

Первым личным опытом работы по популяризации наследия декабристов в Екатеринбурге стала пешеходная экскурсия по городу «Декабристский лабиринт», разработанная в 2020 году.

Одной из целей экскурсии виделось отражение связи исторических процессов, происходивших на Урале, с общероссийскими тенденциями, что помогает по-новому взглянуть на знаковые сюжеты истории Екатеринбурга.

В основе излагаемого на экскурсии материала лежит тема пребывания декабристов в Екатеринбурге, кратко раскрытая в предыдущем разделе доклада. Ряд фигурирующих в рассказе исторических персонажей всероссийского масштаба связан как с движением декабристов, так и с Уралом и Екатеринбургом (генерал В. А. Глинка, министр внутренних дел Л. А. Перовский, надворный советник С. Д. Нечаев и др.). Сочетание сюжетов общероссийской истории с деталями прошлого Екатеринбурга дает возможность по-новому взглянуть на популярные исторические места города.

В 2022 году разработана двухдневная тематическая экскурсионная программа из Екатеринбурга в города Курган и Ялуторовск, где туристы имеют возможность еще глубже погрузиться в атмосферу эпохи начала XIX века. В рамках тура посещается Курганский Дом-музей декабристов, а также музеи М. И. Муравьева-Апостола и И. Д. Якушкина в Ялуторовске. В июле 2023 года запустили новый экскурсионный маршрут в Туринск с посещением местного Дома-музея декабристов. В результате тесного сотрудничества с коллективами указанных музеев появилась возможность освоить новые тематические экскурсии, пользующиеся популярностью.

Для создания дополнительных точек соприкосновения с эпохой стартовал интерактивный выставочный проект «Магия мундира», в рамках которого были изготовлены точные копии костюмов главных героев-декабристов. Особое внимание уделено тонкостям: деталям нижнего белья, утепляющих аксессуаров и обуви. Посетители мероприятия имеют возможность примерять на себя костюмы и фотографироваться в антуражной обстановке. Такой формат применим для проведения лекториев, как в образовательных учреждениях, так и в рамках туристических программ как дополнительная опция. Кроме того, эти исторические костюмы могут передаваться на временное экспонирование в музеи. Экспонаты проекта «Магия мундира» уже участвовали во временных выставках музеев Тюменской области.

Предлагаемые формы взаимодействия в рамках популяризации наследия декабристов

В связи с грядущим двухсотлетием знаковых событий конца 1825 года, видится интересным разработка туристического маршрута, наподобие «Императорского» под названием «Декабристская верста»,

в рамках которого в каждом городе, где есть тематические музеи или заинтересованные сообщества, создаются экскурсионные маршруты или иные интерактивные мероприятия. Все это будет интегрироваться в единый тематический маршрут и фиксироваться на специальном сайте. Сайт будет выполнять функцию интерактивной карты маршрута. В результате будет возможным путешествовать по России с учетом декабристской тематики, включая новый маршрут в образовательные и туристические программы.

В качестве первопроходцев маршрута возможно представить самих разработчиков – музейных, научных работников, которые направляются в другие локации с визитом. Таким образом, тестируя маршрут, возможно организовать своего рода «кочующую конференцию», где каждый заинтересованный коллектив будет иметь шанс включиться в эту программу и представить себя, а также появится возможность устанавливать новые контакты и выработать новые форматы работы.

Список литературы

1. *Ляпин В. А.* В. А. Глинка. Штрихи к портрету «странного генерала» // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 140-144. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54559/1/kibdu_1989_13.pdf).
2. *Пуцин М. И.* Записки // Русский архив. 1909. № 11. С. 452-460, URL: <http://kemenkiri.narod.ru/Puschin1.pdf>.
3. Следственное дело Ф. Г. Вишневого. Восстание декабристов. Т. XV. С. 59-66, 303-304, URL: <http://decabristy-online.ru/media/pdf/VishnevskXV.pdf>.
4. *Тальская О. С.* Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск, 1957;
5. *Шкерин В. А.* Боевой путь генерала В. А. Глинка // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы регион. науч. конф., Екатеринбург, 14 ноября 1996 г. / Уральский гос. университет. Екатеринбург, 1997. С. 55-56. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91022/1/puv_1997_025.pdf).
6. *Шкерин В. А.* Генерал Глинка. Личность и эпоха: Монография. Екатеринбург, 1998. 345 с.; Изд. 2-е испр. и доп. Екатеринбург, 2006. 240 с.; Изд. 3-е испр. Екатеринбург, 2008. 228 с.
7. *Шкерин В. А.* Глинка и горнозаводской Урал // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20-21 апреля 2006 г. В 2-х т. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. – Т. 2. – С. 192-197. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/88620>.
8. *Шкерин В. А.* От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005. 421 с.

ДЕКАБРИСТЫ И КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛИЦЫН

*Рязанов Александр Михайлович,
директор Государственного историко-литературного
музея-заповедника А. С. Пушкина,
Заслуженный работник культуры РФ*

В сорока верстах к западу от Москвы расположилась усадьба князей Голицыных «Вяземы», где до революции хранилась уникальная библиотека из сорока тысяч томов и богатейший архив княжеского рода, собранный несколькими поколениями.

В архиве, среди прочих бумаг, хранились письма Николая I к владельцу усадьбы – московскому генерал-губернатору, князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, касающиеся восстания декабристов. Его имя лишь эпизодически встречается в источниках и литературе, связанных с Отечественной войной 1812 г. и декабристским движением, хотя он имеет к этим событиям самое непосредственное отношение.

В кратком жизнеописании Д. В. Голицына, А. М. Михайловского-Данилевского, даны перечисления его наград и титулов: Российской империи князь с титулом светлости, генерал от кавалерии, член Государственного совета, состоявший при Особе его Императорского Величества, числившийся в лейб-гвардии Конном полку, шеф орденского Кирасирского полка, Московский военный генерал-губернатор, награжден почти всеми высшими российскими и иностранными орденами [1].

Князь Д. В. Голицын родился в 1771 г. Отец его – Владимир Борисович был видным дипломатом, мать Наталья Петровна современному читателю известна как «старая графиня» в повести Пушкина «Пиковая дама». Он получил отличное европейское образование, был увлечен водоворотом Французской революции. Даже участвовал в штурме Бастилии. А дом, где жили молодые Голицыны, оказался даже занятым королевским отрядом. По этому поводу сохранилось письмо их матери кн. Натальи Петровны, которая требовала от гувернера ее сыновей дать объяснений, на каком основании ее парижский дом был превращен в крепость [2].

После возвращения в Россию князья Дмитрий и Борис Голицыны сразу же стали объектом всеобщего внимания. Об этом пишет граф Ф. В. Ростопчин в письме графу С. Р. Воронцову 1 декабря 1793 г.: «Наши вельможи...большую часть времени проводят с молодыми

людьми, которым подражают, объявляя себя решительными приверженцами всех новых мод, вводимых очаровательным князем Борисом Голицыным... Страсть к необъятным галстукам, закрывающим подбородок, возбудила здесь неудовольствие. Императрица вторично запретила носить их, но наши молодые люди, несмотря на запрещение, одеваются по-прежнему... когда графиня Салтыкова [3]. вздумала пожурить за это своего племянника, он так громко заговорил ей о свободе, что она побежала от него со всех ног, воображая видеть в этом семействе Голицыных зародыш революции» [4].

Неслучайно, спустя много лет, Николай I назовет своего московского генерал-губернатора «якобинцем» [5].

Как знать, может быть, родившись несколько позже, они пополнили бы фалангу декабристов. В 1794 году Д. В. Голицын участвовал под знаменами Суворова в польской кампании. А вскоре получил звание генерал-лейтенанта. После вступления России в войну с Францией он становится активным ее участником. В 1806 г. он сражается в корпусе генерала Беннигсена, возглавляя 4-й дивизию, которая, в свою очередь, разделялась на 4 бригады, одной из которых командовал генерал-майор М. Б. Барклай-де-Толли.

Во время Шведской войны (1808 г.) Дмитрию Владимировичу принадлежала дерзкая мысль перейти по льду через Ботнический залив и врасплох застать неприятеля. План был принят, но из-за болезни князя, командовать войсками было поручено Барклаю-де-Толли, которому и достались все лавры победителя. За выполнение этого замысла он получил чин генерала от инфантерии. В офицерских кругах по этому поводу возникли недоумения, так как был нарушен принцип старшинства, поэтому Голицын вместе с другими генералами подал в отставку.

Когда началась Отечественная война, он не мог вступить в действующую армию, где главнокомандующим и военным министром был Барклай-де-Толли. Лишь после назначения главнокомандующим М. И. Кутузова, Голицын прибыл в распоряжение главных сил. Ему, как опытному генералу, было поручено командование всей конницей 2 армии Багратиона. А перед началом Бородинского сражения Кутузов подчинил ему 1 и 2 Кирасирские дивизии, которые составили Кирасирский корпус и 4 кавалерийский корпус генерала Сиверса. Голицын прибыл к Багратиону в самый разгар сражения. Вот как описывает в письме к своей матери действия Д. В. Голицына его родной брат генерал-лейтенант кн. Борис, который был смертельно ранен в Бородинском сражении. «Я не знаю, мама, сообщал ли он Вам о подробностях

о сражениях 24 и 26, которое называют Бородинской битвой... Именно Дмитрий там отличился блестящим образом... Но так как он слишком смирен и никогда не ходит в штаб-квартиру, я держал бы пари, что будут еще превозносить Милорадовича, который все делает наспех, и казака Платова, делавшего глупости в течение всей кампании, но которые всегда около тех, кто пишет донесения... Впрочем, не вознаграждения монархов я требую от него... я прошу Бога сохранить его нам и оставить его целым и невредимым» [6].

За участие в Бородинском сражении Д. В. Голицын был представлен к Ордену Георгия III класса, но им он уже был награжден.

Д.В. Голицын сражался в Тарутине, Малоярославце, под Красным. По совокупности, за успешные действия он был награжден Орденом Александра Невского с алмазами. В 1813 г. он окончил войну в чине генерала от кавалерии. Его портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца.

В 1820 г. кн. Д. В. Голицын был назначен на пост московского генерал-губернатора. На этом посту он пробыл до 1844 г., вплоть до своей смерти. Граф П. Шереметев писал о князе: «История Москвы за эти годы без жизнеописания его невозможна. Для нее он находил время, заботился о благоустройстве города, устраивал бульвары, сады, фонтаны, строил больницы, завел...на свои средства итальянскую оперу, устраивал маскарады с приглашением купечества, принимал живое участие в делах университета, давал балы, предпринял дело описания Москвы... Во время холеры 1830 года проявил особо кипучую деятельность» [7].

На этом посту было много сделано для возрождения былой славы и красоты города. Возможно, зная либеральные мысли и идеи московского генерал-губернатора, декабристы не случайно выбирают Москву для своего съезда.

Со многими декабристами Дмитрий Владимирович был лично знаком и встречался по службе. С декабря 1823 г. под начальством Голицына в Москве служил надворным судьей Иван Иванович Пущин. Сюда он переводится из Петербурга с заданием организовать и заведовать московской управой тайного общества. О деятельности на этом посту Пущина осталось много отзывов современников. Так, Н. И. Греч в 1825 году писал о нем: «Благородный, милый, добрый молодой человек, истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды; в добродетельных порывах, для благотворения человечеству, вступил на службу, безвозмездно, по выборам, в уголовную палату; память о его деле, сердце и характере останется навеки в глубине души моей» [8].

Восхищался его энергичной борьбой с неправдой в судах и Д. В. Голицын, который отзывался о его судейской деятельности с большой похвалой. Голицын любил людей по своему подобию – скромных, честных и безупречно преданных Родине. Таким и был И. И. Пущин. Без вмешательства и поддержки Голицына вряд ли удалась бы деятельность Пущина. О своем отношении к Ивану Ивановичу в 1830 году Голицын сказал его брату Михаилу Ивановичу Пущину (также известному декабристу).

В своих «Записках» Пущин неоднократно упоминает Д. В. Голицына. Так он описал любопытный случай, который произошел на балу у Дмитрия Владимировича. «Князь Юсупов, видя на бале у Московского военного генерал-губернатора неизвестное ему лицо, князя Голицына, танцующего с его дочерью, спрашивает Зубкова: кто этот молодой человек? Зубков называет меня и говорит, что я -надворный судья. «Как! Надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Это вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное!» [9].

В этом эпизоде И. И. Пущин упомянул Василия Петровича Зубкова, декабриста, который долгое время служил у князя. Перед отъездом в Петербург Пущина, Д. В. Голицын не хотел давать ему отпуска, что-то подозревая. И. И. Пущину пришлось сослаться на болезнь близких родственников.

И. И. Пущин вступил на службу к московскому генерал-губернатору по протекции брата своего лицейского товарища Данзаса, декабриста Бориса Карловича Данзаса (1799-1868), который вначале служил чиновником особых поручений при Д. В. Голицыне, «затем советником московского губернского правления. Ходили даже сплетни, что В. К. Данзас был сыном Б. В. Голицына, брата Д. В. Голицына.

Под началом у князя служили декабристы: Степан Михайлович Семенов, Сергей Николаевич Кашкин, Иван Николаевич Горсткий, Павел Иванович Колошин, Федор Яковлевич Скарятин – I, Владимир Алексеевич Мусин-Пущин. Можно подумать, что канцелярия Д. В. Голицына «ковала» будущих декабристов. Теперь становится ясным, почему Николай I называл Д. В. Голицына «якобинцем».

Дмитрий Владимирович был связан с декабристами и родственными узами. Кузен князя – граф Захар Григорьевич Чернышев был членом Южного общества и принимал активное участие в деятельности Северного общества, осужден по VII разряду. Родственник жены князя Николай Александрович Васильчиков был членом Южного общества, участвовал в деятельности Северного общества.

Он знал многих, кого по службе в армии, кого на гражданском поприще, со многими встречался на балах. Возможно, разделял и некоторые их мысли и взгляды. Как знать, не прочили ль декабристы и этого человека в члены своего будущего правительства. Ибо о честности, великодушии, «вольнлюбивых взглядах» Д. В. Голицына говорили и знали многие.

Ф. Ф. Вигель писал о нем: «... Это был человек примечательный, хотя не гениальный... Более чем кто он был предан, верен престолу, но никогда, перед ним не пресмыкался, никому из приближенных к нему не льстил, никогда не был царедворцем, большую часть жизни провел в армии и на полях сражений добывал почести и награды... Удивительно ли, что Москва так долго была им очарована...» [10].

Но грянул 1825 год. Волей судеб кн. Д. В. Голицын оказался в самом водовороте событий. Как отзовется эхо восстания в Москве, очень беспокоило императора. Уже 15 декабря 1825 года Николай I пишет три тревожных письма Дмитрию Владимировичу о проведении присяги в Москве: «На Вас полагаю, совершенно, чтобы присяга была истинная, безмятежная, и избавить первопрестольную мою столицу от всяких беспокойств, которым, к несчастью, здесь я помешать не мог и не иначе прекратить мог, как силою оружия» [11].

«Мы здесь только что потушили пожар, примите все нужные меры, чтобы у вас не случилось чего-нибудь подобного» [12].

В первых же письмах Николай I пишет и о принятии мер по задержанию декабристов: «...гвардии полковника Муравьева (Никиту) прошу непременно мне доставить» [13].

«...перехватить некого Пущина, из Москвы пребывавшего, и который, быв в шайке, скрылся; он первейший злодей из всех...» [14].

«...из подозреваемых лиц... многие у Вас в столице. В числе их есть генерал-майор Михайло Орлов; надо его арестовать...» [15].

«...государь покойный весьма подозревал князя Вяземского, как человека превратных мыслей; за ним прошу; строго наблюдать» [16].

По этим отрывкам из писем видно, насколько был обеспокоен царь о положении в столице.

В городе ходили противоречивые слухи, еще не начались аресты в Москве, а кн. Дмитрий Владимирович, стремясь смягчить гнев Николая I, старается убедить императора быть милосердным. «...невинные не будут смешаны с виноватыми.

Я твердо убежден... что добрая душа Ваша распознает виновных и не заслуживающих оправдания от тех лиц, которых толкнуло на пре-

ступление увлечение крайними идеями, к несчастью, свойственное молодости, но которые, несмотря на виновность свою, могут по милости Вашего Величества исправиться и сделаться со временем вернейшими Вашими подданными» [17].

Внутренний протест против действий императора не позволил князю лично отдавать приказы об аресте декабристов. Аресты в Москве проводились по распоряжению Обер-полицеймейстера Шульгина. В Москве были арестованы Н. Муравьев, А. П. Кологривов, М. Ф. Митьков, И. Д. Якушкин, В. С. Норов и другие. Всего, как известно, по делу декабристов было привлечено 28 москвичей.

Но и после восстания кн. Дмитрий Владимирович не раз вступался за декабристов, пытаясь облегчить их участь. Многих из них московский генерал-губернатор принял на службу. Так, по его ходатайству был освобожден от надзора Владимир Алексеевич Мусин-Пушин, Федор Яковлевич Скарятин – I, а с 1828 года был адъютантом князя. Василию Петровичу Зубкову Дмитрий Владимирович помог получить оправдательный аттестат, а затем принял к себе на службу. Так же он поступил и в отношении Бориса Карловича Данзаса. С 1832 года при московском генерал-губернаторе стал служить Николай Александрович Васильчиков.

Удивительный и неповторимый генерал-губернатор оставил о себе самые приятные отзывы. Так, кн. П. А. Вяземский говорил, что Дмитрий Владимирович «любил Москву и с жаром всегда и везде отстаивает ее права». Я. Булгаков называл его «принц-регент» [18], даже А. И. Герцен отзывался о князе как прекрасной души человеке.

Но лучше всего о князе сказал В. А. Жуковский (1833):

*Друг человечества и твердый друг закона,
Смиранный в почестях и скромный средь похвал,
Предстатель ревностный за древний град у трона,
Каких ты доблестей в себе не сочетал?*

Список литературы

1. Михайловский-Данилевский А. И. Князь Д. В. Голицын. – В кн.: «Военная галерея Зимнего дворца». Т. 3. – СПб, 1846. С. 1-2.
2. См. Воспоминания Бутурлина. Русский архив, 1901, кн. 9. С. 116; Шереметев П. Вяземы. – СПб, 1916. С. 112.
3. Дарья Петровна Салтыкова, родная сестра Натальи Петровны Голицыной.
4. Шереметев П. Указ., соч., с. 125.
5. Там же, с. 207.

6. Там же, с.165-166.
7. Там же, с. 204.
8. Цит. Из ст. Штрайх С.Я. Иван Иванович Пущин. – В кн.: Пущин И. И. Записки о Пушкине и письма. – М.-П., 1927. С. 26.
9. См. Пущин И. И. Указ, соч. С. 81.
10. Шереметев П. Указ, соч. С. 209.
11. Красный архив, 1924. № 5. С. 241.
12. Якушкин И. Д. Записки. – М.,1951. С. 58.
12. Там же.
13. Там же, с. 242.
14. Там же.
15. Там же, с. 243.
16. Там же, с. 244.
17. Шереметев П. Указ, соч. С. 207.



Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын.
С работы Ф. Н. Рисса, после 1835 г.

А. С. ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ

*Царева Вера Анатольевна,
Всероссийский музей А. С. Пушкина,
заведующая экскурсионным сектором
г. Санкт-Петербург*

Литературно-монографическая экспозиция Всероссийского музея А. С. Пушкина «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество», расположенная в 17 залах, позволяет рассказывать не только о поэте, но и о его современниках, раскрывать многие темы и проблемы первой трети XIX века. Одна из ярких личностей этого периода – А. С. Грибоедов. На основе экспонатов нашего музея, связанных с выдающимся драматургом и дипломатом, нами разработана тематическая экскурсия «Два Александра Сергеевича». В ней, в том числе, затрагивается проблема отношения с декабристами.

Тема «А. С. Грибоедов и декабристы» становилась предметом исследования многих ученых на протяжении двух веков. Благодаря кропотливой работе П. Е. Щеголева, М. В. Нечкиной, С. А. Фомичева, были освещены многие аспекты, но до сих пор остаются вопросы. Это связано с отсутствием документов. Известно, что А. С. Грибоедов уничтожил перед арестом бумаги, которые могли его скомпрометировать. Кроме того, современники, даже спустя десятилетия, не решались открыто говорить об участии Грибоедова в заговоре.

Отсутствие достоверной информации привело к появлению мифов и легенд. Одна из таких легенд – это высказывание, которое приписывают А. С. Грибоедову и на основании которого строят гипотезы и даже делают выводы об отношении Грибоедова к восстанию декабристов. Эта фраза представлена и в нашей экспозиции, в зале № 7, посвященном восстанию: «100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России». В скобках: «в передаче Д. А. Смирнова».

В научных работах эта фраза вводится по-разному и по-разному интерпретируется. Приведем два ярких примера. В книге М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» читаем: «Вдумаемся ... в широко известные, обошедшие всю литературу о Грибоедове слова...: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России» ... Эти слова – бесспорное доказательство осведомленности Грибоедова не только о существовании тайного общества, но и о самом замысле революционного переворота» [7, с. 456].

И ниже: «Можно предположить, что этот афоризм - осколок киевского свидания: Грибоедов оказался противником военно-революционного белоцерковского плана...» [7, с. 533]. М. В. Нечкина использует эти «широко известные слова» как одно из доказательств активного участия Грибоедова не только в делах Северного общества, но и в качестве переговорщика между Северным и Южным обществами.

Противоположный взгляд у Ю. В. Лебедева, автора учебника для вузов «История русской литературы 19 века». Ссылаясь на Н. К. Пиксанова, он пишет: «*Биографическая традиция сохранила ироническую фразу Грибоедова, которую он, говорят, часто повторял смеясь: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт в России»*» [6, с. 52].

Далее, опираясь, в том числе, на эту фразу, автор делает вывод: «Грибоедов не пережил ту фазу глубокого разочарования в печальных итогах восстания 14 декабря, через которую прошли все участники заговора, потому что он никогда не был им очарован ... Автора «Горя от ума» преследовала мысль о коренной поврежденности дворянской прослойки русского общества, утратившей связи с родной землей, с культурными устоями и верою народа» [6, с. 52].

С точки зрения Ю. В. Лебедева, Грибоедов непричастен к заговору, т.к. он скептически относился к самой возможности «ста прапорщиков» изменить общество, погруженное «в беспринципность и безнравственность».

При полярности взглядов авторы, тем не менее, не сомневаются в достоверности самого высказывания. Обратимся к первоисточнику. Впервые эта фраза появилась в статье 1868 года в журнале «Беседы в Обществе любителей российской словесности» при Московском университете. Автор статьи – Д. А. Смирнов, который собирал сведения о своем родственнике А. С. Грибоедове уже после его смерти.

«Грибоедов собственно не принадлежал к заговору, – писал Смирнов, – уже потому ..., что не верил в счастливый успех его. «Сто человек прапорщиков, – часто говорил он, смеясь, – хотят изменить весь государственный быт России». Но он знал о заговоре, может быть, даже сочувствовал желанию некоторых перемен ...» [8, с. 20].

Второй раз та же фраза упоминается в записках Смирнова, когда он передает свою беседу с ближайшим другом Грибоедова А. А. Жандром: «Очень любопытно, Андрей Андреевич, – начал я, – знать настоящую, действительную степень участия Грибоедова в заговоре 14 декабря». – «Да какая степень? Полная». – «Полная? – произнес я не без удивления, зная, что Грибоедов сам же смеялся над заговором,

говоря, что 100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России». – «Разумеется, полная. Если он и говорил о 100 человеках прапорщиках, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне» [4, с. 243].

Еще в 1977 году С. А. Фомичев убедительно доказал, что Смирнов пользуется «не свидетельствами очевидцев, а слухами, в которых имя Грибоедова как автора звонкой фразы могло быть подставлено». И делает вывод, что «легендарная (возможно, прямо апокрифическая) фраза о «ста прапорщиках» не может служить сколько-нибудь серьезным аргументом в решении проблемы «Грибоедов и декабристы» [5, с. 20]. Несмотря на это, не только в статьях в интернете, но даже в серьезных изданиях на эту фразу продолжают ссылаться.

Если опираться только на подтвержденные сведения, что мы знаем об участии А. С. Грибоедова в заговоре.

Со многими будущими декабристами А. С. Грибоедов был знаком с юности, с некоторыми даже с детства. Мальчиками А. Грибоедов и И. Якушкин часто проводили вместе летние месяцы, затем оба учились в Московском университете. В университете Грибоедов познакомился с Никитой и Артамоном Муравьевыми, с Сергеем Трубецким, Николаем Тургеневым. М. В. Нечкина называет 25 имен будущих декабристов, с которыми был знаком студент Грибоедов.

В первый петербургский период с 1815 по 1818 годы А. С. Грибоедов продолжал общаться со многими из своих университетских товарищей. В это время его ближайший друг С. Н. Бегичев становится членом тайного общества, правда, позже он отойдет от политической деятельности. В Петербурге Грибоедов знакомится с В. Кюхельбекером. В дальнейшем, в Тифлисе они будут общаться практически ежедневно.

После долгого отсутствия А. С. Грибоедов возвращается в Петербург 1 июня 1824 года. Вскоре он знакомится с Александром Одоевским. Знакомство перерастает в дружбу, и уже через два месяца Грибоедов переселяется к Одоевскому на дачу, в Стрельну, а осенью, после нескольких неудачных попыток снять жилье в Петербурге, поселяется в его квартире. Об Одоевском С. Н. Бегичеву он напишет: «Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел» [3, Т. 3, с. 99].

В июле 1824 года Грибоедов знакомится с А. Бестужевым. «Я был предубежден против Александра Сергеевича, – вспоминал Бестужев. –

Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде» [4, с. 97].

Но после того, как Бестужев прочитал отрывки из «Горя от ума», он: «Взял шляпу и поскакал к Грибоедову:

– Александр Сергеевич, я приехал просить Вашего знакомства. Я бы давно это сделал, если б не был предубежден против Вас. Все наветы, однако ж, упали пред немногими стихами Вашей комедии. Сердце, которое диктовало их, не могло быть тускло и холодно.

Я подал руку, и он, дружески сжимая ее, сказал:

– Очень рад Вам, очень рад! Так должны знакомиться люди, которые поняли друг друга...» [4, с. 100].

А. Бестужев познакомил Грибоедова со своими братьями, вероятно, он же познакомил с Е. Оболенским и К. Рылеевым. С начала 1825 года Грибоедов становится постоянным участником «русских завтраков», проходивших на квартире, которую делил К. Рылеев с А. Бестужевым. Издатели «Полярной звезды» на страницах альманаха активно встали на защиту «Горя от ума», напечатали «Отрывок из Гёте» Грибоедова.

«По прибытии г-жи Рылеевой Бестужев попросил меня, чтобы я ему позволил переехать к себе», – показывал на следствии Одоевский [7, с. 452].

Одоевский жил в большой квартире, которая состояла из 8 комнат и занимала целый этаж. Позже к трем Александрам: Одоевскому, Грибоедову и Бестужеву, присоединился В. Кюхельбекер.

Квартира объединила людей, близких по духу. Друзья абсолютно доверяли друг другу. Так, летом 1825 года письмо Грибоедова, адресованное Одоевскому, распечатывают и читают Бестужев с Кюхельбекером, считая, что у друзей от них не может быть секретов.

В квартире у Одоевского весной 1825 года собирались офицеры различных полков и под диктовку автора переписывали «Горе от ума» для распространения пьесы в провинции. Члены тайного общества считали комедию Грибоедова практически своим манифестом.

Таким образом осенью 1824 – весной 1825 годов А. С. Грибоедов оказывается в самом центре заговора, тесно общается с лидерами Северного общества, и они не имеют от Грибоедова тайн.

Еще П. Е. Щеголев в 1905 году отмечал, что Е. Оболенский после ареста написал письмо государю, к которому приложил «длинный список всех бывших членами тайного общества; в числе был записан и Грибоедов» [10, с. 23]. М. В. Нечкина уточняет, что список состоял из

61 фамилии, кроме Грибоедова оправдаться в ходе следствия удалось только одному.

Оставляя за скобками вопрос формального принятия Грибоедова в члены тайного общества, мы можем говорить о действительно «полном» участии А. С. Грибоедова в заговоре. Он знал о революционных планах, сочувствовал идеям и, вероятно, помогал.

Помощь Грибоедова состояла, скорее всего, в передаче какой-то информации от Северного общества Южному. В конце мая 1825 года А. С. Грибоедов приехал в Киев и пробыл там более месяца. За это время он несколько раз встречался с руководителями общества: Артамоном Муравьевым, Сергеем Муравьевым-Апостолом, Михаилом Бестужевым-Рюминым, Сергеем Трубецким.

Кроме того, заговорщикам важно было привлечь на свою сторону, или, по крайней мере, добиться неучастия на стороне правительства в случае восстания Кавказского корпуса А. П. Ермолова. В пользу того, что Грибоедов вел разговоры с Ермоловым о заговоре, свидетельствует тот факт, что при получении манифеста о вступлении на престол Николая I 24 декабря 1825 года Ермолов, зная о волнениях, но, не зная о результатах, выжидает 4 дня и только 28 декабря приводит к присяге вверенные ему войска.

После подавления восстания А. С. Грибоедов делает все, что в его силах, чтобы облегчить судьбу осужденных друзей.

По словам декабристов, сосланных на Кавказ, квартира Грибоедова становится местом их постоянных встреч. Петр Бестужев вспоминал: «...кто изобразит мое удивление, когда, прибывши в Тифлис, случайно встретил я его <Павла> у Грибоедова ... возврат брата мирит меня с судьбою...думал я» [4, с. 168]. А об Александре Грибоедове он писал: «Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспоминании о ... муках близких ему по душе... Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным» [4, с. 168].

Сердце Грибоедова обливалось кровью, прежде всего, при мысли о судьбе Александра Одоевского:

О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла? [Т. 1, с. 234]

Через три дня после освобождения из-под ареста Грибоедов писал: «... я к судьбе несчастного Одоевского не охладел в долговременном заточении и чувствую, надеюсь и верую, что Бог мне будет помощник» [3, Т. 3, с. 113].

Весной 1828 года А. С. Грибоедов, находясь в зените славы, не только благодарит царя за чины и награды, но и просит за сосланных друзей.

«Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин», – писал П. Бестужев [4, с. 168].

«Бояться людей – значит баловать их», – сказал Грибоедов Ф. Булгарину, находясь под арестом [3, Т. 3, с. 109]. И эта фраза стала девизом последних лет его жизни. Перед отъездом из Петербурга, в июне 1828 года, он добивается аудиенции у А. Х. Бенкендорфа и разрешения написать письмо А. Одоевскому, которое, безусловно, было прочитано в III отделении.

«Сбивчивое и эмоциональное письмо, – по мнению С. А. Фомичева, – точно и трезво обдуманно. Оно соотнесено с какими-то прежними сокровенными беседами... и потому своеобразно зашифровано, рассчитано на интимное понимание» [9, с. 383].

И в радостные, и в горестные минуты А. С. Грибоедов думал о друзьях. 3 декабря 1828 года из Персии, менее чем за два месяца до гибели, он напишет В. С. Миклашевич: «Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу: коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!!» [3, Т. 3, с. 175].

Затем пишет пронзительное письмо Паскевичу с выделенным словом «Главное»: «Благодетель мой бесценный... бросаюсь к вам в ноги, и, если бы с вами был вместе ... осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас Господь Бог... Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед... Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у Бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покров... Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца» [3, Т. 3, с. 179].

И. Ф. Паскевич не забыл о мольбе Грибоедова. В 1837 году А. Одоевского переводят рядовым на Кавказ по ходатайству престарелого отца «поддержанному князем Варшавским», то есть Паскевичем.

Старался помочь Грибоедов и Бестужевым. После его гибели Петр Бестужев писал: «...общий друг и благодетель наш ... предательски зарезан в Тегеране... Невольно содрогаешься при сей страшной мысли» [2, с. 490]. А Александр Бестужев сообщал Н. Полевому: «Паскевич грыз меня особенно своими секретными. Казалось, он хотел выместить памяти Грибоедова за то, что тот взял с него слово мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя. Я видел на сей счет сделанную покойником записку... Благороднейшая душа! Свет не стоил тебя ... по крайней мере я стоил его дружбы и горжусь этим» [1, с. 502].

К сожалению, в публикациях, исторических и современных, вокруг имени А. С. Грибоедова много клеветы, которую предстоит еще опровергать. О благородных чувствах и действиях этого человека лучшие воспоминания оставили именно декабристы.

Список литературы

1. *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1981.
2. Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005.
3. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений в 3 т. СПб., 2006.
4. *А. С. Грибоедов* в воспоминаниях современников. М., 1980
5. А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции Л.: Наука, 1977.
6. Лебедев Ю. В. История русской литературы XIX века. Ч. 1., 2007.
7. *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977.
8. *Смирнов Д. А.* Биографические известия о Грибоедове в сб. «Беседы в Обществе любителей российской словесности». Моск. ун-т, 1868, вып. 2.
9. *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов. Биография. СПб., 2012.
10. *Щеголев П. Е.* А. С. Грибоедов и декабристы (По архивным материалам). СПб., 1905.

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА, РАССКАЗАННЫЕ АРТЕФАКТАМИ ИЗ СОБРАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

*Румянцева Галина Валентиновна,
Хранитель музейных предметов,
фонд прикладной графики и научно-вспомогательный фонд
Всероссийского музея А. С. Пушкина*

*А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желание:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...
(В. К. Кюхельбекер «М. Н. Волконской (Людская речь...)»,
1845)*

О декабристах написаны тома литературы, художественной и научной. И, спустя, без малого 200 лет, нас по-прежнему волнуют судьбы этих людей. Мы восхищаемся их целеустремленностью, стойкостью, умением не терять вкус к жизни в самых отчаянных положениях, умением дружить и любить. Сегодня хочется вспомнить об одном из «первенцев свободы», – Вильгельме Карловиче Кюхельбекере.

В музее хранится экспонат, который помнит тепло рук Вильгельма Кюхельбекера и Александра Пушкина. Это пенал Кюхельбекера – 1810-е годы, карельская береза (КП-12883). На шейке пенала надпись чернилами: «Пенал Кюхельбекера, подаренный А. С. Пушкиным М. Г. Золотареву, а сестрою последнего Е. Я. Золотареву, отданный Е. Ф. Залогу, который подарил его Н. В. Шеметовой. От Н. В. Шеметовой перешел к Анатолию Егоровичу Залогу». Последний владелец реликвии передал пенал в дар Пушкинскому Дому. Из ИРЛИ в 1953 году артефакт поступил во Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Ученический пенал достаточно утилитарная вещь, предмет, предназначенный для хранения канцелярских принадлежностей. Зачастую, школьные пеналы живут недолго в силу их постоянного использования. Ну, а уж у мальчишек это чуть ли не расходный материал. Но пенал Кюхли, как его называли лицейские товарищи, сохранился в хорошем состоянии, появились лишь мелкие царапины, потертости, трещины и, неизбежно, чернильные пятна. Пенал сделан одной из самых знаменитых ценных древесных пород – карельской березы, которая

славится красотой узора и высокими качествами прочности, не гниет и не раскалывается. Без сомнения, качества «царского дерева» помогли сохраниться пеналу в достаточно приличном состоянии – его можно хоть сегодня использовать по назначению. Отсутствие повреждений говорит и о бережливости хозяина и о том, как дорог он был для следующего владельца, «любезного друга» Александра Пушкина. Нам неизвестно каким именно образом пенал Кюхельбекера оказался у Пушкина. Но мы знаем об их близкой бескорыстной дружбе и можем допустить, что это был обмен памятными подарками, которые связывают общие воспоминания. А вспомнить было что! Одна дуэль чего стоит за шутливую пушкинскую эпиграмму:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно [4, Т. 2, с. 487]

Кюхля с известными всем «эксцентрическим умом, с пылкими страстями, с необузданной ничем вспыльчивостью» [2, с. 155] вызвал однокурсника на поединок. По счастью, дуэльная история закончилась примирением и без кровопролития. Свое первое опубликованное стихотворение «К другу стихотворцу» пятнадцатилетний Александр Пушкин посвятил именно Вильгельму. На всю жизнь Кюхельбекер остался одним из ближайших друзей литератора. В стихотворении «19 октября» 1825 года, посвященному лицейскому братству поэт обращается к товарищу:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам? [4, Т. 2, с. 427]

Последний раз друзья встретились накануне лицейской годовщины 14 октября 1827 года на почтовой станции Залазы. Пути следования у них были разные: Пушкин ехал из Михайловского в Петербург, Кюхельбекера этапировали из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. И Кюхля, увидев Француза, как называли Пушкина в Лицее, не подал

виду, чтобы не скомпрометировать друга. Только внимательный и теплый взгляд скрыть не смог. На следующий день Пушкин вспоминал: «...вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем... Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид... Увидев меня, он с живостию на меня взглянул; я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили» [4, Т. 12, с. 307].

19 октября 1827 года поэт посвятит ссыльным друзьям строки:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли! [4, Т. 3, с. 80]

Пушкин часто вспоминает друга юности. На рукописях поэта мы встречаем его профили. В музее хранится рисунок Пушкина (КП-22327), где Кюхельбекер изображен вместе с Рылеевым на Сенатской 14 декабря 1825 года. Рисунок выделяется из общего ряда пушкинской графики – герои изображения представлены в рост, в отличие от большинства набросков, где преобладают портретные зарисовки. Набросок сделан уже после свидания в Залазах. Но Кюхельбекера Пушкин рисует без бороды. «Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду» [4, Т. 14, с. 116], – писал из Динабургской крепости декабрист Пушкину в 1830 году. Конечно, поэт не мог забыть «черною бороду» Вильгельма, но, очевидно, потрясение видом постаревшего от невзгод друга, было столь велико и так ранило душу, что воспроизводить этот образ Пушкин не захотел. На рисунке мы видим портретный облик Кюхли лицейского периода – «лицейской жизни милый брат» [4, Т. 1, с. 263], когда они были молоды, счастливы и полны надежд. В том же письме 1830 г. Кюхельбекер формулирует новые отношения лицейстов: «Вчера был Лицейский праздник: мы его праздновали, не вместе, но - одними воспоминаниями, одними чувствами» [4, Т. 14, с. 116].

В коллекции музея хранится еще один экспонат, относящийся к имени Кюхельбекера. Это щепка от крыльца дома Вильгельма Кюхельбекера в Сибири (НВФ-31941). И, возможно, он показался бы странным, нелепым и спорным, если бы не аналогичные предметы из собрания, связанные с именем А. С. Пушкина, такие как: кора с березы, возле

которой Александр Сергеевич стоял во время дуэли (КП-583), ящик с пятью сосновыми щепками, которые Пушкин и князь П. А. Вяземский подобрали на месте казни декабристов 18 апреля 1828 года (КП-5657/1-5) пресс-папье, заказанный сыном поэта Григорием Александровичем, из фрагмента последней сосны, воспетой А. С. Пушкиным в с. Михайловском и сломанной бурей 5 июня 1895 года (КП-15897). К щепке приложено сопроводительное письмо от дарителя, народного артиста Российской Федерации Анатолия Михайловича Адоскина. Он был большим другом нашего музея: принимал участие в музейных мероприятиях, где исполнял созданные им литературные композиции, посвященные героям пушкинской поры. Анатолий Михайлович так характеризовал свою творческую деятельность: «...Я не знаю, кто я больше... Для меня самое важное, что я стал заниматься литературой, и то, что мне удалось на нашем телевидении сделать довольно много работ о пушкинской эпохе, о пушкинских друзьях...» [1]. Личностью Кюхельбекера, как исследователь, Адоскин занимался много лет, и работа получила теплое название – «Что мой Кюхля». Это был его первый труд в череде последующих изысканий о современниках Пушкина (Иване Пущине, Антоне Дельвиге, Александре Одоевском). В процессе работы пытливым исследователь побывал в местах ссылки декабриста. В сопроводительном письме 1977 года, адресованном хранителю фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина Е. Н. Ивановой, он пишет: «Дорогая Евгения Николаевна! Вот частичка избушки нашего доброго Вилли... Огромное спасибо за Ваше внимание. Всего самого доброго Вам, вашей маме и всему семейству. Надеюсь на встречу Ваш А. Адоскин. 30.VI-77».

Более десяти лет осужденный декабрист провел в одиночном заключении в камерах пяти крепостей Российской империи: Петропавловской, Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и Свеаборгской. Затем был сослан в Сибирь на поселение.

По указу императора Николая I от 14 декабря 1835 года государственный преступник Вильгельм Карлович Кюхельбекер определён на поселение в город Баргузин Иркутской губернии (ныне село Баргузин Баргузинского района Бурятии), куда Кюхельбекер прибыл 20 января 1836 года и поселился у своего младшего брата Михаила, который жил там на поселении.

В Баргузине дом разобран в 1957 году. Сейчас на его месте стоит памятная стела (1975 г.) по проекту З. Батына и Н. Намсараева. На ней металлический барельеф братьев и надпись: «Здесь жили декабристы братья М. К. В. К. Кюхельбекеры».

Следующим местом жительства декабриста стала Забайкальская Акшинская пограничная крепость, куда он переезжает с семьей в конце января 1840 года. Здесь Кюхельбекеры пробудут до 1844 года. Но дом декабриста так же не сохранился. В Акше в память о Кюхельбекере одну из улиц называли его именем. Так же в поселке организован историко-краеведческий музей, в котором рассказывается о декабристах-поселенцах.

С января 1844 года Кюхельбекер начинает хлопотать о переводе в Западную Сибирь, город Курган и в августе получает разрешение. По предписанию он должен был поселиться в деревне Смолино Курганского уезда. «Сегодня получил я известие, что не позволяют мне жить в городе», – записал в своем дневнике ссыльный декабрист [3, с. 426]. Особо опасному политическому преступнику «первого разряда» было запрещено жить в многолюдных местах. По дороге на новое место жительства Вильгельм Карлович навещает брата, заезжает к осужденным друзьям, которых не видел много лет. Наслаждается общением с Волконскими и Трубецкими. Встречается с лицейским другом Иваном Пушным. Благодаря содействию сестры, Юстины Карловны, Кюхельбекер смог поселиться в городе. Тут он погрузился в атмосферу дружеского общения с другими ссыльными декабристами: И. А. Анненковым, А. Ф. Бриггеном, Д. А. Щепиным-Ростовским, Ф. М. Башмаковым Н. В. Бассаргиным И. С. Повало-Швейковским. Вдохновенно занялся творчеством. Не забывает Вильгельм Карлович и о своём лицейском друге, Пушкине, смерть которого в свое время пережил как личную трагедию. В Кургане 26 мая 1845 года он организует празднование дня рождения своего «вдохновенного товарища», на котором присутствуют декабристы и представители местной интеллигенции.

До конца 1980-х гг. в Смолино был организован единственный в стране музей декабриста. По всей вероятности, Анатолий Михайлович Адоскин, подаривший музею частичку дома «первенца свободы» был именно там, в этой деревне. Так как, только в 1986 году, после работы в архивах краеведа Бориса Николаевича Карсонова, выяснилось, что в Смолино Кюхельбекер не жил. Он сразу поселился в Кургане, где сначала снимал жилье и затем переехал в дом, купленный для него сестрой. Но до этого времени домом-музеем считалась «избушка» в деревне под Курганом: «От старожилов деревни Смолиной можно и сейчас услышать предания – рассказы о «ссылном декабристе», о том, как он трудолюбиво возделывал свой огород, как любил играть на скрипке, как звуки ее привлекали многочисленных слушателей к его домику...» [11].

Дом в Кургане, где Кюхельбекеры прожили почти год, после смерти мужа Дросида Ивановна в 1849 году продала. С тех пор строение сменило несколько владельцев.

В 1988 году на доме Кюхельбекера в Кургане была установлена памятная доска. В 2005 году, после масштабной реконструкции в здании был открыт музей декабриста.

В фонде декоративно-прикладного искусства Всероссийского музея А. С. Пушкина хранится серебряная столовая ложка (КП-25657), на оборотной стороне фигурного выступа черенка которой выгравирована монограмма: «WK 1838». Предмет поступил в 1978 году от потомка Рылеевых и Пуциных Николая Николаевича Органова (в 1842 году Анастасия Рылеева, дочь декабриста, вышла замуж за поручика Ивана Александровича Пуцина, дальнего родственника Ивана Ивановича Пуцина), который предположил, что «по всем данным» [6] ложка принадлежала В. К. Кюхельбеку. В 1977 году в Государственном Историческом музее на выставке «БАМ – стройка века» находка на БАМе экспонировалась как ложка Кюхельбекера (?).

В сопроводительной статье от Н. Н. Органова изложена история находки на БАМе серебряной ложки, где он уточняет, что ложку передать в дар Всесоюзному музею А. С. Пушкина ему поручил Николай Иванович Жилияков.

Н. И. Жилияков, бригадир-электрик группы разнорабочих Мостоотряда № 44, которая зимой 1976 года работала на окраине деревни Захаровка, Чунского района, Иркутской области. Бригада копала ямы для опор воздушной линии электропередачи под вторые пути железнодорожной линии Тайшет-Лена Байкало-Амурской магистрали. Далее, у Органова читаем: «Однажды, в конце февраля, когда бригада готовилась ужинать, обнаружилось, что одному из членов бригады не хватило столовой ложки. Тогда кто-то бросил на стол потемневшую ложку необычного вида. Ложка потеряла форму, была погнута, на ее ручке с трудом просматривались непонятные знаки» [6]. Впоследствии необходимость в этой ложке отпала и несколько месяцев, до отъезда бригадира в отпуск, она лежала с прочими не востребовавшими вещами. В это же время Жилияков узнает от местных жителей, что в этих местах проживали на поселении декабристы. Тогда, учитывая отличие найденной ложки от других, современных советских приборов, пытливый и любознательный рабочий предположил, что столовый прибор может принадлежать кому-то из осужденных. Почистив ложку, он увидел знаки: «WK – 1838». К этому времени состав бригады обновился и узнать обстоятельства находки не представлялось возможным. Бригадир предположил две варианта: ложка найдена в одном из заброшенных домов

или выкопана из земли. В любом случае он решил забрать ложку в Москву и, если подтвердится принадлежность ее декабристу, передать артефакт в музей. Н. Н. Органов провел свое расследование, на основании которого полагал, что ложка, найденная на БАМе, принадлежала декабристу Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру. Об этом, по его мнению, свидетельствует монограмма «WK». Написание вензеля латинскими буквами исследователь объясняет немецким происхождением семьи Кюхельбекеров, а про появление ее в Сибири делает предположение, что ложку, а, может быть, комплект ложек, подарила декабристу старшая сестра, Юстина Карловна Глинка брату на свадьбу. В 1838 году декабрист проживал в Баргузине, где в 1837 году женился на дочери баргузинского почтмейстера Дросиде Ивановне Артеновой. По предположению Органова, ложка, или, может быть, ложки, «могла быть запоздалым свадебным подарком» [6] семьи ссыльного.

Наряду с этими версиями можно допустить так же, что предмет из семьи, как частицу родного дома, могла передать сыну мать, Юстина Яковлевна, с которой мятежник виделся в Динабургской крепости, где пребывал с октября 1827 года по апрель 1831.

Дата «1838», выгравированная на ложке, может быть, связана с событием в личной жизни ссыльного: «1838 год. 14 июня. 12-го вечером родился у меня сын-первенец, мертвый. Вчера я его похоронил и при выносе дал ему имя Федор» - запись в дневнике декабриста... [3, с. 368].

В 1844 году Вильгельм Карлович Кюхельбекер переезжает из Акши в Курган. К своей статье Органов прилагает составленную им схему маршрута и предполагает, что Кюхельбекер навещает ссыльных друзей не только по назначенному пути следования, но и отклоняясь от него. В Иркутской области поселенческая колония была одной из самых многочисленных. Артефакт был найден примерно в 150 километрах от Нижнеудинска, бывшем Нижнеудинском округе, Иркутской губернии. Ложка «могла быть подарком декабриста, могла быть потеряна им по пути следования» [6].

Эти и другие версии имеют право на жизнь, пока не обнаружатся какие-либо документальные свидетельства, связанные с этим предметом.

Мы храним предметы, которые молча, укутанные в микалент, лежат по своим местам и лишь изредка, оказываясь на выставке, напоминают о себе. О многих из них написаны статьи, научные труды. Но, прикасаясь к ним, обнаруживаешь, что история рассказана не до конца. Есть ещё «мелочи», детали, которые приберегли для потомков, чтобы связь поколений не прерывалась, говоря словами Пушкина – «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» [4, Т. 11, с. 55].

Список литературы

1. *Анатолий Адоскин*. «Это было мне предназначено...» [Электронный ресурс]: URL: <https://teatral-online.ru/news/20197/> (дата обращения: 02.08.2023).
2. *Корф М. А.* Записки. М.: Изд. Захаров. 2003. – 719 с. С. 155.
3. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: «Наука», 1979. Серия «Литературные памятники». – 793 с. С. 426.
4. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
5. Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган. Издательство газеты Советское зауралье. – 1960. С. 2. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rulit.me/books/literaturnoe-zaurale-read-479547-2.html> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Сообщение Н. Н. Органова. «Находка на БАМе». – Документ из архива ВМП (Б/Н).

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ ДЕКАБРИСТОВ В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА: ВОЛКОНСКИЕ, МУРАВЬЁВЫ, БЕСТУЖЕВЫ

*Пукова Александра Николаевна,
хранитель музейных предметов отдела фондов
(фонд печатной графики и фонд
декоративно-прикладного искусства)
ФГБУК «Всероссийский музей А. С. Пушкина»
г. Санкт-Петербург*

Документы, портреты и личные вещи декабристов были включены в основной фонд коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина (далее – ВМП) с момента его образования на основе Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года. Предметы из коллекций Волконских, Муравьёвых, Бестужевых несут в себе память о близких друг другу людях, связанных между собой не только тайной заговора, а пути, по которым они попали в музей, вызывают особый интерес.

Первоисточниками для исследования послужили издания рукописных архивов и мемуарная литература, предисловия к ним содержат ценные исторические факты и дополнения [II, IV, V,]. В 1956 году И. С. Зильберштейн опубликовал монументальный труд «Николай Бе-

стужев и его живописное наследие», в котором описал уцелевшие в послевоенное время произведения художника-декабриста, находящиеся, в том числе, и в ВМП [VI]. Публикации научных сотрудников музеев дополнили информацию о наследии декабристов, сосредоточенном в нескольких учреждениях: Государственный Эрмитаж (далее – ГЭ), Государственный исторический музей (далее – ГИМ), Государственный литературный музей [VIII, X].

А. С. Пушкин в письме П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 года пишет: «...повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» [XI, с. 291]. Слово «братья» несёт не только метафорический смысл: многие из участников тайных обществ приходились друг другу близкими родственниками. С середины XIX века появились своего рода семейные центры сохранения памяти о тех, кто отбывал наказание на каторге или в ссылке.

В родовом имении Павловка Тамбовской губернии внук Волконских, Сергей Михайлович (1860-1937), «собрал и устроил – «Музей Декабристов»» [III, с. 10]. Часть предметов он перевёз в Борисоглебск, где весной 1919 года в здании Народной библиотеки организовал «Выставку Декабристов» в пользу Общества вспомоществования раненым и увечным воинам. Вскоре «в солдатской шинели, с котомкой платья и белья, в пять часов утра, пешком» он «должен был покинуть родной город...» и оставить «с такою любовью собранную выставку» [III, с. 10]. Экспонаты выставки были перевезены в запасники Румянцевского музея в Москву, после 1924 года они попали в собрание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а затем на Всесоюзную Пушкинскую выставку.

Так, одними из первых предметов коллекции ВМП стали акварельные портреты супругов Волконских и М. С. Лунина, исполненные Николаем Александровичем Бестужевым (1791-1855) в Сибири [VI, с. 115, 213, 219]. Тогда же поступила сделанная художником-декабристом в Читинском остроге копия с работы П. Ф. Соколова (1791-1848) – портрет отца Марии Николаевны, Николая Николаевича Раевского [VI, с. 83]. Волконская (1805-1863) откровенно признавалась, что всегда будет помнить прощание с отцом, который «не мог вынести мысли» об её изгнании [V, с. 18]. Портрет самой М. Н. Волконской 1828 года проникнут трагичностью и безысходностью: она облачена в черное траурное платье, жесты и лицо (особенно взгляд) полны печали, на втором плане раскрытое окно, в которое виден лишь высокий сплошной забор, почти полностью закрывающий небо.

Благодаря соредактору М. С. Волконского по изданию семейного архива Б. Л. Модзалевскому, в 1926 году часть меморий попала в Пушкинский Дом [I]. В 1949 году они были переданы в мемориальный музей-квартиру Н. А. Некрасова: фотография С. Г. Волконского в пожилом возрасте и карандашный портрет М. Н. Волконской, исполненный З. А. Волконской в её московском особняке перед отъездом в Сибирь [IX, с. 28]. Акварель Н. А. Бестужева с владельческой подписью: «Ворота Читинского острога» в семье декабриста сохранялась как реликвия, выпуская в 1904 году «Записки» своей матери, М. С. Волконский воспроизвел этот рисунок в числе немногих иллюстраций [V, с. 69].

После 1953 года музей-квартира Н. А. Некрасова вошел в состав ВМП, так началось постепенное воссоединение семейного собрания. В том же году из Пушкинского Дома поступило кольцо с сердоликом. Во время совместного с семьёй Раевских путешествия по Крыму А. С. Пушкин разыграл кольцо в шуточной лотерее, выиграла юная Мария Николаевна. Бесценную пушкинскую реликвию она берегла всю жизнь, увезла с собой в Сибирь, затем подарила сыну, который в 1880 году передал кольцо своему сыну в год окончания им гимназии. В 1915 году он передал кольцо в Пушкинский Дом [XII, с. 207].

В 1976 году музейное собрание пополнил альбом, на титульном листе которого имеется рукописная надпись каллиграфическим почерком: «Двадцать рисунковъ / изъ / Сибирской Флоры / П. И. Борисовъ / Приобрѣтенные Кн. С. Г. Волконской въ Иркутскѣ, въ 1854-мъ году» [Илл. 1]. Софья Григорьевна (1785-1868), старшая сестра Сергея Григорьевича Волконского после смерти мужа смогла навестить брата на поселении. В течение 1854 года она проживала в его доме, в Иркутске, где познакомилась со многими декабристами. В письме к И. И. Пущину С. Г. Волконский сообщал о её визите к Борисовым: «Андрей ее принял и очень ей понравился оригинальностью своей, а про Петра уже и нечего говорить — он ее очаровал...» [VIII, с. 101]. Продажа альбомов с рисованными видами сибирских цветов давала братьям, лишённым поддержки родственников, средства на существование. Петр Иванович Борисов работал как художник, а его старший брат Андрей — как переплетчик. Судьба Борисовых сложилась трагично. Вышеупомянутое письмо содержало отклик Волконского на неожиданную смерть братьев: Петр Иванович скоропостижно скончался, Андрей, страдавший психическим недугом, покончил с собой — «...непонятная кончина» [VIII, с. 101]. Все хлопоты по погребению С. Г. Волконский принял на себя.

Главная роль по сохранению памяти семьи Муравьёвых принадлежит их дочери – Софье Никитичне (1829-1892), «Нонушке», как ласково называли её родители. В Москве вместе с супругом Михаилом Илларионовичем Бибиковым (1881-1881), племянником Муравьёвых-Апостолов, она владела домом на Малой Дмитровке. В воспоминаниях их внучки А. Бибиковой описана его обстановка: «... весь дом представлялся мне каким-то храмом, где царил культ какого-то прекрасного и далекого бога, культ воспоминаний» [II]. Там хранился превосходный портрет Никиты Михайловича Муравьёва, исполненный П. Ф. Соколовым в 1824 году. О чувствах Софьи Никитичны к отцу писала её внучка: «На всю ее жизнь и на характер неизгладимый отпечаток наложила ее жизнь с отцом, всё, что она видела и слышала в детстве. Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтила его память» [II]. По смерти С. Н. Бибиковой наследством владел её сын, а затем внук. В 1929 году портрет поступил в Третьяковскую галерею в составе коллекции художника и собирателя Остроухова Ильи Семеновича (1858-1929). В 1937 году портрет стал экспонатом Всесоюзной Пушкинской выставки.

В 1996 году в фонд декоративно-прикладного искусства поступил поднос овальной формы, покрытый синей эмалью с цветочной росписью и растительным орнаментом. На тыльной стороне подноса сохранилась плохо читаемая подпись чернилами: «Подарокъ декабристовъ / изъ Сибири / [далее неразборчиво]». Согласно сопроводительному письму владелицы Александры Александровны Бенкендорф, ее предки были «как-то в родстве с Муравьевыми и Чертковыми-Кругликовыми; последние, также были в родстве с Муравьевыми» [XIII]. Оказалось, что владелица является прямым потомком Софьи Григорьевны Кругликовой (урожденной Чернышёвой, 1799-1847), старшей сестры Александры Григорьевны Муравьёвой (урожденной Чернышёвой, 1804-1832).

Об истории бытования сообщались следующие сведения: «...по словам матери, поднос был изготовлен в Сибири Муравьевым (или Муравьевыми), и прислан он был родственникам» [XIII]. О том, что Муравьёвы не только получали, но и сами отправляли подарки известно благодаря переписке. В одном из писем 1832 года Александра Григорьевна сообщала свекрови: «Я не выслала еще чашек детям, жду, пока будет закончен портрет, чтобы отправить все вместе...» [VI, с. 296]. Вопрос об авторстве и времени создания подноса пока остаётся открытым. Не имея материальной возможности обустроить с привычным

комфортом места своего пребывания, декабристы самостоятельно мастерили мебель, часы, прочую утварь. Предметы китайских мастеров также использовались ими в быту и в качестве подарков. В октябре 1838 года Николай Бестужев писал брату Павлу: «Посылаю тебе, любезный друг, несколько китайских вещиц» [VI, с. 278].

За год до передачи подноса в музей А. А. Бенкендорф выставила на аукцион «Christie's» портрет А. Г. Муравьевой, приписываемый Н. А. Бестужеву [Илл. 2]. Акварель стала одним из ценнейших поступлений в музейное собрание последних лет, став своеобразным рождественским подарком – акт приёма зарегистрирован 25 декабря 1995 года. Акварель представляет собой мастерски исполненную работу Бестужева в качестве зрелого художника. Печальный и болезненный вид модели передаёт внешний облик Александры Григорьевны последние годы жизни, в ней сложно узнать ту, о которой Розен вспоминал: «Её красота внешняя равнялась ее красоте душевной» [VI, с. 297].

В письмах Александры Григорьевны встречаются упоминания о неоднократно пересылаемых сестре портретах: «... наконец-то, милая маменька, портрет мой готов, и я посылаю Вам его для передачи моей сестре Кругликовой» [VI, 296]. Имение Чернышевых-Кругликовых Ярополец было ещё одним пристанищем наследия декабристов. После 1917 года имение было национализировано, имущество перешло в ГИМ. Оттуда на Всесоюзную Пушкинскую выставку были переданы два портрета А. Г. Муравьевой.

На одном сохранилась карандашная авторская подпись: «Magnani fecit / Taghin 1816». А. Маньяни был учителем рисования в семье Чернышёвых, одновременно он исполнил портреты сестёр и брата Захара (в собрании ГЭ). Второй портрет представляет собой литографию А. А. Васильевского, наклеенную на старинное паспарту. Печатный вариант повторяет акварель П. С. Соколова – известный портрет, переданный Н. М. Муравьеву во время его заключения в Петропавловской крепости. В 1826 году с этого портрета была исполнена литография, которая должна была стать прощальным подарком близким и друзьям. Печатный вариант ничуть не уступает акварельному оригиналу, в нем так же ощущается чувственный, полной грусти образ Александры Григорьевны, уезжавшей в Сибирь.

Ещё одной семьёй, чья жизнь после 1825 года была разделена на «до» и «после», были Бестужевы. Оставшиеся в Петербурге сёстры, Елена (издательница сочинений Марлинского), Мария, Ольга и младший брат Павел поддерживали постоянную связь с осужденными

Александром, Николаем и Михаилом. В их переписке постоянно встречаются просьбы о присылке портретов в Сибирь и в Петербург: «Больше всего обрадовало нас то, что ты хочешь прислать нам семейные портреты...» [VI, с. 50]. Сёстры дорожили портретами Александра и Николая, где они запечатлены ещё до восстания. Портрет Александра Бестужева в адъютантской форме хранился в семье до тех пор, пока младшие Мария и Ольга, не имеющие прямых наследников, не продали его известному собирателю П. Я. Дашкову, часть собрания его поступила в Пушкинский дом, а в 1953 году в ВМП [Илл. 3]. Предполагаемый акварельный автопортрет Николая в мундире лейтенанта 19 флотского экипажа, очевидно, также был семейной реликвией, но проследить историю его бытования пока не удалось.

В 1917 году в Пушкинский дом был передан архив М. И. Семевского (1837-1892), одного из первых историков декабристов, лично знавшего сестёр Бестужевых и находившего в переписке с Михаилом Бестужевым. Последний передал Семевскому несколько видовых акварелей и портретов работы старшего брата Николая для воспроизведения в «Русской старине». В архиве Семевского они и были обнаружены в советское время, при реорганизации 1953 года рисунки попали в ВМП. Всего же в музее хранится 21 работа (акварели, живописные работы и миниатюра) художника-декабриста, ещё несколько ему приписываются. К числу поздних работ художника, исполненных на поселении в Селенгинске, относятся две копии с собственных оригиналов. Автопортрет и портрет брата Михаила повторяют акварели конца 1830-х годов и выполнены в технике масляной живописи. В 1840-х годах Бестужев осваивал новую для себя технику в любимом ремесле, это было время плодотворной работы по созданию новых портретов, счастливое время воссоединения семьи – в 1847 году сёстрам удалось приехать к братьям.

В семьях берегли разные предметы, связанные с осужденными родственниками: письма, портреты, личные вещи. Декабристские реликвии передавались из поколения в поколение, многие из них теперь хранятся во Всероссийском музее А. С. Пушкина. Поступившие в собрание из разных коллекций, они составляют «золотой фонд» музейной коллекции наряду с реликвиями великого поэта.

Список литературы

1. Архив декабриста С. Г. Волконского. Т. 1. Петроград: [Огни]. 1918. 525 с.

2. *Бибикова А. И.* Из семейной хроники // «Исторический вестник» 1916, № 11. С. 423-425.
3. *Волконский С. М.* О декабристах: (По семейным воспоминаниям). Петербург: Начала, 1922. 134 с.
4. Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста) / Изд. [и послесл.] М. С. Волконского. Санкт-Петербург: Синод. тип., 1901. 547 с.
5. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. С предисл. и прил. издателя кн. М. С. Волконского. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. С. 212.
6. *Зильберштейн И. С.* Николай Бестужев и его живописное наследие: история создания портретной галереи декабристов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 473.
7. *Киреева Р. А.* Декабристы в Москве. М.: «Советская Россия». 1985. 64 с.
8. Летописи Государственного литературного музея. Кн.3. Декабристы: [Письма и архив. мат-лы] / Ред. Н. П. Чулкова. М.: [б. и.], 1938. С. 566.
9. *Назарова Г. И.* «Дочь Ганга» (О трех портретах М. Н. Волконской) // Из Пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Л. 1988. С. 25-34.
10. *Принцева Г. А.* Декабристы в памятниках изобразительного искусства (из собрания Эрмитажа). Л.: Советский художник. 1 с. 84.
11. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. М., Л., 1937-1959. Т. 13: Переписка [1815-1827]. С. 684.
12. *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: из ленинградской Пушкинианы. Л.: Лениздат, 1984. С. 232.
13. Рукописно-документальный фонд ВМП (ВМП НВАр-196).

СЕМЕЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ И РЕЛИКВИИ ДЕКАБРИСТОВ ИЗ СОБРАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

*Старинкова Елена Валентиновна,
Всероссийский музей А. С. Пушкина
Хранитель музейных предметов,
фонд декоративно-прикладного искусства,
кандидат культурологии
г. Санкт-Петербург*

Обо всем, что происходило с декабристами, мы узнаем из официальных следственных документов, и из материалов сохранившихся личных архивов. Это сухая официальная информация о внешности из личных дел мятежников и проникновенные словесные портреты друзей в переписке и воспоминаниях современников декабристов. Не меньше сведений могут предоставить личные вещи владельцев: глядя на них, изучая их истории, можно сделать выводы о художественных пристрастиях владельцев, составить представление о быте и укладе жизни ссыльных, об их привязанностях.

Отношение к мемориальным предметам выразил внук декабриста С. Г. Волконского Сергей Михайлович Волконский: «Пусть не покажется странным, что такое значение придаю вещам. Ведь вещи – продукт культуры, следовательно, понимание их есть признак культурности. Вещи в одно и то же время и вместилище и источник культуры; являясь выразительницей прошлого, вещь в то же время оказывает воспитательное действие в настоящем. Вот почему придаю значение вещам, вот почему считаю, что кто не умеет их ценить, некультурен, и кто не только не бережет, но разрушает вещественные остатки прошлого, творит двойной грех, когда прикрывается культурой» [2].

Истории бытования предметов – это часть судеб их владельцев. Декабристы и жены, разделившие участь государственных преступников, пережили немало лишений, вместе преодолели жизненные трудности. Долгие годы они хранили семейные реликвии, с которыми было связаны не только горестные, но и приятные воспоминания. Позже и их дети, сберегая память о родителях, передавали портреты и вещи своим наследникам.

До событий 14 декабря 1825 г. семьи были у двадцати трех причастных к восстанию. После приговора и исполнения казни остались вдовой жена К. Рылеева, три женщины по разным причинам отказались от своих мужей, получив высочайшее согласие на развод, и только

11 жен последовали за супругами в Сибирь, а вместе с ними еще 7 женщин: матери и сестры сосланных декабристов. Об истории каждой семьи можно писать романы, снимать фильмы.

Не все семьи смогли воссоединиться, но даже в таких случаях связи с ссыльными не прерывались и дети, выросшие вдали от своих отцов, хранили память о них и гордились ими. Так произошло, например, в семье Ивана Дмитриевича Якушкина. За три года до восстания И. Д. Якушкин (1793-1857) женился на Анастасии Васильевне (ур. Шереметевой). В 1825 г. их первому сыну уже было два года, и супруги ждали второго ребенка. Сына, который родился 22 января 1826 г., через полторы недели после ареста отца, назвали Евгений. Несмотря на желание его жены последовать за мужем на каторгу в Сибирь, после встречи в Ярославле в октябре 1827 г. с матерью, женой и сыновьями Иван Дмитриевич убедил Анастасию исполнить свое желание не оставлять детей ради него: «К тому же я был убежден, что, несмотря на молодость жены моей, только она могла дать истинное направление воспитанию наших сыновей, как я понимал его» [4].

Жене Якушкина на тот момент было 20 лет, ей хватило мудрости воспитать в своих детях чувство глубокого уважения к своему отцу. Она ушла из жизни в 38 лет, 10 лет не дожив до возвращения мужа из ссылки. В 1856 г. И. Д. Якушкин переехал к своему сыну. О существовании отца Евгений знал из рассказов матери и переписке, которую вели долгие годы родители. Евгений Иванович Якушкин позже познакомился со многими декабристами, смог убедить их написать мемуары, сберег для нас памятные вещи своего отца. В ВМП хранится коробка из бересты (КП-24786), на основании которой имеется наклейка с автографом сына Якушкина о том, что сделана она руками отца.

В истории каждой семьи декабристов были светлые дни и горькие минуты. Романтическая история Василия Ивашева и юной Камиллы Ле Дантю началась еще задолго до событий на Сенатской площади. Семейные предания передавались из поколения в поколение. В ВМП хранится документ, в котором история любви Ивашевых подробно изложена правнуком декабриста В. В. Ивашевым: «14 декабря, арест и ссылка все это обострило ее (Камиллы – Е. С.) ранее, затаенное чувство к молодому Базилю» (НВ п1, л. 2), обнаруженный случайно портрет 15-летнего Василия Ивашева, т.н. «портрет «в тулупчике» В. П. Ивашева стал причиной описанных событий, едва не стоивших жизни В. П. Ивашеву, но неожиданно приведший, однако, к большому хоть и непродолжительному счастью молодой четы» (НВ п1, л. 4). Этот портрет (КП-24757) хранился в семье Ивашевых и поступил в музей в 1976 г. от его прямой родственницы Е. К. Решко (1901-1983).

Камилла приехала в далекую Сибирь еще невестой государственного преступника Василия Петровича Ивашева. Ей не суждено было вернуться, так же как и А. Муравьевой и Е. Трубецкой. Камилла умерла после родов, а через год ушел из жизни и ее муж В. П. Ивашев.

Дети остались на попечении матери Камиллы – Марии Петровны Ле Дантю, урожденной Вабль (1773-1865). В семейном архиве (приобретен у наследников в 1982 г.) сохранился портрет (КП-25459) этой самоотверженной женщины, которая поддержала свою дочь в решении отправиться за своим любимым в ссылку и не оставила осиротевших детей. На обороте портрета подробная история рода, написанная правнучкой Ивашева Еленой Константиновной Решко. Портрет, вероятно, был заказан художнику в конце 1830 г. для уезжающей в Сибирь Камиллы.

Миниатюрный портрет Камиллы Ле Дантю (КП-24761) по атрибуции И.С. Зильберштейна был выполнен в 1831 г. Николаем Александровичем Бестужевым. Исследователь творчества братьев Бестужевых видел этот портрет еще в то время, когда он принадлежал Е. К. Решко, а в 1982 г. реликвия была передана в ВМП.

В. П. Ивашев уделял много времени музыке, поэзии, чтению литературы, живописи. Не оставил он занятия рисованием и в Сибири. В фонде оригинальной графики ВМП хранится изображение гостиной дома Ивашевых в Петровском заводе (КП-26472). На обороте рисунка, выполненного самим В. П. Ивашевым, имеется автограф автора и свидетельство того, что рисунок был подарен Н. В. Басаргину незадолго до отправки семьи на поселение в Туринск. Дата на рисунке «1835» – год освобождения Басаргина.

Рисунок повторён на шкатулке из кандалов (КП-14248), которая поступила от правнучки Ивашевых Т. Л. Левицкой в 1936 г. в Литературный музей Пушкинского Дома, затем в ВМП. Об авторстве живописного изображения с оригинала Ивашева можно определенно сказать, что рисунок этот сделан не самим Ивашевым. Основание для этого – письмо Василия Петровича к сестре Елизавете Петровне Языковой от 29 ноября 1840 г. из Туринска: «Я тоже в это время занят живописью, только не сам поработал: мне дали поручение заказать несколько ящиков железных с живописью. Я адресовался к мастеру, который всего более этим занимается. Ему не было времени или лучше сказать он хотел сбыть готовые свои произведения – нет, этого я не возьму – я работаю на Петербург; вот заказ г-на Алибара, это была правда. Вот такая страсть к сибирским художникам. Не лучше ли было и не дешевле ли, заказать ящики в Петербурге и дать расписать их уче-

никам Академии, которых было множество бедных в мое время и которые охотно согласились бы в час отдохновения списать дешево и хорошо с хороших оригиналов, каких здесь нет. Но не в этом дело. Я принужден был адресоваться к одному живописцу, придерживающемуся домиков съемкой, и теперь еще тружусь с ним. Каждое утро я у него и, веришь ли, я, несчастный рисовальщик принужден исправлять его абрис. Этой меледой (т. е. тягостн, бессмысленной работой – Е. С.) замажусь уже с месяц, но как дела у меня мало, а прогулка к живописцу мне служит развлечением, я на это не жалуюсь» (выписка из письма из РО РНБ – НВ п-4-5).

Кто же перенес рисунок на шкатулку масляными красками? У нас есть подсказка – в правом нижнем углу изображения, на крышке шкатулки, есть инициалы художника, но не все буквы можно разобрать, т. к. именно на этом месте появились осыпи красочного слоя. Если прочитать полустертые буквы как «ИВК», то можно предположить, что художником мог быть ссыльный Иван Васильевич Киреев (1803-1866). О его способностях, как художника, можно судить по изображениям, которые хранятся в Государственном Эрмитаже, Литературном музее Пушкинского Дома, Всероссийском музее А. С. Пушкина.

Коллекцию реликвий семьи Ивашевых дополняет чашка с блюдцем (КП-14251/1-2) с инициалами «СВ» («Camilla-Basil») из сервиза, заказанного в Париже отцом декабриста Петром Никифоровичем, кабинетные английские часы фирмы Нортон (КП-14245) и цепочка из волос Камиллы Ивашевой (КП-14250). Цепочка плотного плетения состоит из двух частей, соединенных золотыми замочками. Длина цепочки 1 метр, можно представить сколько передумал и вспомнил о своей жизни с этой удивительной женщиной Василий Петрович.

В 1981 г. в ВМП от потомков Ивашевых поступили в дар – два книжных шкафа и шахматный стол. В сопроводительной записке Е. Черкесовой зафиксирована история этих предметов: «Эта мебель прошла через столетие; сквозь жестокие войны, сквозь мрак и холод блокады 41 года и дожила до четвертого поколения рода Ивашевых. Это мои дети: Татьяна, Олег и Светлана Черкесовы. Все мы гордимся, что наша мебель удостоилась великой чести попасть в Музей-квартиру А. С. Пушкина. Пусть она послужит познавательным материалом для историков и знатоков русской старины. Пусть живет еще многие годы!».

Очень хрупкая, романтическая реликвия – газовый шарф Камиллы Ивашевой (КП-24180) с вышитыми ее руками шелком цветами по краям. Он был подарен ВМП в 1974 г. правнучкой В. П. Ивашева Е. К. Решко, которая в сопроводительном письме написала: «Теперь я

спокойна за его судьбу, зная, что он попал в любящие руки. Буду счастлива, если осуществится его реставрация...» (НВ п7).

Родственники и друзья старались разнообразить жизнь ссыльных и радовать их. «Нам дозволено было впоследствии получать и посылки; – писал М. Бестужев, – но нас бесстыдно грабили иркутские чиновники, через руки которых переходили посылаемые вещи. <...> А однажды мы с братом присутствовали при курьезной сцене у Ивашева: когда откупоривалась давно ожидаемая ими посылка с дамскими и детскими кружевными уборами, лентами, оборками и проч., с редкими рисунками и видами – в одном ящике, по поводу чего и был приглашен брат Николай, чтоб полюбоваться живописью и полакомиться крымскими яблоками, присылаемыми в особом ящике, – нас удивило, что вместо двух ящиков явился один: укупорка была новая; <...> Вы догадаетесь, каким процессом дошли до подобной комбинации: отловили из обоих ящиков и потом свалили все в один» [1].

Все декабристы с самого начала, оказавшись в новых, непростых условиях своей жизни находили возможность поддерживать друг друга. Особое отношение было к Ивану Ивановичу Пущину, сумевшему сохранить в себе лучшие человеческие качества. «Когда я с ним познакомился, – вспоминал о нем Евгений Иванович Якушкин, сын декабриста И. Д. Якушкина, – ему было 55 лет, но он сохранил и твердость своих молодых убеждений, и такую теплоту чувств, какая встречается редко в пожилом человеке. Его демократические понятия вошли в его плоть и кровь: в какое бы положение его ни ставили обстоятельства, с какими бы людьми ни сталкивала бы судьба, он был всегда верен самому себе, всегда был одинаков со всеми. Люди самых противоположных с ним убеждений относились к нему с глубоким уважением» [4].

И. И. Пущин обзавелся семьей только в 1857 г., но участие друзей в его судьбе помогло ему выстоять. Спасало и лицейское братство, письма товарищей не позволяли Пущину испытывать чувство одиночества. Он продолжал отмечать лицейскую годовщину 19 октября, поддерживал связь и с директором Лицея Е. А. Энгельгардтом. Один из рисунков Н. Бестужева «Дневки на пути декабристов» (КП-14234) Пущин подписал и подарил Егору Антоновичу. Изображение своей камеры в Петровском заводе Иван Иванович (КП-19187-19188) с надписью «a'la chere'Marie» послал своей сестре Марии Ивановне Пущиной, которая была замужем за его однокурсником по Лицею Малиновским.

В фонде декоративно-прикладного искусства ВМП хранится печатка И. И. Пущина (КП-2255) с двойной датировкой: печатающая часть из тульской стали с инициалами «JP» атрибутирована концом

XVIII в., а костяная ручка в виде бюста Николая I – 1850-ми гг. (Поступила от филолога и краеведа Н. М. Аничковой).

Не исключено, что печаткой мог пользоваться еще отец декабриста Иван Петрович. На сохранившихся письмах самого Ивана Ивановича Пущина в Рукописном отделе ИРЛИ РАН оттиски этой печатки не обнаружались, но при просмотре эпистолярного наследия И. И. Пущина были замечены несколько интересных моментов: прекрасный, ровный, почти каллиграфический почерк автора посланий, тщательная аккуратность при оформлении писем (все листочки были сшиты тонким шелковыми нитками). Эти нюансы свидетельствуют об уравновешенности характера Пущина, его выдержке, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю этого человека. Не случайно к нему тянулся А. С. Пушкин, с которым, несмотря на разницу их темпераментов, они сохранили дружеские отношения, сложившиеся в годы учебы в Царскосельском Императорском Лицее.

Что касается ручки печатки в виде бюста Николая I, то, скорее всего она была сделана позже и не исключено, что скульптурное изображение императора было выполнено Я. П. Серяковым или даже сибирским резчиком. Развитие резьбы по кости в Тобольске и Якутске проходило под влиянием холмогорских и устюжских мастеров.

Свои письма И. И. Пущин скреплял разноцветными наклейками с инициалом своей фамилии «П», даже без дворянской короны, на изображение которой он имел право после возвращения ему в 1856 г. потомственного дворянства. К слову, С. Г. Волконский имел такие же наклейки, но с изображением короны. И. И. Пущин писал на бумаге различных бумажных фабрик: Лондона, Парижа (Marion), Калужской губернии (фабрика Аристархова), Петербурга (фабрика Рейнеръ). Но самая удивительная особенность эпистолярного наследия И. И. Пущина – это бумага для писем, в углу которой вместо дворянского фамильного герба имеется тисненное изображение инициалов «ИП» на фоне частокола острога, в котором Пущин провел тяжелые годы своей жизни.

О тяготах жизни ссыльного государственного преступника Пущину напоминали и кольца (КП-2256 и КП-2257), сделанные, по преданию, им самим из кандалов. «Железа» сопровождали государственных преступников на протяжении 10 лет. С Пущина их не снимали и в период заключения в Шлиссельбургской крепости, и на этапе нелегкого пути в Читу.

На внутренней стороне одного из колец гравировка: «9 июля 1836 – год» – дата окончания срока каторги, после которой Иван Иванович был определён на поселение в Туринск Тобольской губернии. В 1938 г.

кольца были приобретены у Н. М. Аничковой для только что образованного Государственного музея А. С. Пушкина (ныне ВМП).

Идея делать кольца из железных оков появилась у Михаила Бестужева: «Под руководством брата мы сделали искусными слесарями и золотых дел мастерами, токарями и литейщиками. <...> Мы делали и посылали сестрам и нашим дамам, и дамам сибирским разные милые вещицы. Особенно делали много колец из наших желез, подложенных золотом. Это мода в Сибири так усилилась, требование на кольца так возросло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли – подложными кольцами» [1].

В фондах ВМП хранится графический портрет юного Ивана Пущина (КП-20093). Каким через много лет стал «Жано» мы можем судить по двум редким фотопортретам. Один из них был передан из личного архива Т. Б. Семечкиной, племянницы К. К. Данзаса (КП-12871). Этот портрет сделан московским фотографом Карлом Августом Бергнером за 3 года до смерти Пущина. На другом портрете (КП-13350) Пущин изображен в 1857 году, когда он женился на Н. Д. Фонвизиной.

«"Семейный Архив", – сколько прошлого, ушедшего, бывшего в этих словах. И вместе с тем, сколько поблекшего, увядшего, и, несмотря на блеклость, сколько благоуханного» [2]. Истории семейных архивов можно перечитывать, всякий раз находя для себя что-то новое, удивляться стойкости, душевной силе декабристов и их семей, и испытывать благодарность потомкам, сохранившим эти семейные архивы, и передавшим эти бесценные материалы в музеи с надеждой, чтобы связь времен не прерывалась и память о семьях декабристов жила еще долгие годы.

Список литературы

1. Бестужев М. Воспоминания о пребывании в Шлиссельбурге, Чите и Петровском заводе [Электронный ресурс]: URL: <http://decabristy-online.ru/bestug2.htm/?ysclid=licx8jcs8p486121055> (дата обращения: 31.08.2023).

2. Волконский Сергей. О декабристах. По семейным воспоминаниям [Электронный ресурс]: URL: <https://history.wikireading.ru/huwsHo1YCl> (дата обращения: 24.08.2023).

3. Своей судьбой гордимся мы. Составитель М. Сергеев. Восточно-Сибирское книжное издательство: Иркутск. 1977. 352 с.

4. Якушкин Е. И. [1989 Пущин И. И. – Записки о Пушкине. Письма] [Электронный ресурс]: URL: <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st323.shtml> (дата обращения: 31.08.2023).

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ Н. А. НЕКРАСОВА

*Григорьева Виктория Викторовна,
Всероссийский музей А. С. Пушкина,
хранитель музейных предметов
фондов Музея-квартиры Н. А. Некрасова
ФГБУ «Всероссийский музей А. С. Пушкина»
г. Санкт-Петербург*



В фондах Музея-квартиры Н. А. Некрасова Всероссийского музея А. С. Пушкина хранится мемориальный портрет Марии Николаевны Волконской, выполненный ее родственницей Зинаидой Волконской в 1826 году. Об истории бытования предмета почти ничего неизвестно. Портрет поступил в музей в 1953 году из Института Русской Литературы Академии Наук СССР (далее ИРЛИ), в 1926 году он был подарен музею ИРЛИ Б. Л. Модзалевским, который занимался разбором и изданием архива семьи Волконских вместе с внуком декабриста С. Г. Волконского Сергеем Михайловичем.

Этот карандашный рисунок является единственным профильным изображением княгини, запечатлевшим ее своеобразную красоту. Нет никаких сведений о каком-либо специальном художественном образовании Зинаиды Волконской, очевидно, ее знакомство с техникой рисунка не превышало уровня любительского рисования. Однако в этом портрете ей удалось уловить безукоризненное портретное сходство, а также отразить эмоциональность и женственность образа княгини, твердость и решительность ее характера. Известно, что в семейном архиве Волконских имеются двенадцать карандашных портретов, выполненных Зинаидой Александровной [6, с. 27]. На оборотной стороне портрета надпись на французском языке, выполненная сыном С. Г. и М. Н. Волконских, Михаилом Сергеевичем: «Портрет моей матери, сделанный теткой Зинаидой Волконской в 1825. М. В.». На основании этой надписи портрет был датирован 1825 годом. Долгие годы эта датировка принималась как единственно верная, и никаких исследований по этому вопросу не проводилось. Однако в 1988 году научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. И. Назарова занялась сопо-

ставлением биографических фактов Волконских, и, в результате ее исследований было установлено, что надпись, сделанная М. С. Волконским, ошибочна, а портрет был выполнен в 1826 году. В своей статье «Дочь Ганга», опубликованной в сборнике «Из пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина», Г. И. Назарова подробно излагает причины появления этой неточности. Опираясь в своем исследовании на хронику жизни Марии Волконской в 1825-1826 годах, отраженную в ее «Записках», Г. И. Назарова пришла к выводу, что знакомство Марии и Зинаиды Волконских состоялось только в 1826 году, и портрет был выполнен с натуры во время пребывания Марии в московском доме Зинаиды Николаевны перед отъездом в Сибирь [6, с. 29].

«В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей третьей невестки; она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памятли навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне» [5, с. 20]. Эта недолгая встреча произвела глубокое впечатление на Зинаиду Волконскую, которая описала ее в своих сочинениях, изданных в Париже в 1865 г.; отрывок помещен в приложении к «Запискам княгини Марии Николаевны Волконской»: «Отражение твоего образа осталось в моей душе. Мой взор еще видит тебя: твой высокий стан встает передо мной, как высокая мысль, и твои красивые движения как будто сливаются в мелодию, которую древние приписывали звездам небесным. У тебя глаза, волосы, цвет лица – как у девы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлена долгом и жертвою» [5, с. 188].

Похожее впечатление описывает декабрист барон Андрей Евгеньевич Розен в своих «Записках декабриста»: «М. Н. Волконская, молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носом, с гордою, но павною походкой, получила у нас прозвание «la fille du Gange», девы Ганга» [10, с. 230].

По предположению Г. И. Назаровой, небольшой размер рисунка, заключенного в овал, а также его камерный характер, свидетельствуют о том, что портрет находился в альбоме, а впоследствии был извлечен из него, чем объясняются неровные обрывы бумаги по краям с частичной утратой изображения [6, с. 28].

Портрет М. Н. Волконской неслучайно при поступлении был передан в фонды Музея-квартиры Н. А. Некрасова. Поэт, давно интересовавшийся темой декабризма, сделал ее героиней одной из своих поэм, кроме того, он был хорошо знаком с ее сыном Михаилом Сергеевичем.

Н. А. Некрасов и М. С. Волконский сблизилась в начале 1860-х годов [7, с. 358]. Михаил Сергеевич в предисловии к запискам своей матери очень тепло отзывался о дружбе с поэтом: «С Некрасовым я был знаком долгие годы. Нас сблизила любовь моя к поэзии и частые зимние охоты, во время которых мы много беседовали...» [5, с. XIII].

Создавая свой цикл произведений о декабристах, Н. А. Некрасов стремился придерживаться максимальной исторической достоверности, поэт уделял огромное внимание изучению материалов по истории декабристского движения – исторических, мемуарных памятников, беседовал с очевидцами, родственниками декабристов. Поэт начал собирать сведения об указанных событиях еще в 1860-х годах.

Первой поэмой Некрасова, открывающей цикл произведений о декабристах, была поэма «Дедушка», написанная и сразу опубликованная в 1870 году в журнале «Отечественные записки» N 9 [3, с. 100]. Поэма посвящена Зинаиде Николаевне Некрасовой (Ф. А. Викторовой), гражданской жене Некрасова.

Как известно, сюжетной основой «Дедушки» является рассказ о приезде в усадьбу к своему сыну старика-декабриста, вернувшегося в числе немногих уцелевших из сибирской ссылки в 1856 г. Прототипом его, как принято считать, послужил князь Сергей Григорьевич Волконский.

В. Е. Евгеньев-Максимов в своей книге «Некрасов как человек, журналист и поэт» (1928) указывает в качестве одного из исторических источников поэмы «Дедушка» «Записки декабриста» А. Е. Розена, с которым Некрасов был знаком лично и вел переписку об их издании в журнале «Отечественные записки» [4, с. 313].

Внешний облик С. Г. Волконского мог быть известен Некрасову по рассказам М. С. Волконского, а также личного врача поэта Н. А. Белоголового, родившегося и жившего в Иркутске, и хорошо знакомого с семьями Волконских и Трубецких. Н. А. Белоголовый вспоминал: «Я нашел его, хотя белым, как лунь, но бодрым, оживленным и притом таким нарядным и франтоватым, каким я его никогда не видел в Иркутске; его длинные серебристые волосы были тщательно причесаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхололена, и все его лицо с тонкими чертами и изрезанное морщинами делало из него такого изящного, картинно-красивого старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой» [1, с. 37]. Это описание мог использовать поэт, работая над созданием образа «дедушки»:

Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен. Высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит... [9, с. 112].

Стоит упомянуть и еще одну характеристику облика С. Г. Волконского из вступительной заметки к его некрологу, опубликованному А. И. Герценом в газете «Колокол» от 15 января 1866 года, и, скорее всего, знакомому Н. А. Некрасову: «... Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о своих, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом» [2, с. 16]. Не исключено, что Некрасов мог встречать известные в то время портреты С. Г. Волконского, один из которых позже был напечатан в его «Записках» (офорт В. Унгера, выполненный по фотографии).



3 мая 1864 года в Ницце, где князь находился на лечении, уже не принесшем ему пользы, фотографом Иваном Григорьевичем Ностицом (1824-1905) была сделана его последняя прижизненная фотография. Переснимок визитного размера этого изображения хранится в фондах Музея-квартиры Н. А. Некрасова. На обороте паспарту выполнена надпись карандашом: «Снято в Ниццѣ /? Мая 1864 / Ностицомъ/Кн. Серг. Григ. / Волконскій». В музей этот снимок поступил из ИРЛИ в 1953 году, была сделана запись в Книгу поступлений: «Волконский С. Г. Портрет. В старости. Неизвестный фотограф 1860- х гг.». В 2022 году по надписи на обороте была сделана переатрибуция и внесены уточнения датировки и автора фотографии.

Летом 1871 года Н. А. Некрасов завершает работу над поэмой «Княгиня Трубецкая», а вслед за ней, в 1872 году – «Княгиня М. Н. Волконская» [3, с. 100]. Поэтический цикл «Русские женщины»

Н. А. Некрасов предполагал завершить третьей частью, посвященной А. Г. Муравьевой, но этот замысел так и остался неосуществленным.

Основным источником при создании поэмы «Княгиня М. Н. Волконская» стали ее «Записки». В то время еще неизвестные никому «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» существовали лишь в рукописном виде на французском языке, были переведены внучкой княгини Марией Михайловной Волконской и опубликованы М. С. Волконским только в 1904 году. В письме М. С. Волконскому в июне 1872 года Н. А. Некрасов просит предоставить ему «Записки» для изучения в работе над поэмой «Княгиня Волконская: «Словом, записки мне очень хочется иметь, и мне кажется, что они необходимы для успешного выполнения моей работы. Если со временем, когда напечатаются записки, заметят, что я кое-что взял из них почти буквально, то, по крайней мере, не упрекнут меня, что я не понял характера. А теперь – без этих записок – я просто в беспрестанном колебании. Без них мне остается один путь: взяв за основание факты, предаться воле воображения, и тогда выйдет не то, чего Вы первый, может быть, ожидаете от моей поэмы, хотя, может быть, и будет эффектно для публики. Но мне более улыбается мысль остаться наивозможно ближе к действительности, и я повторяю мою просьбу» [7, с. 212-213].

Отказавшись дать рукопись, М. С. Волконский согласился прочесть Некрасову «Записки» своей матери, переводя с французского языка, который поэт знал недостаточно. «Некрасов по-французски не знал, по крайней мере, настолько, чтобы понимать текст при чтении, и я должен был читать, переводя по-русски, при чем он делал заметки карандашом в принесенной им тетради. В три вечера чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по нескольку раз в вечер вскакивал и с словами: «Довольно, не могу», бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами, и какое место они должны были занимать в его творчестве» [5, с. XVII]. Этот драматический момент изобразила советская художница Лидия Петровна Подляская в своей акварельной работе 1952 года «М. С. Волконский читает Н. А. Некрасову воспоминания своей матери М. Волконской». В собрание музея картина поступила от самой художницы.

Фонды музея-квартиры Н. А. Некрасова обладают коллекцией иллюстраций к поэмам Н. А. Некрасова «Русские женщины» и «Дедушка», которые были выполнены в 1947-1948 годах ленинградской художницей Клементьевой Ксенией Александровной (1896-1984), ма-

стером в области книжной иллюстрации, акварели и рисунка. Подробности работы художницы над иллюстрациями к поэмам Н. А. Некрасова неизвестны, однако, глядя на безусловное портретное сходство изображенных ею главных героев, можно сделать вывод, что ей хорошо были знакомы портреты С. Г. и М. Н. Волконских.

100-летие со дня рождения Н. А. Некрасова было отмечено возрождением интереса в искусстве к его творчеству. В собрании иллюстраций к поэме «Русские женщины» можно выделить две акварельные работы, созданные в 1921 году художниками Максимовым Алексеем Федотовичем и Кучумовым Василием Никитовичем: на одной из них изображен момент свидания княгини Волконской с мужем в крепости, на второй – прощание княгини Трубецкой с отцом.

Одним из самых популярных сюжетов поэмы, используемых художниками-иллюстраторами, является момент встречи супругов Волконских в тюрьме Благодатного рудника. Княгиня Волконская описала эту встречу в своих «Записках»: «Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом – его самого» [5, с. 46].

Н. А. Некрасов, работая над последним эпизодом поэмы, решился немного отступить от исторической достоверности. М. С. Волконский вспоминал: «Когда поэма была кончена, он принял мои замечания и просил лишь оставить ему сцену встречи княгини Волконской с мужем не в тюрьме, как изложено в «Записках», а в шахте» [5, с. XVII].

Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, – и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!... [9, с. 184].

В собрании иллюстраций к поэме стоит отметить также эскиз В. Д. Замирайло 1931 года, где, несмотря на очевидную незавершенность работы, художнику удалось в полной мере отразить всю эмоциональную наполненность этого сюжета. Этот же эпизод встречается и в работе художников Палеха Н. Ф. и Е. Н. Вихревых, выполненной в 1970 году в технике яичной темперы, также находящейся в собрании нашего музея.

В разные годы в залах экспозиции Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова всегда звучала тема декабристских произведений поэта. Среди представленных экспонатов находился мемориальный портрет М. Н. Волконской, прижизненные портреты Н. А. Некрасова работы К. Бергамаско, А. И. Денъера, С. Л. Левицкого, иллюстрации К. А. Клементьевой, Л. П. Подляской, А. Ф. Максимова, В. Н. Кучумова, фотопортреты С. Г. Волконского, а также виды Сенатской площади, Петровского завода и Читинского острога. И среди этого богатого музейного наследия выделяется скромный небольшой рисунок карандашом, сохранивший для нас образ княгини Волконской, ставший символом мужества, преданности и готовности к самопожертвованию. На этом портрете мы видим ее такой, какой она запомнилась своим современникам в тот прощальный вечер перед трудной и полной неизвестности дорогой.

Список литературы

1. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М.: Типо-литография К. Ф. Александрова, 1897.
2. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах. Том 19. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866-1867 годов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
3. *Гулин А. В.* Декабристы в эпическом отображении Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3. N 2.
4. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.-Л.: Государственное издательство, 1928.
5. *Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского.* Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904.
6. *Назарова Г. И.* «Дочь Ганга» // Из пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Сборник научных статей. Л., 1988.
7. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем. Том XI. Письма 1863-1877. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.
8. *Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников.* М.: Издательство «Художественная литература», 1971.
9. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Том четвертый. Поэмы 1855-1877 гг. Ленинград: «Наука» – Ленинградское отделение, 1982.
10. *Розен А. Е.* «Записки декабриста». Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1984.

**ТЕМА ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ХОДЕ ОБЗОРНОЙ
ЭКСКУРСИИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ
«А. С. ПУШКИН. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО»
ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
СРЕДИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МУЗЕЯ**

*Ямаева Анастасия Витальевна,
экскурсовод-лектор ФГБУК
«Всероссийский музей А. С. Пушкина»
г. Санкт-Петербург*

Всероссийский музей А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге включает в себя шесть филиалов, два из которых расположены на старинной набережной реки Мойки, в доме 12. Дом, построенный еще в начале XVIII века, через сто лет был перестроен и стал принадлежать С. Г. Волконской, сестре декабриста С. Г. Волконского. В этом доме А. С. Пушкин снимал квартиру, где провел последние месяцы своей жизни, здесь его не стало. Теперь в нижнем этаже находится Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина, а два верхних этажа занимает Литературно-монографическая экспозиция «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество». В 17 залах, два из которых посвящены декабристам и восстанию на Сенатской площади, представлены подлинные материалы пушкинского времени. Назовем некоторые из них. В первом из этих «декабристских» залов акварель К. И. Кольмана – хроника дня 14 декабря, написанная для А. Х. Бенкендорфа, рядом с ней – портреты литераторов – участников восстания: А. И. Одоевского, А. А. Марлинского, Н. А. Бестужева. На отдельном листке фигуры поэтов В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рыльева на Сенатской площади, это копия подлинного рисунка А. С. Пушкина, который хранится в фондах музея. В следующем зале – два небольших живописных портрета, выполненных неизвестным художником на жести: К. Ф. Рылев и С. И. Муравьев-Апостол, которые вместе с тремя товарищами были повешены на расвете 13 июля 1826 года. Рядом – шкатулка с пятью щепками, подобранными А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским спустя два года на месте казни. В витрине сохранившиеся мемориальные вещи декабристов: кольца И. И. Пущина из его кандалов, чернильница А. З. Муравьева и чарка его троюродного брата С. И. Муравьева-Апостола. Рядом вещи, которые принадлежали семье Ивашевых: цепочка из волос Камиллы Ивашевой, сплетенная Василием Ивашевым после ее смерти, чайная пара с монограммой из букв «С» и «В» (начальных букв имен Camilla-

Basile), железная шкатулка с изображением Ивашевых в своей комнате в Туринске, портрет Камиллы.

Ряд мемориальных вещей находится в наших фондах (например, газовый шарф Камиллы, портрет ее матери, план их домика и участка в Туринске, начерченный отцом Василия), а также используются в экспозициях других филиалов Всероссийского музея А. С. Пушкина.

Среди экспонатов есть работы, выполненные Н. А. Бестужевым: портреты ссыльных друзей, их жен, приехавших в Сибирь. Вспомним, что Н. Бестужеву принадлежат слова: «Если жить, то действовать!».

Помимо обзорной экскурсии, в нашем музее проводится тематическая экскурсия «Бог дал огонь...» [1], посвященная подготовке восстания, декабристам, восстанию на Сенатской площади, следствию и последовавшему наказанию.

Экспозиция «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество» и декабристские материалы в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина позволяют вести рассказ не только об исторических событиях России, но и обсуждать важные нравственные вопросы. В преддверии 200-летия со дня восстания на Сенатской площади, в ходе проведения таких экскурсий интересно отследить общую информированность посетителей о восстании, отношение к декабристам и возможное изменение отношения после экскурсии.

Опрос мнения посетителей особенно интересен в настоящее время, когда в очередной раз идет переоценка ценностей в нашем обществе.

За последние три десятилетия, например, стало поощряться такое поведение, как стяжательство (это не только действие, направленное на накопление денег и материальных ценностей, но и чрезмерное тщеславное стремление к успеху), что неизбежно ведет к нравственному кризису. Видимо, сейчас пришла пора опять вспомнить о декабристах, которые демонстрировали совсем другие намерения. Будучи в основном дворянами, то есть привилегированным сословием, живя за счет крепостных, т. е. зависимых людей, по сути рабов, они хотели добровольно отказаться от этой привилегии. Ведь главная цель, объединяющая всех этих разных людей, которых мы называем одним словом — декабристы, это отмена крепостного права, рабства, которое «портит нрав россиянина», как сказал первый директор Лицея В. Ф. Малиновский [2].

Летом 2023 года был проведен опрос посетителей обзорной экскурсии по экспозиции в составе сборных групп, результаты которого были проанализированы. Была разработана анкета, где посетителей

разделили на три условные возрастные группы: до 30 лет, 30-40 лет и старше 40.

Рабочая гипотеза: люди старше 40 лет (то есть рожденные до распада СССР) хорошо осведомлены о декабристах и скорее положительно относятся к ним. Люди 30-40 лет (то есть рождённые во время Перестройки и при распаде СССР) плохо осведомлены и скорее негативно относятся к этой теме, т.к. это было время переоценки и формирования новых ценностей. Люди моложе 30 лет по-разному относятся к теме декабристов, это зависит от программы в школе, от воспитания и отношения к декабристам в семье.

Было опрошено 169 человек, из них большая часть (92 человека) это люди старше 40 лет, затем идет другая группа – люди младше 30 лет (56 человек) и небольшое количество людей 30-40 лет (21 человек). (См. диаграммы в Приложении 1). Это позволяет сделать выводы, что в музеи ходят преимущественно люди старшего поколения, часто со своими детьми и внуками, либо молодежь до 30 лет. Среди детей и молодежи до 30 лет больше половины (55%) что-то слышали о декабристах в общих чертах, незначительная часть (11%) ничего о них не знают, но треть посетителей (32%) хорошо осведомлены о декабристском движении. В этом смысле примечательна анкета 6-летнего Новикова, который, несмотря на анонимность, все же захотел подписать ее (см. Приложение 2). Более половины (54%) положительно относятся к декабристам до опроса, затрудняются ответить (41%), лишь очень незначительная часть опрошенных (5%) отрицательно относятся к декабристам. Подавляющее большинство (88%) узнали что-то новое после экскурсии. Изменилось отношение к декабристам у меньшей половины опрошенных (41%), и не изменилось у другой половины опрошенных (52%). К сожалению, в данной анкете по разным причинам технического характера не было возможности задать более развернутые уточняющие вопросы. Но в ходе изучения каждой анкеты можно сделать некоторые обобщающие выводы для всех возрастных групп опрошенных. Люди, хорошо осведомлённые, чаще всего положительно относились к декабристам, и их мнение не изменилось. Те же, кто затруднялся ответить до экскурсии, изменили свое отношение после нее. При этом встречаются и свои варианты ответов (7%). Что касается средней возрастной группы опрашиваемых (30-40 лет), то ни один человек не ответил, что ничего не знает о декабристах. Большинство (76%) людей что-то знает в общих чертах, хорошо осведомлены около четверти (24%) опрошенных. Больше половины (62%) скорее положительно от-

носятся к декабристам, треть (33%) затрудняются ответить, и незначительная часть (5%) отрицательно относятся к ним. Среди этой возрастной группы подавляющее большинство (95%) узнали что-то новое после экскурсии, и, соответственно, подавляющее меньшинство (5%) не узнало ничего нового. Примерно поровну разделилось мнение относительно изменения отношения к декабристам после экскурсии, скорее изменилось у 48% опрошенных, и не изменилось у 52%. Больше половины людей старше 40 лет хорошо осведомлены (57%), другая чуть меньшая половина опрошенных (41%) что-то слышала в общих чертах и 2% имеют свой вариант ответа. Подавляющее большинство (71%) положительно относятся к декабристам, незначительная часть (15%) затруднились ответить, и подавляющее меньшинство (8%) относятся отрицательно. Подавляющее большинство (82%) узнало что-то новое в ходе экскурсии, незначительная часть (14%) скорее не узнала ничего нового, и 4 % затруднились ответить. У трети (32%) опрошенных скорее изменилось отношение, и у большей половины (60 %) не изменилось отношение после экскурсии. Свой вариант у 9% опрошенных. Таким образом, частично подтвердилась рабочая гипотеза о том, люди старше 40 лет хорошо осведомлены и хорошо относятся к декабристам, люди младше 30-ти лет по-разному осведомлены и по-разному относятся к ним.

Интересно, что больше всего нового узнали о декабристах 30-40-летние (95%), при этом даже те 24%, которые отмечали, что хорошо осведомлены. Это позволяет делать вывод о том, что осведомлены они были недостаточно хорошо. Можно предположить, что клиповое мышление, когда человек воспринимает информацию фрагментарно, короткими кусками и яркими образами и не может сосредоточиться, приводит к тому, что молодежь судит о вещах, имея минимальное количество информации, это данность и общая тенденция общества потребления.

Николай Тургенев писал в дневнике: «Мы теряемся в мечтаниях, в фразах. Действуй, действуй по возможности! – и тогда только получишь право говорить... Словам верить нельзя и не должно. Должно верить делам» [3].

В последние 30 лет, согласно ст.13 Конституции РФ 1993 года, в России признано идеологическое разнообразие, что отражено и в новом варианте Конституции! Изменилась идеология, а, следовательно, и жизнь в нашей стране, произошла переоценка ценностей, переписывание нашей истории, искажение и подмена некоторых слов и понятий (так произошло со словом «привилегия»). Все это негативно сказалось

на уровне патриотизма среди молодежи. Снизился общий уровень культуры и знаний в различных областях, т. к. общество потребления приучает только поглощать готовое, а не добывать самостоятельно что бы то ни было, в том числе и знания.

В связи с грядущим крупным юбилеем восстания декабристов в 2025 году, важно привлечь внимание и популяризировать тему декабристов, особенно среди детей и подростков, а также создать мотивацию к самостоятельному изучению литературного наследия декабристов среди молодёжи 30-40 лет. Наша задача не фантазировать о мотивах декабристов, а изучать их письма, дневники, т. к., по мнению Ю. М. Лотмана, через слово они выражали себя.

«В обычной жизни слово вызывает поступок: сказанное словами получает реальное завершение в действии. В жизненном поведении декабристов, как на сцене, порядок оказывается противоположным: поступок, как практическое действие, увенчивался Словом – его итогом, оценкой, раскрытием его символического смысла. То, что сделано, но осталось не названным в теоретической декламации, в записи историка или в каком-либо еще тексте, – пропало для памяти потомства и как бы не существует. В жизни слово существует, если влечет за собой действие, – в воззрениях декабриста поступок существует, если увенчивается словом... Для декабриста Слово было и началом, и венцом, и импульсом к историческому действию, и его высшим смыслом» [4].

«Для того, чтобы понять декабризм, необходим вновь превратить формулу в поведение, увидеть жест, услышать интонацию. Слова сохранились – исчезла атмосфера. Но смысл слов будет нам до конца ясен лишь в том случае, если возродить атмосферу» [5].

Как возродить атмосферу? Это и есть тема для обсуждения на конференциях и круглых столах.

Возможно, нужно вводить больше цитат, портретов, воспоминаний при подготовке передач, экскурсий, фильмов, чтобы погрузить человека в культурный контекст той эпохи, что позволит ему осознанно выработать свое отношение к теме декабристов.

Как пишет Ю. М. Лотман: «Но для того, чтобы он был свободен в выборе, он должен обладать в своем сознании запасом не только того, что будет служить его намерениям, но и того, что он отвергнет. Память его культуры должна быть намного шире его выбора» [6].

Для этого, возможно, нужно привлечь не только педагогов и историков в музейные сообщества, но и театральных режиссеров, популярных среди молодежи блогеров, продумать доступность материалов для детей и подростков (компьютерные игры, фильмы и т. д.).

Экскурсовод же может погрузить в атмосферу при личном контакте с посетителем, при условии, что он сам достаточно погружен в нее (тогда это будет вызывать доверие). Необходимо разнообразие способов подачи: это могут быть как новые пешеходные экскурсии по персоналиям, так и квесты, и входящие в моду иммерсивные (от англ. Immersive – создающий эффект присутствия, погружения) спектакли или спектакли-променады и т. п. Необходимо также организовывать передвижные выставки в те регионы, которые мало связаны с декабристами.

Все это поможет, в том числе, сформировать положительный образ многих декабристов, лучших представителей дворянской молодежи, для которых были ценны понятия честь, совесть, общее благо. Что, в свою очередь, может повлиять на формирование новой государственной идеологии, где главное – жизнь не во благо себе, а «для общей пользы», этот девиз был когда-то на гербе Царскосельского лицея.

Список литературы

1. В. К. Кюхельбекер «Участь русских поэтов».

Название тематической экскурсии взято из стихотворения В. Кюхельбекера «Участь русских поэтов»:

Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

2. Б. С. Мейлах «Пушкин и его эпоха». Государственное издание Художественной литературы, М. 1958. С. 34.

3. И. И. Тургенев Дневники и письма. Пг, 1924, Т. 3, С. 181, 211.

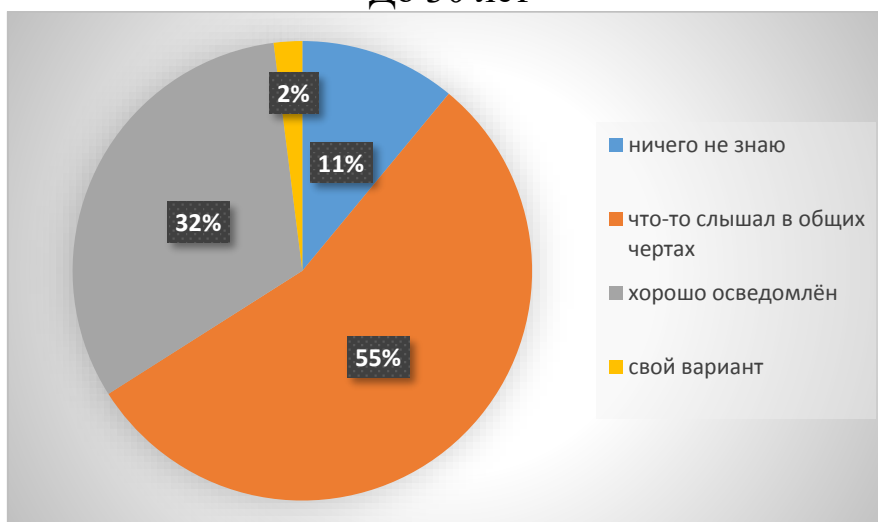
4. Ю. М. Лотман, «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (18-начало 19 века, Спб., Азбука, 2015. С. 507.

5. Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) Спб., Азбука, 2015. С. 566.

6. Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века), Спб., Азбука, 2015. С. 586.

1. Что вы знаете о декабристах?

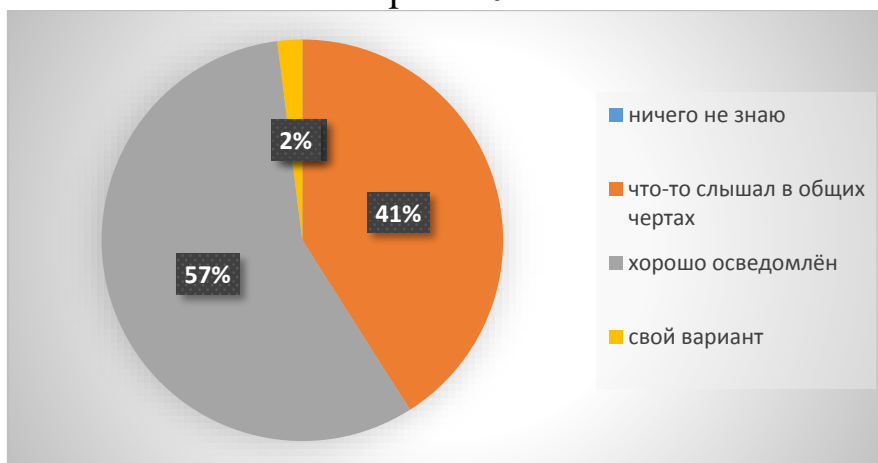
До 30 лет



30-40 лет

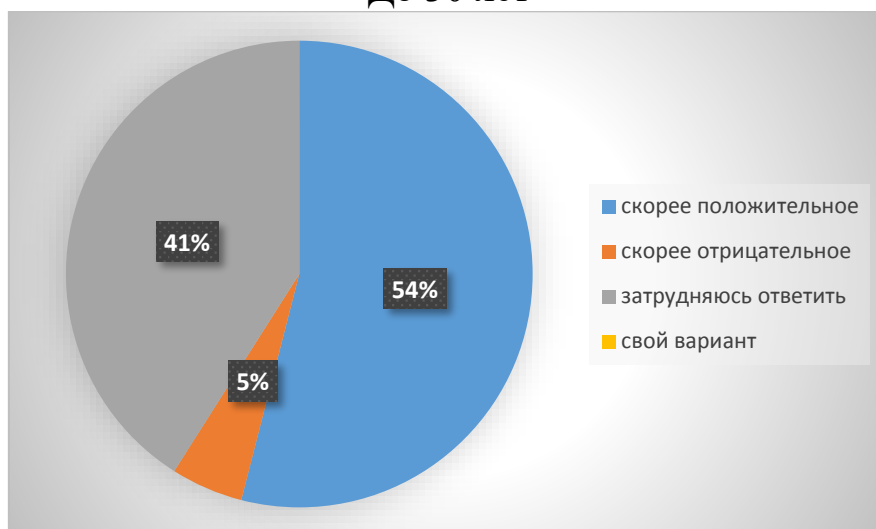


Старше 40 лет

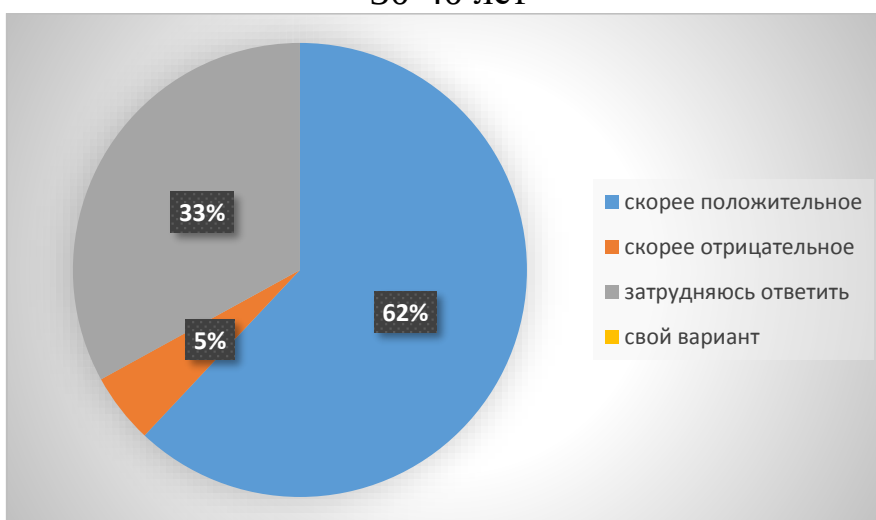


2. Ваше отношение к декабристам после экскурсии?

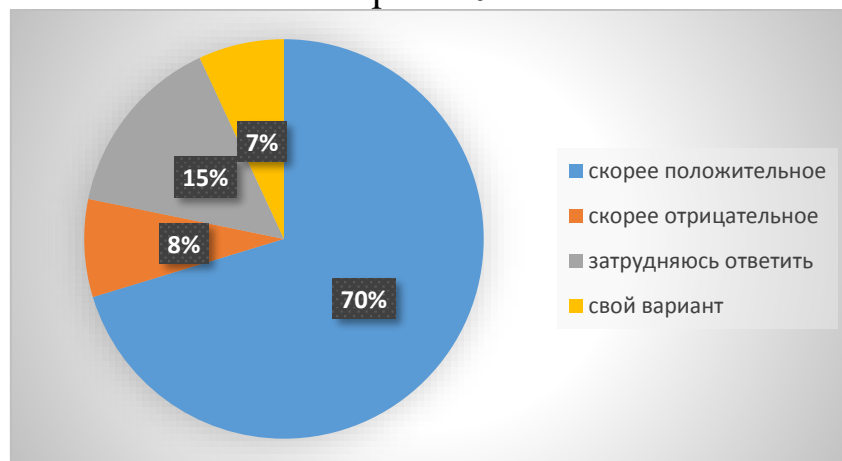
До 30 лет



30-40 лет

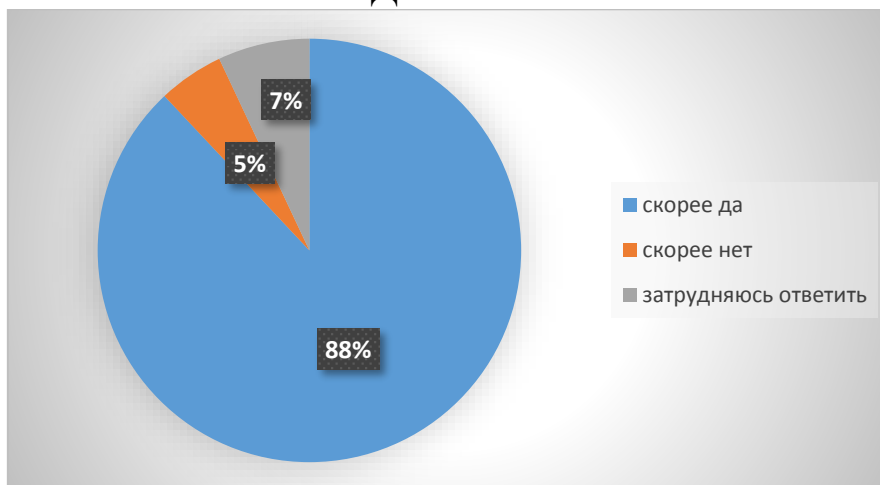


Старше 40 лет

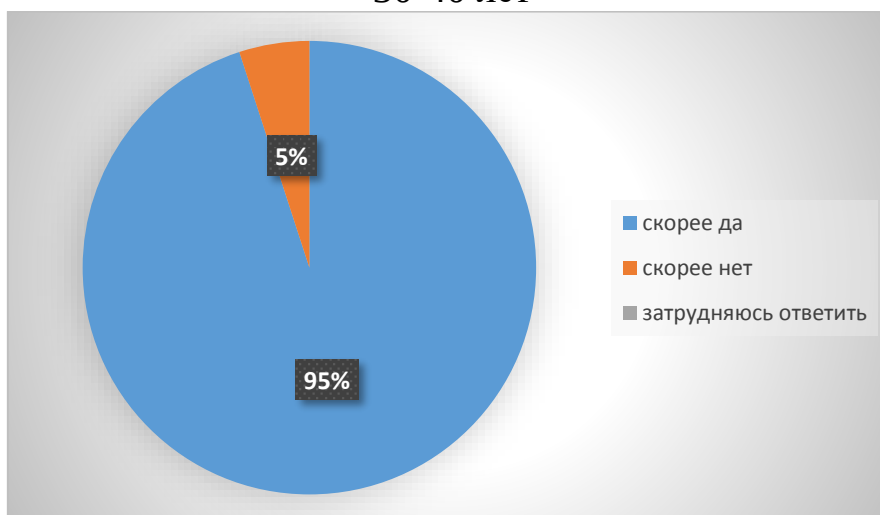


3. Узнали ли Вы что-то новое после экскурсии?

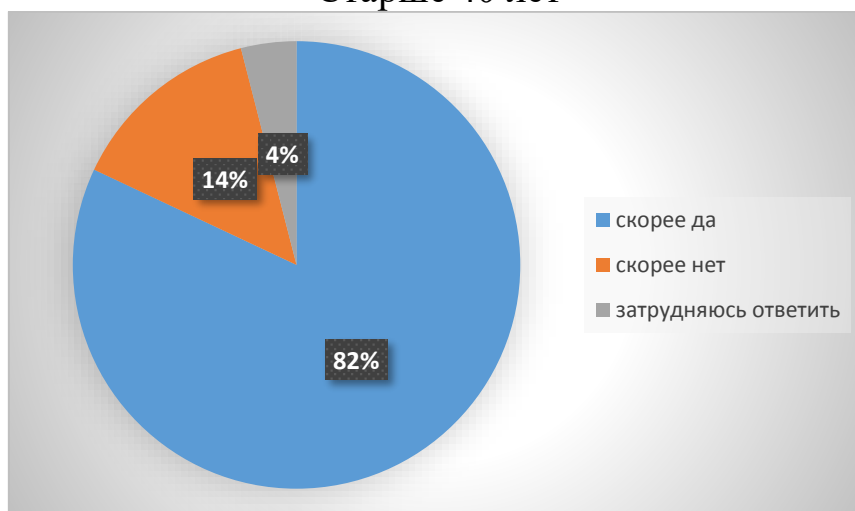
До 30 лет



30-40 лет

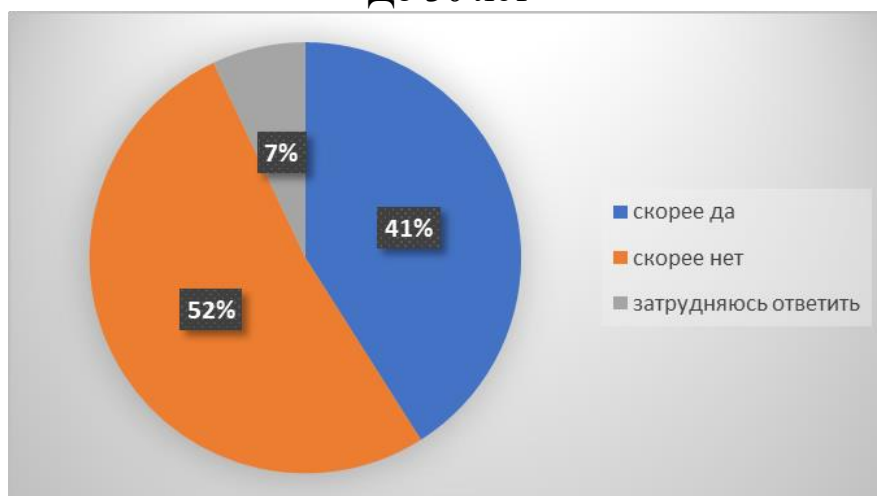


Старше 40 лет

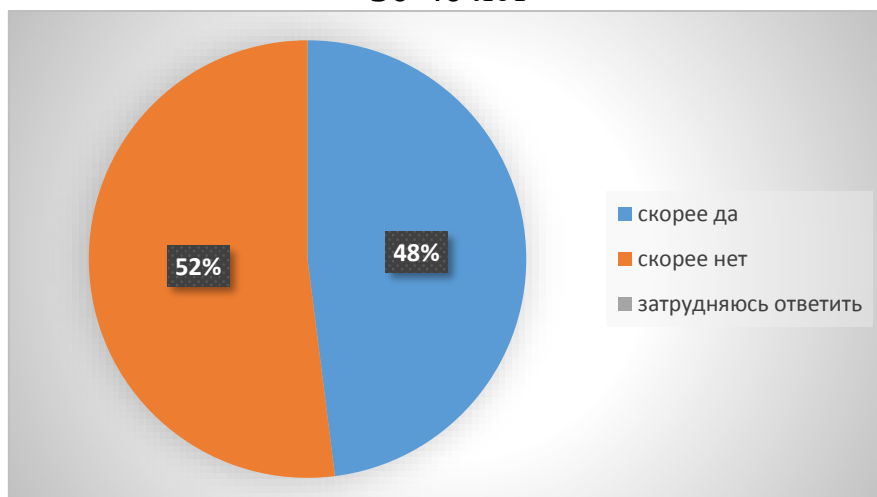


4. Изменилось ли Ваше отношение к декабристам после экскурсии?

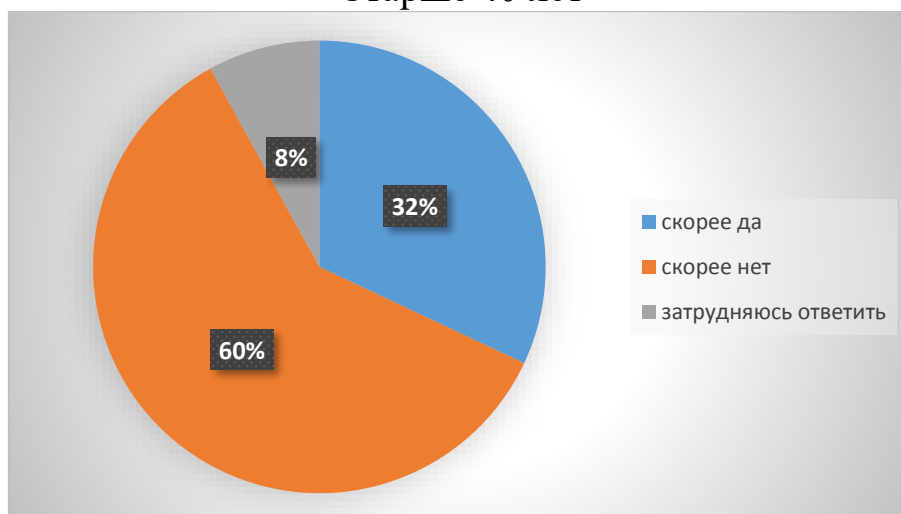
До 30 лет



30-40 лет



Старше 40 лет



Анкета

1. Ваш возраст (6 лет)
 - до 30 лет
 - 30-40 лет
 - старше 40 лет

 2. Что вы знаете о декабристах?
 - ничего не знаю
 - что-то слышал в общих чертах
 - хорошо осведомлен +
 - свой вариант

 3. Ваше отношение к декабристам до экскурсии?
 - скорее положительное +
 - скорее отрицательное
 - затрудняюсь ответить
 - свой вариант

 4. Узнали ли Вы что-то новое после экскурсии?
 - скорее да +
 - скорее нет
 - затрудняюсь ответить

 5. Изменилось ли Ваше отношение к декабристам после экскурсии?
 - скорее да +
 - скорее нет
 - свой вариант
- Спасибо!

М. И. Новиков

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие.....	3
Марданова Р. А. О Дербентском периоде писателя и декабриста А. А. Бестужева-Марлинского	4
Сафарова И. В. Александр Бестужев на Кавказских Минеральных водах	10
Добрынина Е. А. Иркутск и братья Бестужевы: связь и наследие	18
Федорова М. А. Певцы Кавказа (биографические и литературные параллели А. А. Бестужева-Марлинского и М. Ю. Лермонтова)	24
Шейкина О. М. Тема Кавказа в литературном наследии Ф. Ф. Тютчева (по роману «На скалах и долинах Дагестана»)	30
Давыдова Л. В. Туринский период жизни декабристов	37
Макодзеба А. П. Реликвии дворянского рода декабристов Пушиных в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника	56
Крапошин П. В. К биографии декабриста П. Н. Свистунова	61
Петелина И. В. Музей «Памяти декабристов» в Ялуторовске: вчера, сегодня, завтра	68
Ананьин П. А. Популяризация наследия декабристов в Екатеринбурге: наработанный опыт и грядущие проекты	74
Рязанов А. М. Декабристы и князь Дмитрий Владимирович Голицын	80
Царева В. А. А. С. Грибоедов и декабристы	87
Румянцева Г. В. Истории из жизни Кюхельбекера, рассказанные артефактами из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина.....	94
Пукова А. Н. Семейные реликвии декабристов в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина: Волконские, Муравьевы, Бестужевы	101
Старинкова Е. В. Семейные портреты и реликвии декабристов из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина	108
Григорьева В. В. Мемориальный портрет М. Н. Волконской из фондов Музея-квартиры Н. А. Некрасова.....	115
Ямаева А. В. Тема восстания декабристов в ходе обзорной экскурсии по литературной экспозиции «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество». Опрос общественного мнения среди посетителей музея	122

Научное издание

«Декабристы на Кавказе»

**Материалы Межрегиональных историко-литературных чтений,
5-6 октября 2023 г.**

г. Дербент

Подготовка оригинал-макета *Сулейманова М. А.*
Дизайн обложки *Мирзакеримов А. И.*

Подписано в печать 28.11.2023 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать лазерная.
Усл. п. л. 7,8. Уч.-изд. л. 7,1. Печать по требованию. Заказ №23-11-499.



Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru

ISBN 978-5-00212-499-2



Дербентский государственный историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник

368600, г. Дербент, ул. Рзаева, 7

Email: info@derbentmuseum.ru

Tel.: +7 872 298 92 23

<https://derbentmuseum.ru/>